

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2023 Том 25 № 4

Новые повороты в теории и методологии политической науки

Приглашенный редактор *Т.А. Алексеева*

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 19.12.2023. Выход в свет 25.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,05. Тираж 500 экз. Заказ № 1126. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2023 VOLUME 25 No. 4

New Reversals in the Theory and Methodology of Political Science

Guest editor *T.A. Alekseeva*

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Т.А. Новые повороты в теории и методологии политической науки:
представляю номер 759

МИР ПОЛИТИЧЕСКОГО

Сардарян Г.Т. Эсхатология постхристианской республики 767

Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. «Ситуационный национализм» по-
черногорски: новый этап национально-государственного строительства?..... 778

Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»:
фрейминг и коммуникация 801

Пригорян Н. Понятие политического как пространство концептуальных
противоречий и теоретических дебатов..... 817

Лаптев В.А. Искусственный интеллект в системе правовых инструментов
стабилизации политических режимов мировых держав..... 831

Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов
в контексте обеспечения цифрового суверенитета 848

Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции 862

Жигadlo К.В. Фрейм-анализ социальных движений: пример динамического
подхода к фреймированию 879

Склярлов Н.А. Влияние групп интересов на внешнеполитический курс США
при Д. Трампе: опыт когнитивного анализа 892

АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК

Лошкарёв И.Д., Белякова А.О., Саакян Т.С. От дистанционного национализма
к экономическому: диаспоральная политика Индии 917

Соловьев С.В. Сложности сотрудничества в космическом пространстве:
политическая практика и перспективы 928

Бахлова О.В., Бахлов И.В., Уляшкина Е.Г. Политика патриотического
воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал
институционализации 940

Ваславский Я.И. Политико-экономический подход к трактовке феномена
государственно-частного партнерства 953

Януш О.Б. Языковые ресурсы гуманитарной политики Российской Федерации
за рубежом: цифровые составляющие 962

Шлыкова Д.Н. К проблеме социально-политических размежеваний
в современной России 974

CONTENTS

Alekseeva T.A. New Reversals in the Theory and Methodology of Political Science: Introducing the Issue.....	759
---	-----

THE WORLD OF THE POLITICAL

Sardaryan H.T. Eschatology of the Post-Christian Republic	767
Meleshkina E.Yu., Pomiguyev I.A. The «Situational Nationalism»: A New Age of Nation and State Building in Montenegro?	778
Alekseeva T.A., Verkhovskaya Z.A. The “Third Generation” Constructivism: Framing and Communication	801
Prigorian N. The Concept of the Political as a Space of Conceptual Controversies and Theoretical Debates.....	817
Laptev V.A. The Artificial Intelligence in the System of Tools for Stabilizing the Political Regimes of World Powers	831
Romashkina A.B., Kirichuk D.A. The Political Subjectivity of Digital Actors in the Context of Ensuring Digital Sovereignty.....	848
Ananyev B. I. The Third-Way Trap? Constructivist Perception of Sanctions	862
Zhigadlo K.V. The Frame Analysis of Social Movements: The Illustration of a Dynamic Approach to Framing.....	879
Sklyarov N.A. The Influence of Interest Groups on U.S. Foreign Policy under D. Trump: An Experience of Cognitive Analysis	892

THE POLICY ANALISYS

Loshkariov I.D., Beliakova A.O., Saakian T.S. From Long-Distance to Economic Nationalism: India’s Diaspora Politics.....	917
Solovyev S.V. The Complexities of Cooperation Over Outer Space: Political Practice and Prospects	928
Bakhlova O.V., Bakhlov I.V., Uliaskina E.G. The Patriotic Education Policy Within the Framework of Belarus and Russia Union State: The Potential for Institutionalization	940
Vaslavskiy Ya.I. Explaining Public-Private Partnership Through the Prism of Political Economy	953
Yanush O.B. The Language Resources of the Russia’s Foreign Humanitarian Policy: The Digital Components.....	962
Shlykova D.N. On the Problem of Socio-Political Cleavages in Modern Russia.....	974

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-759-766
EDN: TUNFUO

Редакционная статья / Editorial article

Новые повороты в теории и методологии политической науки: представляю номер

Т.А. Алексеева

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ ataleks@mail.ru

Аннотация. Редакция представляет номер, посвященный рассмотрению актуальных сюжетов и вариантов методологических подходов в современной политической науке. В редакционном обзоре рассматриваются общемировые тренды турбулентности и нелинейности развития, которые ставят перед политической теорией новые крупномасштабные задачи осмысления новых политических процессов и явлений. В значительной степени они связаны с утверждением «постнеклассического» типа рациональности, требующего пересмотра сложившихся практик, методологий и методов исследования. Вместе с тем в условиях хаотизации и неопределенности потенциал политической теории остается во многом недооцененным на фоне увлечения комментированием текущей политики.

Ключевые слова: политическая теория, методология политической науки, хаотизация мира, постнеклассическая наука, нелинейность развития, рваный либерализм, эволюционизм, системный подход, конструктивизм

Для цитирования: Алексеева Т.А. Новые повороты в теории и методологии политической науки: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 759–766. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-759-766>

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет 2030».

© Алексеева Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

New Reversals in the Theory and Methodology of Political Science: Introducing the Issue

Tatyana A. Alekseeva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ ataleks@mail.ru

Abstract. The editorial board presents an issue dedicated to the consideration of topical subjects and variants of methodological approaches in modern political science. The editorial review examines the global trends of turbulence and nonlinearity of development, which pose new large-scale tasks for political theory to comprehend new political processes and phenomena. To a great extent, they are associated with the assertion of a “post-non-classical” type of rationality, which requires a revision of established practices, methodologies and research methods. Yet, in conditions of chaos and uncertainty, the potential of political theory remains largely underestimated against the background of a passion for commenting on current politics.

Keywords: political theory, methodology of political science, chaotization of the world, post-non-classical science, nonlinearity of development, ragged liberalism, evolutionism, systematic approach, constructivism

For citation: Alekseeva, T.A. (2023). New reversals in the theory and methodology of political science: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 759–766. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-759-766>

Acknowledgements: The publication was supported by MGIMO University “Priority 2030” program.

Я опасуюсь гораздо больше наших собственных
ошибок, чем вражеских замыслов
Фукидид

Политическая теория, подобно другим социальным наукам, переживает сегодня не самые простые времена. Стабильность, даже иллюзорная, похоже, осталась в прошлом, а теория, в отличие от прикладных наук, всегда предполагает некую дистанцию от происходящего, возможность взгляда со стороны в сравнении с прошлым... и взвешенных, а не конъюнктурных обоснований желательного будущего. Изменение мирового порядка, на фоне хаоса, непредсказуемости и экспоненциального роста технических инноваций ставит под вопрос многие устоявшиеся концепты и мировоззренческие установки. Сегодняшний тренд — турбулентность и нелинейность, случайность и относительность пространства и времени, коэволюционность изменений, условность закономерностей в развитии природы и общества. Иными словами, мы стали свидетелями наличия знаковых признаков прихода и утверждения «постнеклассической» картины мира, предсказанной еще в 1970-е гг. бельгийским физиком российского происхождения Ильей Пригожиным и его последователями.

Хаотизация мира обострилась, стабильность утрачивает свое значение, предсказуемость последствий принимаемых решений снизилась — иначе говоря, рассуждая в оптике «постнеклассического» мировоззрения, мы переживаем «точку бифуркации», знаменующую переход к новой системе мироустройства. К этой «точке бифуркации» мир пришел вследствие целого ряда глобальных процессов, включающих военную эскалацию и обострение конфликтов самого разного уровня от «конфликтов низкой интенсивности» до полномасштабных войн, терроризма и кризисных процессов в мировой экономике (выразившихся в финансовой сфере, в переделе рынков, смене экономических лидеров и изменении статусов и сферы влияния Центра по отношению к периферии и, соответственно, наоборот); массового миграционного движения как чуть ли не «нового переселения народов»; обострения ценностных, культурных и цивилизационных противоречий, с соответствующим углублением ксенофобии, этнокультурных столкновений; идеологизации и догматизации либерализма, очевидного уклона в сторону фашизации; наконец, беспомощности управленческих структур многих, в том числе ряда наиболее развитых стран, в ситуации, столь очевидно проявившейся в ситуации пандемии коронавируса, не говоря уже об экологических проблемах. Все это происходит на фоне новой научной революции в виде цифровых технологий, роботизации, искусственного интеллекта, биогенетических разработок и управления сознанием людей. Разумеется, это создает новые технологические возможности для развития, но одновременно многократно усиливает угрозы и риски.

Нелинейность развития, спонтанность и случайность событий, наконец, многополярность и множественность идей требуют нового типа мышления о политике, как минимум признания того, что традиционные методы и схемы больше уже «не работают» в отличие от совсем недавнего прошлого. Политическая теория и политология, в целом приходится признать, оказались не готовы к таким радикальным переменам, хотя все же удалось нащупать некоторые аспекты слома и проявления контуров нового мира.

Но это, так сказать, стратегический фон. Имеют место и более конкретные явления и проблемы, которые также оказывают мощнейшее влияние на осмысление политической сферы. Все более очевидно, что в условиях позднего капитализма разрушается смысловая непрерывность жизненного мира. Многие веками складывавшиеся варианты осмысления социально-экономических и политических процессов предстают устаревшими, потерявшими актуальность и значимость. Кроме того, идеологии, пусть и утратившие определенность «больших идеологий» прошлого, во все большей степени замещают политические идеи как научные теории. Новая политическая мысль становится уделом чуть ли не избранных центров и университетов, и, как встарь, отдельных политических мыслителей — а на практике в лучшем случае заменяется историей политических учений как изложения взглядов мыслителей прошлого, часто даже без малейшего намека на выяснение актуальности переосмысления и глубокого понимания их идей.

Знать основные имена и вехи, эволюцию политической мысли, очевидно, нужно, и без этого не обойтись образованному человеку. Так же как следует цитировать других авторов в своих статьях и книгах хотя бы для того, чтобы знать, чем и как занимаются коллеги. Но не утрачивается ли при этом оригинальность и новизна? Не приходится ли, следуя рекомендациям рецензентов, сверять чуть ли не каждую мысль с утвержденными концепциями из учебников, сплошь и рядом вторичных? Неудивительно поэтому, что многие базовые политологические понятия, такие как «власть», «государство», «суверенитет», «религиозность», «гуманизм», «свобода», «справедливость» и чуть ли не все основные концепты, превращаются в устойчивые идеологемы.

Это своего рода «рваный либерализм» на фоне его тотальных претензий на то, чтобы рассматривать все другие теории и взгляды на правах не более чем подсистем присвоенных себе «общечеловеческих ценностей». Забывается требование английского теоретика Уильяма Гэлли о «сущностно оспариваемых концептах», без которых диалогичность науки становится в принципе невозможной. Таким образом, бесконечные дискуссии, диалог, а не полемика (последняя, что отмечал еще Мишель Фуко, не терпит несогласия, ибо предполагает вещание с позиции высшей истины и знания, а отнюдь не спор, без которого наука уходит), связанные с разными ценностями и применяющими разные методы исследования и анализа, а также принципы критики закономерностей, являются самым способом существования политической теории с момента ее возникновения. В этом же ее необходимость для познания постоянно изменяющегося жизненного мира.

Политическая теория не только стремится ответить на вопрос, почему нечто происходит в политике так, а не иначе, она по самой своей сути — нормативная дисциплина, а стало быть, чаще рассуждает на тему о том, как нечто должно происходить (ought to), какой должна быть поставленная цель и как ее достичь, нежели просто ограничивается описанием фактов и событий. Поэтому она всегда связана с политической философией (часто их даже отождествляют). Но она отнюдь не фантазия, не спекуляция, хотя нередко стимулирует появление утопий и мифов. Она раскрывает жизненно важные аспекты жизни и имеет решающе важные последствия для политической деятельности индивидов, групп, партий и, наконец, государств. Неразрывная связь теории с практикой всегда присутствует и становится особенно заметной, когда мы сравниваем политическую теорию с другими политологическими дисциплинами, особенно эмпирическими и описательными. Они могут казаться более «научными», однако им часто не хватает дистанцирования и абстракции политической теории.

Конечно, с неизбежностью встает вопрос, в самом ли деле многие принципы политической теории, сформулированные в давние и не очень времена, обладают универсальной валидностью, или они были или остаются актуальными только для каких-то конкретных сообществ и в определенные исторические периоды. И это тоже сегодня одна из наиболее востребованных дискуссионных тем. Необходимо вспомнить слова, высказанные в свое время известным германо-американским политическим мыслителем Лео Штраусом: «Без опыта

разнообразных политических институтов и убеждений в разных странах и в разные времена, вопрос о природе политических вещей и о наилучшем или самом справедливом политическом порядке никогда не были бы поставлены. А после того как они были поставлены, только историческое знание может помочь избежать ошибки принять специфические черты политической жизни какого-то времени и какой-то страны за природу политических вещей» [Strauss 1949].

Академик В.С. Стёпин в своих трудах по философии науки обосновал необходимость рассмотрения научного знания как сложной исторически развивающейся системы, особого типа системной организации, предполагающей появление новых и трансформацию имеющихся уровней и подсистем, и обретение более сложной и разнообразной целостности, и, как следствие, изменение теорий, методов, ценностных установок, иначе говоря, смены типов научной рациональности, от механистического, классического к неклассическому и, наконец, до постнеклассического [Стёпин 2000]. А это также предполагает осмысление проблемы оснований науки, в частности научных картин мира и их взаимодействия с теоретическими моделями и подходами, а также идеалами и нормами науки.

Это один из основных аспектов великой культурной трансформации нашего времени, для которого характерно объединение в единое целое принципов универсального эволюционизма и системного подходов. Эти принципы, отнюдь не отвергая специфику каждой дисциплины, выступают в качестве инварианта различных онтологий. П.А. Цыганков подчеркивал, например, что «картина международных отношений становится более комплексной, обширной и «многослойной», сочетая элементы классических межгосударственных взаимодействий со всепроникающей взаимозависимостью» [Цыганков 2013].

Сущность происходящей в наши дни научной революции состоит в том, что современная наука отвергает детерминизм и настаивает, что креативность проявляется на любом уровне, нестабильность и неопределенность предстают как существенный элемент.

Развитие в том или ином направлении нередко происходит под влиянием вроде бы незначительного, сплошь и рядом случайного фактора. А коль скоро все в мире глубоко взаимосвязано, «конец определенности» означает, что будущее открыто. Сегодня уже выявлено множество сценариев перехода к хаосу через каскад бифуркаций, перемежаемость, квазипериодические режимы, исторические реконструкции, цикличность и самые разные теоретические схемы «скачков вперед» и разворотов вспять, но проектов выхода из этого хаоса пока еще крайне мало или они нередко декоративны. Более того смысл самого понятия «политическое» — одна из важнейших проблем политической теории, поскольку даже в самом широком значении касается всех практик и институтов, которые так или иначе связаны с политической властью.

Не стоит удивляться, что с такими трудностями (если это все же происходит) сталкивается формирование даже внутренне непротиворечивого образа Современности в целом. Сложность задач, которые встают перед политическими теоретиками, усугубляется также и тем, что политическая мысль открыта

как для традиционных теорий (говоря словами Нильса Бора, предшествующие научные идеи никуда не уходят, а продолжают сохраняться в применении к частным случаям), так и требований междисциплинарности, что предполагает «постнеклассическая» рациональность.

Иначе говоря, перед политической теорией встают задачи такого масштаба, которого, возможно, еще никогда не было. И их шаг за шагом придется осмысливать и решать, иначе нам не выбраться из сегодняшнего общемирового хаоса с его рисками и угрозами для самого бытия человека.

Кафедра политической теории МГИМО была учреждена в 1999 г. и никогда не меняла своего названия, несмотря на модные веяния и разнообразные предложения, вплоть до самых экзотических. Мы постоянно убеждаемся в том, что это было правильное решение. Хотя студентам младших курсов чаще всего хочется заняться чем-то прикладным, практическим, уже в магистратуре мы наблюдаем большой конкурс, не говоря уже о потоке аспирантов и особенно докторантов. С возрастом и опытом абитуриенты начинают понимать, что именно знание и понимание теории дает им в карьере немалые преимущества обладания целым рядом навыков и знаний, которые просто при наблюдении за текущей политикой получить невозможно. Познание политики, будь то внутренней или внешней, без теоретической базы крайне затруднительно и почти всегда содержит риск поверхностности и ошибочности суждений.

Коллеги по кафедре политической теории, а также некоторые ученые, тесно взаимодействующие с кафедрой, представили в номере статьи на разные темы, использовали разную методологию, поставили отнюдь не равнозначные вопросы. Но эти статьи дают представление том, по какому пути мы идем и, хотя бы в силу этого, могут показаться интересными теоретикам из других университетов и центров. На что, разумеется, мы очень надеемся.

Открывает номер раздел, озаглавленный «Мир политического», в котором собрано многообразие сюжетов современной политической науки, в частности статья *Г.Т. Сардаряна (МГИМО МИД России)*, в которой он прослеживает динамику онтологических оснований республики в политической мысли античных философов, средневековых мыслителей и современных представителей западной политической теории. Изучая развитие политико-философской концепции республики как общего дела в условиях трансформации ценностной системы западного общества, автор заключает, что эпоха модерна привела к лишению республики целеполагания.

Теоретико-философский блок продолжает статья *Н. Пригорян (РУДН им. Патриса Лумумбы)*, которая в широком политико-философском обзоре понятия политического следует за мыслями К. Шмитта, Х. Арендт, Ю. Хабермаса и Дж. Ролза, рассматривает политическое как пространство концептуальных противоречий и теоретических дебатов. В их трактовках политическое представлено как экзистенциальное противостояние, как деятельность, реализующая человеческую свободу, и как пространство рационального консенсуса.

Т.А. Алексеева и Ж.А. Верховская (МГИМО МИД России) обращают читателя к теории, которая в значительной степени обобщает почти все статьи

этого номера, — конструктивизму. В центре их внимания роль новых методологических тенденций в конструктивизме «третьего поколения». Задача формирования сообщества, конструирования идентичности предполагает плюрализм подходов и признание разных точек зрения и одновременно «очищение» информационного пространства от множества фреймов. Фрейм-анализу посвящена и работа *К.В. Жигадло (НИУ ВШЭ)*, который рассматривает фреймирование как аналитический инструмент для изучения процессов, связанных с гражданским активизмом представителей социальных движений. Фреймы, нарративы и сторителлинг оказываются в его интерпретации важной частью гражданской активности.

Е.Ю. Мелешкина (ИНИОН РАН) и *И.А. Помигуев (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ, Финансовый университет)* в своем эмпирически фундированном исследовании не только задаются вопросами о политическом развитии Черногории в контексте исторического наследия Югославии, но и обращаются к проблеме социальных и этнополитических размежеваний, их влияния на электоральные процессы в стране и судьбу демократии.

Блок проблем, связанных с **цифровизацией политики**, без осмысления которых сегодня не может обойтись политическая наука, включает статьи *В.А. Лантева (ИГП РАН, МГЮА)* об искусственном интеллекте в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав и их технологических стратегиях, сравнительный анализ которых представляет особый интерес, а также *А.Б. Ромашикиной* и *Д.А. Киричук (РУДН им. Патриса Лумумбы)*, которые изучают политическую субъектность цифровых актантов и проблемы цифрового суверенитета.

Политико-экономическая тематика представлена в номере стаями ученых *МГИМО МИД России* *Б.И. Ананьева* о новых трактовках феномена государственно-частного партнерства и *Н.А. Склярова* о влиянии групп интересов на внешнеполитический курс США при Д. Трампе.

Второй тематический раздел номера посвящен актуальному **анализу отраслевых политик**. Этот раздел открывает статья группы ученых *МГИМО МИД России* *И.Д. Лошкарёва*, *А.О. Беляковой* и *Т.С. Саакяна* о **диаспоральной политике** Индии с акцентом на диаспору как негосударственного актора мировой политики. Опираясь на институциональный анализ, авторы прослеживают развитие диаспоральной политики Индии, переходящей от традиционных практик «дистанционного национализма» к экономическому национализму.

С.В. Соловьев (МГИМО МИД России) обсуждает сложности сотрудничества в космическом пространстве, проводит анализ перспектив для формирования режима мирного развития **космической дипломатии**, а также оценивает вероятность различных сценариев: установления военной гегемонии на фоне милитаризации космического пространства и возможности приватизации космоса.

О.В. Бахлова, *И.В. Бахлов* и *Е.Г. Уляшкина (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва)* изучают **политику патриотического воспитания** в рамках Союзного государства Беларуси и России и ратуют за ее институциональное воплощение на принципиально новом качественном уровне.

Завершает раздел и номер статья *О.Б. Януш (Казанский государственный энергетический университет)* о языковых ресурсах гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Автор представляет известную на всю Россию школу изучения **языковой политики**, работающую многие годы в Казани.

Поступила в редакцию / Received: 11.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2023

Библиографический список

- Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.
- Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика»: консолидация учебно-научной дисциплины? // *Международные процессы*. 2013. Т. 11. № 3–4 (34–35). С. 6–20.
- Katzenstein P.* *Uncertainty and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
- Strauss L.* *Political Philosophy and History* // *Journal of the History of Ideas*. 1949. Vol. 10, no. 1. P. 30–50.

References

- Katzenstein, P. (2022). *Uncertainty and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stepin, V.S. (2000). Theoretical knowledge. Structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition. (In Russian).
- Strauss, L. (1949). Political Philosophy and History. *Journal of the History of Ideas*, 10(1), 30–50.
- Tsygankov, P.A. (2013). “International relations and world politics”: Prospects for a new academic discipline. *International Trends*, 11, 2–3 (34–35), 6–20. (In Russian).

Сведения об авторе:

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России (e-mail: ataleks@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6561-2281)

About the author:

Tatyana A. Alekseeva — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: ataleks@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6561-2281)

МИР ПОЛИТИЧЕСКОГО THE WORLD OF THE POLITICAL

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-767-777

EDN: QLXESZ

Научная статья / Research article

Эсхатология постхристианской республики

Г.Т. Сардарян

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ g.t.sardaryan@inno.mgimo.ru

Аннотация. Автор анализирует развитие политико-философской концепции республики как общего дела в условиях трансформации ценностной системы западного общества. Основной проблемой исследования являются причины, по которым существование республики в условиях современных идейно-теоретических основ общества индивидуального потребления сталкивается с невозможностью достижения общего блага как целеполагания общего дела. Исследование прослеживает онтологию республики в политической мысли античных философов, средневековых мыслителей и современных представителей западной политической теории. Центральную роль в данном смысле играет христианство, которое долгие столетия являло собой системное представление о сущности общего блага. В условиях же современного западного общества оно перестало быть трансцендентной системой ценностей, уступив место релятивистским концепциям, неспособным выступать в роли фундамента для общественного согласия. Автор приходит к заключению, что эпоха модерна привела к лишению республики целеполагания, заменив коллективную сущность общества индивидуальным эгоизмом гражданина, в то время как постмодерн, отвергая любую форму коллективной самоидентификации человека, лишает его уже возможности выступать в роли гражданина.

Ключевые слова: республиканизм, христианство, общее благо, политическая культура

Для цитирования: Сардарян Г.Т. Эсхатология постхристианской республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 767–777. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-767-777>

© Сардарян Г.Т., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Eschatology of the post-Christian Republic

Henry T. Sardaryan

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ g.t.sardaryan@inno.mgimo.ru

Abstract. The author analyzes the development of the political and philosophical concept of republic as a common cause in the conditions of transformation of the value system of Western society. The main problem of the research is the reason why the existence of the republic in the conditions of modern ideological and theoretical foundations of the society of individual consumerism faces the impossibility of achieving the common good as the goal-setting of a common cause. The study traces the ontology of the republic in the political thought of ancient philosophers, medieval thinkers and modern representatives of Western political theory. The central role, in this sense, is played by Christianity, which for many centuries has been a systematic representation of the essence of the common good. In the conditions of modern Western society, it has ceased to be a transcendent system of values, giving way to relativistic concepts that are unable to act as a foundation for social harmony. The author comes to the conclusion that the modern era has led to the deprivation of the republic of goal-setting, replacing the collective essence of society with the individual egoism of a citizen, while postmodernism, rejecting any form of collective self-identification of a person, deprives him of the opportunity to act as a citizen.

Keywords: republicanism, Christianity, common good, political culture

For citation: Sardaryan, H.T. (2023). Eschatology of the post-Christian Republic. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 767–777. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-767-777>

Введение

Тематика политической культуры и ее влияния на политические процессы и институты подробно отражена в работах Т.А. Алексеевой [Алексеева 2012; Алексеева 2016], в которых осуществлен ретроспективный анализ политико-философской мысли, направленной на изучение культуры как важнейшей части сферы политического. Важнейший вклад в изучение культурных основ цивилизации внесла М.М. Мchedлова [Мchedлова 1999]. Анализу краха политики мультикультурализма современной Европы посвящены работы М.И. Рыхтика [Рыхтик 2012].

Вопросы взаимодействия религиозно-ценностного и социально-политического факторов при переходе от предмодерна к эпохе модерна рассматривались в трудах А.Г. Глинчиковой [Глинчикова 2017]. Нельзя не отметить и значимости фундаментальных трудов Э. Дюркгейма, обратившего внимание на духовные факторы в формировании социума и его культуры [Durkheim 2001].

Рассмотрением неореспубликанизма в срезе его соотношения с концепцией «правительственности» М. Фуко занималась М.Д. Марей [Марей 2017]. Важнейший вклад в отечественные исследования республиканизма внесли работы О.В. Хархордина [Хархордин 2009], в которых дается системное рассмотрение данного идейно-теоретического течения. Систематизации неореспубликанизма и предшествующих ему идейно-теоретических концепций посвящены

работы К. Скиннера [Скиннер 2006], развитием концепции и ее дополнением был занят М. Петтит [Петтит 2016].

Изучение фундаментальных теоретических государствоведческих дисциплин, как правило, начинается с того, чтобы определить содержание понятия формы государства. Два из трех традиционно относимых к ней института — политический режим и политико-территориальное устройство столетиями вызывают споры состоявшихся ученых и рвение молодых исследователей. Как быть с многообразием демократий и способен ли весь мир уместиться в искусственные альтернативы авторитаризма и тоталитаризма? Как вписать в классификацию унитарного государства большую часть европейских стран, где регионы обладают большей самостоятельностью, чем во многих федерациях? Более устойчивой и подкрепленной конкретными критериями обычно представляется третья составляющая — форма правления. Отличить республику от монархии, парламентскую республику от президентской и смешанной должен суметь каждый, даже не самый старательный студент первого курса.

Однако 140 республик современного мира отличаются друг от друга и увеличивают онтологический разрыв с темпами, которые позволяют усомниться в эпистемологической определенности этой формы организации государственной власти. В одних республиках редко какое правительство способно удержаться у власти дольше календарного года, в то время как в других власть передается уже третьему поколению представителей одной и той же семьи. Для одних республик политический кризис давно стал формой бытия, в то время как для других большая часть характерных для этой формы правления фундаментальных процедур обретает характер символического ритуала. Будучи изобретением сугубо западной политической мысли и плодом ее 2000-летней трансформации, республика сталкивается с одним из самых больших вызовов в собственной истории, способным нанести ей историческое поражение.

Исследователи, традиционно, увлеченно рассматривают, критикуют, выделяют и передают забвению механизмы и институты республиканского правления. Именно иллюзорная детерминированность республики как набора процедур и институтов уводит внимание от ее онтологии, в основе которой лежат не механизмы, а аксиология, определяющая целеполагание, которому должно служить государство.

В этой связи ключевая проблема современной республики заключается не в том, как нормативно обеспечить функционирование формальных институтов, а почему ценностная парадигма индивидуализма, а в дальнейшем и постмодернистского распада личности способна привести к упадку ее идейно-теоретических основ и скорой гибели как действенной политической модели.

С этой целью необходимо понять — почему античная и средневековая республики представляли собой вполне дееспособные государственные образования, в то время как современная модель республиканизма после Второй мировой войны постепенно вступила в фазу политико-философского кризиса, имеющего системные причины и ведущего к закату общего дела. Это определяет императив исследования причинно-следственных связей трансформации ценностных

ориентиров западного общества и лишения современной модели республики ценностного фундамента существования.

Античная аксиология республики

Исследование аксиологии республики было бы оправданно начать с ее целеполагания. Многие исследователи утилитарно ищут в исторических аналогиях рациональные причинно-следственные связи, приводя экономические [Ruffin 2008], классовые [Isaac 1990], политико-технологические [Kellow, Neven 2016] мотивации процессов, окидывая научным взором события, охватывающие несколько тысячелетий человеческой истории. В определенных случаях это представляется оправданным, в иных — схоже в своей бессмысленности с оценками исторических деятелей с точки зрения их соответствия нормам современной этики.

Принято полагать, что в Древнем Риме республика должна была, в первую очередь, решить те проблемы, которые сложились в период монархии [Showerman 1925] — классовое расслоение и этническое неприятие этрусских царей, удерживавших власть с начала правления Луция Тарквиния Приска с 616 г. до н.э., что являло собой сильный раздражитель для аристократии. Вполне вероятно, что подобная точка зрения имеет право на существование и оправдана с точки зрения современных представлений о политическом процессе. Однако важнее понять не то, как подобные процессы воспринимаются современной политической наукой и какие задачи они могли бы решить, исходя из современной эпистемологии, а почему они имели место с точки зрения современников и каким ценностным содержанием обладали с точки зрения этики своей эпохи.

Известно, что за падением царской власти стоял миф об аморальности сына Тарквиния — Секста, подвергнутого насилию добродетельную Лукрецию, чье бездыханное тело принесли на площадь члены ее семьи и подняли восстание, требуя изгнания царя и установления республиканской власти. Естественно, смена политической модели государства не могла быть вызвана надругательством представителя царской семьи, особенно в Риме, где это событие никак не могло быть первым в подобном ряду. Однако важно, что история царства дошла до нас из источников периода республики, а все последующие поколения римлян в своем осознании онтологии республики исходили именно из этой мифологии, в которой республика противопоставлялась монархии не по причине большей рациональности, эффективности, экономической целесообразности, а исключительно исходя из этических категорий добродетели. Республика не должна была решать проблемы «как», а была нацелена на достижение «во имя чего». Смысл республики — в добродетельности, которая представляет собой сугубо этическую категорию и опирается на ценностную парадигму своего периода.

Возможно, не случайно, что первые две крупные философские работы Марка Туллия Цицерона посвящены политической философии, учитывая кризис, с которым столкнулась республиканская система правления в его период. «De

Re Publica» и «De Legibus» [Цицерон 2022] бросают вызов идее «Республики» Платона о том, что политическая философия должна развиваться изолированно от рассмотрения реальных политических структур и обществ, которую Цицерон считал утопичной.

Как известно, философ-стоик Панаэций вместе с греческим историком Полибием упоминаются в основной части диалога, обсуждая политические вопросы с одним из главных ораторов произведения, Сципионом. В их диалоге сразу же возникает противоречие между стоическим политическим мышлением о том, что люди разделяют с богами владычество не только над собой и местом своего обитания, но и о Земле, с одной стороны, и особенностях Рима чья исключительность не может гармонично сочетаться с этими космополитичными представлениями — с другой.

Цицерон глубоко осознает невозможность существования идеальных универсальных моделей. В самом начале своего труда он определяет теории хорошего правления как бесполезное занятие до тех пор, пока в их рамках не будет доказано, что участие в общественной жизни — это правильный поступок. То есть этика, а соответственно и ценности, определяющие ее, являются основой целеполагания республики. В «Законах», он утверждает, что люди рождены для справедливости, и то, что правильно, зависит не от мнения, а от природы, опираясь на традицию, восходящую к Платону, в которой природа противопоставляется договоренностям. Цицерон определяет: тот факт, что созданный человеком закон гласит, что нечто является правильным или неправильным, не означает, что его утверждения верны.

То есть для античной республики достижение справедливого устройства должно было опираться не на рациональные договоренности, определяющие наиболее эффективный способ устройства государства, а на метафизическое представление о должном, которое в данную эпоху представлено абстрактной природой, определяющей ключевые этические категории. Общее дело, коим является республика, существует не само в себе и не представляет самоцели, будучи лишь механизмом для достижения общего блага, определяемого этикой, не подвластной воле индивида.

Средневековая республика и христианство

Средневековье принесло республике не только фундаментальное институциональное основание, отраженное в трудах Макиавелли [Макиавелли 2021], но и значительно более важное онтологическое содержание. Впервые у общего дела появляется не абстрактное этическое целеполагание в виде природной справедливости, которую сложно точно определить и которая в конечном счете становится предметом трактовки со стороны мыслителей, которые, вопреки позиции Цицерона, являются индивидами, определяющими этику. Общее дело обретает систематизированное представление об общем благе, выраженном в христианском учении.

Фундаментальный труд Аврелия Августина Иппонийского, христианского богослова и философа, одного из отцов христианской церкви, святого католической, православной и лютеранской церквей — «О граде Божьем» объясняет, почему античная модель не может считаться республикой в доподлинном смысле. То, что у музыкантов называется гармонией, то в государстве — согласием, которое суть прочное и наилучшее во всякой республике основание для благополучия и справедливости [Августин Аврелий 1998]. Он предлагает определение республики как народного дела, при котором народ — не абстрактная толпа, а совокупность людей, объединенных согласием в смысле определения прав и взаимной пользы. Августин делает вывод, что Римская республика никогда не была республикой, так как она была лишена справедливости ввиду того, что истинной справедливости нет нигде, кроме той республики, основатель и правитель которой — Христос. В его представлении управлять республикой без справедливости невозможно, так как там не может быть и права, а несправедливые постановления людей считать правом недопустимо. Где нет истинной справедливости, там не может быть и совокупности людей, соединенных взаимно согласием в праве, следовательно, не может быть и народа, а если нет народа, то нет и дела народного.

Фома Аквинский, учитель церкви, в своем труде «О правлении князей» отмечает, что «часто случается, что люди, живущие под царем, менее пекутся об общем благе, полагая, что то, чем они жертвуют во имя общего блага, пойдет на пользу не им самим, но другому, под чьей властью, как они видят, находятся общие блага. Когда же они видят, что общее благо не находится под властью кого-то одного, то не относятся они к нему как к чему-то, что принадлежит другому, но каждый относится к нему, как к своему» [Фома Аквинский 2016: 107].

То есть республика в трудах средневековых учителей церкви продолжает этическую традицию своего целеполагания как справедливого устройства государства, однако она обретает очень конкретную аксиологию, определяющую эту справедливость в виде христианства, которое служит ценностным основанием обеспечения согласия, необходимого для существования общего дела. Как и свои предшественники, крупнейшие мыслители данного периода отвергают возможность существования и функционирования республики и ее законов исключительно на основе воли правящего класса, даже если он определяется посредством механизмов, в которых решающая роль отводится народу, потому что в данном случае совокупность населения государства не является народом.

Это представляется важнейшим онтологическим вопросом развития политико-философского содержания республики, которая может являться общим делом только в том случае, если ее граждане являют собой общее, а не совокупность индивидов. Идея о том, что народ — это граждане, объединенные согласием в вопросах права, была озвучена и Цицероном. Однако он сам утверждал, что право не может быть справедливым, если опирается исключительно на волю человека и не несет в себе этического содержания, которое, как он полагал, установлено природой. Но, как уже отмечалось выше, так как природа абстрактна, ее определение не могло дать ответа на онтологический вопрос о том, что есть справедливость? Средневековые же философы обрели в христианстве систему,

определяющую данное содержание и позволяющую установить целеполагание республики. Если республика, будучи общим делом, предполагает императив готовности жертвы личного в угоду общему, то христианство определило метафизическую, неподвластную человеческому вмешательству категорию необходимости заботы о ближнем, сакрализации жертвенности и возвышенности духовных идеалов над материальным благополучием отдельно взятого человека.

Постхристианская республика

Точный момент формирования в западных странах республик, основанных на отрицании христианского идейно-теоретического аксиологического фундамента, определить достаточно сложно. В период до Второй мировой войны большинство европейских государств были тоталитарными или авторитарными диктатурами, которые либо формально были монархиями, либо лишь номинально декларировали себя республиканскими странами.

Период после Второй Мировой войны можно условно разделить на два этапа. В первые десятилетия после 1945 г. в Европе были основаны и функционировали республиканские государства, в которых правящими партиями являлись христианские демократы, провозглашавшие себя проводниками учения Римско-католической церкви. Сам Европейский Союз в виде тогда еще Европейского объединения угля и стали был основан шестью странами, ФРГ, Италией, Францией, Бельгией Нидерландами и Люксембургом, видевшими в новом образовании прообраз «христианской республики». Конституция, законодательство и политическая программа правящей партии в этих государствах во многом опирались на политическую и социальную доктрину католической церкви.

К 1960–1970 гг. можно говорить о начале процесса культурной революции, который стал заметно понижать число приверженцев христианства среди граждан европейских стран. Это вело и к существенному изменению политики и действий христианских демократов. Ярким примером является Италия, где в 1974 г. проводился референдум по вопросу запрета развода. Итальянцам предлагалось решить: хотели ли они отменить закон, принятый за три года до этого, разрешающий развод впервые в современной итальянской истории. Инициаторами выступили христианские демократы, активно агитировавшие за запрет разводов, в целях сохранения традиционной модели семьи и католического учения. Левые силы, такие как «Итальянская социалистическая партия» и «Итальянская коммунистическая партия», воздержались от агитации. Против запрета выступали либералы — «Итальянская радикальная партия», которая ходатайствовала о праве на развод в Италии с начала 1960-х гг.

Результаты референдума шокировали христианских демократов, которые не ожидали, что 60 % населения выскажется за сохранение права на развод. В результате они иницируют процесс по уничтожению собственной платформы, изменяя собственную политическую риторику, в надежде приобрести еще больший электорат путем отказа от христианства как непосредственного источника ценностно-политических оснований своей политики.

Похожий процесс происходит на международном уровне. Еще в 1925 г. делегации из католических христианско-демократических партий Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Литвы, Люксембурга, Нидерландов, Португалии, Франции, Чехословакии и Швейцарии создали в Париже «Международный секретариат христианских демократических сил». В 1961 г. основывается «Всемирный союз христианских демократов» (WUCD), в 1982 г. он меняет свое наименование на «Христианско-демократический интернационал» (CDI).

Однако очень скоро из-за того, что в нее принимают политические партии из государств с нехристианским населением, в первую очередь исламским (Албания, Алжир, Марокко и др.), она меняет свое название на «Центристский демократический интернационал». При этом данные партии составляли достаточно маленькую долю и не играли действенной роли в деятельности организации, что не помешало организации фактически размыть собственное идейно-теоретическое поле и идеологическую направленность.

За реальными политическими процессами стоял процесс масштабной политической трансформации философского содержания республиканизма. Большинство современных республиканцев отвергают модель демократии, согласно которой законы и политика должны выражать коллективную волю народа, чтобы считаться легитимными [Maunor 2003]. Вместо этого они, как правило, одобряют ту или иную форму «состязательной демократии» [Петтит 2016], идея которой заключается в том, что должным образом спроектированные демократические институты должны предоставлять гражданам эффективную возможность оспаривать решения своих представителей.

Важным критерием такой модели является требование о том, чтобы дискреционные полномочия руководствовались нормой совещательного публичного обсуждения, то есть соответствующие лица, принимающие решения, должны быть обязаны представлять обоснования своих решений, высшим из которых является открытое общественное обсуждение [Sunstein 1993].

Скиннером, Санстейном и Петтитом фактически создается альтернативная интерпретация республиканской философской традиции. Классические республиканцы были привержены важности активного участия в политической жизни и гражданской добродетели. Для классического республиканизма они рассматривались как неотъемлемые компоненты общественного блага. Для упомянутых же современных авторов свойственно рассматривать их как полезные инструменты для обеспечения и сохранения политической свободы.

То есть для современной республиканской политической философии ключевой характерной особенностью является стремление к отказу не только от христианского ценностного фундамента государства, не только от метафизического характера основополагающих норм, не подлежащих пересмотру со стороны человека, но и от рассмотрения «коллективного» как определяющего гражданское общее благо, достигаемое посредством общего дела.

Самый яркий пример — метафора Петтита, описывающая негативную свободу или «свободу невмешательства», где он приводит аналогию раба и хозяина.

Петтит утверждает, что раб не может считаться свободным, даже если его хозяин к нему добр и не использует насилие и принуждение, не оскорбляет его чести и достоинства, так как он зависит от доброй воли хозяина, которая ничем не ограничена и подвержена возможности изменения.

Однако современные республиканцы для этой проблемы предлагают исключительно инструментальное решение — путем должного правового регулирования, не допускающего произвол одного лица в отношении другого. В данной связи представляется очевидным, что это является лишь формой передачи возможности произвола от уровня гражданина на уровень представителей политической элиты. В конечном счете если доброе отношение хозяина к рабу не делает последнего свободным, потому что оно зависит от воли первого, то почему такая же зависимость от воли законодателя может ограничить гражданина от произвола?

Парадокс современного политико-философского содержания республиканизма заключается в двух ключевых противоречиях. Будучи изначально учением об общем деле граждан, он сегодня полагает, что единственной причиной, по которой важна демократия, — возможность продвижения идеи свободы как недоминирования. Однако свобода эта сводится к исключительно либеральной атомизации населения и его трансформации в совокупность эгоистов, неспособных выражать коллективную волю и не обладающих согласием ни в каких вопросах.

Вторым противоречием является то, что для предшественников современных авторов была абсолютно очевидна невозможность обеспечения республиканского общего дела без согласия в обществе, основанного на принципах, неподвластных человеческой трактовке, которым должны были соответствовать нормы, выраженные в законах. Различие между ними заключалось лишь в том, что является той метафизикой, которая лежит в основе аксиологии. Для Цицерона это была природа, для Средневековья и более поздних республиканистов — христианство.

Джон Мильтон, столь часто цитируемый и приводимый в качестве одного из столпов республиканизма, говорит, что «никто не может быть настолько глуп, чтобы отрицать, что все люди рождены свободными, будучи образом и подобием самого Бога» [Milton 1962: 8].

Маркамонт Недхем, один из главных республиканистов в период английской революции, также удостоившийся внимания Скиннера и Петтита, указывает на то, что «мы не только наделены Богом несколькими “естественными правами и свободами”, но и целью любого правления является (или должно являться) благо и удобство народа, безопасно обладающего своими правами, без давления и угнетения со стороны правителей или сограждан» [Nedham 1767].

Заключение

Развитие западной политической философии базировалось на принципах секуляризма и индивидуализма, а в рамках постмодернизма — и во все на деконструкции личности как неделимого субъекта, что поставило

республику в крайне сложное положение. Лишение ключевых ценностей трансцендентного характера привело общество к относительности всего, что стало первым шагом на пути лишения его согласия по ключевым вопросам бытия. Потеряв единое в онтологии блага, республика лишилась цели общего дела, уступив ее место механизмам и институтам, возведя их в статус конечного смысла. Христианство было определяющим учением для тысячелетнего представления о благе, как о действительном нравственном порядке, выражающем безусловно должное и безусловно желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому [Соловьев 2021]. В притче Христа о Страшном Суде (Ев. Матф. 25:3-4) перечислены шесть дел милосердия, выполнение которых ведет к спасению, а невыполнение — к осуждению. Седьмое дело милосердия, захоронение мертвых, было введено одним из Отцов Церкви, Лактанцием: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, приютить бездомного, посетить больного, выкупить пленного, похоронить мёртвого.

Общество, принимающее подобные императивы, как трансцендентные, априори стремится к политической самоорганизации в форме общего дела, используя механизмы республики для формирования таких институтов, которые способны добиваться достижения общего блага. Государство, в котором выборные органы и проведение честного голосования являются самоцелью, а главенствующей доминантой является исключительно индивидуальный эгоизм, не просто не способно достигать общего блага, но и, в действительности, стремится к саморазрушению. Выборы становятся причиной поляризации, а не выражения воли народа. Правительства перестают быть движимы стремлением к долгосрочным целям, заменяя их политическими технологиями, позволяющими обеспечить краткосрочные результаты, обслуживая сиюминутные предпочтения групп электората. Сами же граждане, переставая осознавать себя частью общего, обретают не личное благополучие, а бесконечное отчуждение, в результате чего народ как субъект превращается в население как объект.

Что же ждет общее дело в следующей картине мира, представленной постмодернистским представлением о распаде личности, вполне очевидно. Республика с первых дней своего существования являла собой не цель, а средство. Ни один из ее механизмов не способен привести общество к благу, если оно не является безусловным предметом согласия граждан. Если модерн вполне успешно справился с задачей лишения республики целеполагания, сделав ее смыслом не общество, а гражданина, то постмодернистское стремление к лишению человека любой формы коллективной самоидентификации должно уничтожить уже механизмы и институты республики, в которой место самому гражданину не предусмотрено.

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Августин Аврелий*. О граде Божием. Книги I–XIII // Творения: в 4 томах. Т. 3. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.
- Алексеева Т.А.* Стратегическая культура как инструмент международно-политического анализа // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 1 (1). С. 162–178.
- Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130–147.
- Глинчикова А.Г.* Три этапа взаимодействия религиозного и гражданского компонентов в становлении эпохи модерна: Россия и Европа // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 44–54.
- Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: RUGRAM, 2021.
- Марей М.Д.* «Республиканизм» и «правительственность»: два способа мышления о государственном управлении // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1 (1). С. 113–122. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-113-122>
- Мчедлова М.М.* Понятие «Цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 139–153.
- Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Рыхтик М.И.* Политика мультикультурализма и особенности зарубежного опыта регулирования проблем, связанных с интенсификацией миграционных потоков // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 388–391.
- Скиннер К.* Свобода до либерализма / пер. с англ. А.В. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
- Соловьев В.С.* Оправдание добра. СПб.: Азбука, 2021.
- Фома Аквинский*. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 96–128. <http://dx.doi.org/10.17323/1728-192X-2016-2-96-128>
- Хархордин О.В.* Что такое республиканская традиция: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
- Цицерон М.* О государстве. М.: Издательство АСТ, 2022.
- Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Isaac J.C.* The Lion's Skin of Politics: Marx on Republicanism // Polity. 1990. Vol. 22, no. 3. P. 461–488.
- Kellow G., Neven L.* On Civic Republicanism: Ancient Lessons for Global Politics. Toronto: University of Toronto Press, 2016.
- Maynor J.W.* Republicanism in the Modern World. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Milton J.* Eikonoklastes / Complete Prose Works of John Milton [Eight Volumes in Ten Books]. Vol. 3. New Haven: Yale University Press, 1962.
- Nedham M.* The Excellence of a Free State. London: Millar & C°, 1767.
- Nedham M.* The Excellence of a Free State. London: Millar & C°, 1767.
- Ruffin J.R.* A Paradise of Reason: William Bentley and Enlightenment Christianity in the Early Republic. New York: Oxford University Press, 2008.
- Showerman G.* Eternal Rome: The City and Its People from the Earliest Times to the Present Day. New Haven: Yale University Press, 1925.
- Sunstein C.R.* The Partial Constitution. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993.

Сведения об авторе:

Сардарян Генри Тигранович — доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и политики МГИМО МИД России (e-mail: g.t.sardaryan@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-8515-4321)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-778-800
EDN: QLFGYI

Научная статья / Research article

«Ситуационный национализм» по-черногорски: новый этап национально-государственного строительства?

Е.Ю. Мелешкина¹ , И.А. Помигуев ^{1,2,3}

¹ *Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Российская Федерация*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

³ *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация*
 pomilya@mail.ru

Аннотация. Длительное время политическое развитие Черногории определялось особенностями исторического развития и наследием бывшей Югославии. Размежевания между группами граждан, идентифицирующих себя как сербы или черногорцы, а также между государством и церковью во многом определяли расстановку политических сил. Страх национальных меньшинств перед национальной политикой Сербии и его умелое использование бывшим президентом М. Джукановичем давало его режиму необходимую поддержку. Однако проблемы экономического характера, а также просчеты Джукановича в отношении православной церкви вкупе с отсутствием серьезного продвижения на пути в ЕС обусловили возрастание оппозиционных настроений и поражение бессменного лидера государства на президентских выборах 2023 г., а его Демократической партии социалистов — на парламентских. К власти в Черногории пришли представители молодого поколения политиков, в меньшей степени опирающихся на традиционные для Черногории этноконфессиональные размежевания и нацеленных на решение экономических проблем и ускорение процесса вступления страны в ЕС. Делается вывод, что окончание длительного периода доминирования одной политической силы не означает завершения процесса демократизации. Нерешенность вопросов национального и государственного строительства, влияние внешних центров, отсутствие эффективных институтов формирования компромиссных решений и защиты интересов меньшинств делают политическую жизнь нестабильной и осложняют принятие эффективных политических решений. Несмотря на победу на последних национальных выборах политиков нового поколения, традиционные для страны размежевания во многом продолжают определять выбор избирателя и могут вновь стать актуальными под воздействием конъюнктурных обстоятельств.

© Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Черногория, национально-государственное строительство, политический режим, ситуационный национализм, политические размежевания, президентские выборы, парламентские выборы

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. «Ситуационный национализм» по-черногорски: новый этап национально-государственного строительства? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 778–800. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-778-800>

Финансирование: Исследование выполнено в ИНИОН РАН за счет бюджетных средств по государственному заданию № 122012100261-6.

The «Situational Nationalism»: A New Age of Nation and State Building in Montenegro?

Elena Yu. Meleshkina¹ , Ilya A. Pomiguyev ^{1,2,3}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation*

²*HSE University, Moscow, Russian Federation, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation*

³*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 pomilya@mail.ru

Abstract. For a long time, the political development of Montenegro has been determined by the peculiarities of historical development and the legacy of the former Yugoslavia. The divisions between groups of citizens identifying themselves as Serbs or Montenegrins, as well as contradictions between the state and the church, have determined the configuration of political forces. The fear of national minorities of Serbian national policy and the skillful maneuvering of M. Djukanovic contributed to their support for his regime. However, the problems of economic development, Djukanovic's miscalculations regarding the Orthodox Church, as well as the lack of serious progress on the way to the EU, led to an increase in opposition sentiment and the defeat of Djukanovic in 2023 presidential elections, and the DPS in the parliamentary ones. Representatives of the younger generation of politicians came to power in Montenegro, relying to a lesser extent on traditional ethno-confessional divisions for Montenegro and aimed at solving economic problems and accelerating the process of the country's accession to the EU. The article concludes that the end of a long period of dominance of one political force does not mean the end of the process of democratization. The unresolved issues of national and state building, the influence of external centers, the lack of effective institutions for the achievement of compromise and the protection of the interests of minorities make political life unstable and complicate the adoption of effective political decisions. Despite the victory of a new generation of politicians in the last national elections, the country's traditional divisions still determine the choice of many voters and may again become relevant under the influence of market circumstances.

Keywords: Montenegro, state- and nation-building, political regime, political cleavages, presidential elections, parliamentary elections

For citation: Meleshkina, E.Yu., & Pomiguyev, I.A. (2023). The «situational nationalism»: A new age of nation and state building in Montenegro? *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 778–800. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-778-800>

Funding: The study was carried out at INION at the expense of budget funds under state assignment No 122012100261-6.

Введение

Черногория — небольшая страна с территорией и населением меньше Калининградской области в России. Несмотря на свои размеры, государство активно развивается и отличается очень разнообразной и насыщенной политической жизнью, которая обусловлена рядом глубоких размежеваний, доставшихся по наследству от Социалистической Федеративной Республики Югославия. Эти размежевания связаны с «пестрым» этническим составом (интересно, что Черногория — единственная страна Европы, где титульная этническая группа (черногорцы) насчитывает меньше половины населения [Мелешкина, Помигуев 2021]), религиозными, языковыми, культурными отличиями. К этому стоит добавить географическое положение страны, имеющей стратегически важный выход к теплому Средиземному морю, что привлекает внимание не только туристов, но и различных экономических, политических и военных союзов (Черногория является кандидатом на вступление в ЕС и полноправным членом НАТО). Все отмеченные особенности становятся причиной значимых политических конфликтов внутри страны.

Начиная с 2019 г. черногорский политический ландшафт менялся стремительно: два раза проходили парламентские выборы, в том числе внеочередные, два раза сменялось правительство после вынесения ему вотума недоверия, а в 2023 г. завершилось почти тридцатилетнее правление М. Джукановича (в разное время президента и премьер-министра страны) и его Демократической партии социалистов (ДПС).

Анализ политической жизни Черногории после развала Югославии позволяет исследователям глубже понять основные тенденции развития новых государств, образовавшихся после распада больших сложносоставных политий. Это справедливо не только в отношении республик, существующих ныне на территории бывшей Югославии, но и других регионов, в том числе постсоветского пространства.

В статье анализируются основные факторы, определяющие национальное и государственное развитие Черногории на современном этапе, показана роль этих факторов в политических процессах в стране, включая последние национальные выборы, выявлены основные внутренние размежевания и их проявления в политике, а также перспективы дальнейшего политического развития, в том числе в контексте влияния на государство внешних игроков и проектов.

Границы, центр и периферия как факторы формирования государства и нации

В представленном исследовании использованы два подхода: центр-периферийная теория С. Роккана и его последователей, а также концепция «ситуационного национализма» в интерпретации Э. Джейн и Ф. Бибера [Jenne, Bieber 2014].

Представители роккановского подхода рассматривают отношения между центрами и перифериями как важный фактор государственного строительства

и национальной консолидации [Rokkan 1999; 1987]. Так, например, С. Бартолини предлагает рассматривать формирование любой территориальной политики в терминах консолидации центра и границ, определения критериев членства, а также политического структурирования [Bartolini 2005]. Такая универсальная функциональная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры и социокультурные механизмы объединения сообщества.

Внутреннее институциональное строительство и консолидация нации во многом связаны со стратегией строительства границ и возможностями «выхода» из-под контроля центра, что создается в результате применения этой стратегии и отчасти обусловлено международным порядком. При этом речь идет не столько о территориальных, сколько об экономических и социокультурных границах, формируемых нормами и правилами «членства» в политическом сообществе. В важном для формирования нации и государства процессе консолидации границ можно выделить два пути развития: ослабление и укрепление границ. Ослабление границ предполагает их расширение, открытие и уменьшение контроля над ними. Укрепление границ предполагает их закрытие и/или сокращение, а также характеризуется повышением контроля центра над границами с последующей консолидацией [Popescu 2012: 69–77]. Кроме того, важным фактором интеграции политики является не только укрепление внешних границ, но и ослабление внутренних [Schimmelfennig 2021: 316].

Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс возрастания политического производства [Bartolini 2005: 29]. Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции, и наоборот. В этой связи наличие внешних для какой-либо политики центров может осложнять процесс консолидации границ и формирования нации/государства, создавая почву для существования конкурирующих национальных проектов и ограничивая таким образом возможности элит использовать механизмы национальной консолидации.

Несмотря на усилия элиты построить нацию по определенным принципам, граждане выбирают свою идентичность в контексте постоянно меняющегося поля политических идентичностей на международном и внутреннем уровнях. Таким образом, единый «национальный нарратив» «сверху» продвигать довольно сложно, поскольку существует сразу несколько альтернатив на своеобразном «рынке идей», среди которых и выбирают те или иные группы общества.

Конфликты идентичности ограничивают успех любого проекта национального строительства, о чем говорится в концепции «ситуационного национализма», предложенной Э. Джейн и Ф. Бибером [Jenne, Bieber 2014]. Ее авторы справедливо полагают, что национальная идентичность может меняться из-за различных геополитических обстоятельств в рамках подвижной структуры идентичностей. Иными словами, национальный проект в основном зависит от борьбы внутри национальных границ и за их пределами. Часто политические

элиты, конкурируя за доминирование, позиционируют себя как защитники национальных интересов, дают обещания, которые приносят пользу одной группе за счет других, таким образом усиливая взаимные этнические разногласия и радикализируя общество в целом. Такие проекты национального строительства, скорее всего, будут вызывать конфликты на периферии (понимаемой различным образом) государства, где вопросы национальной идентичности более размыты и поэтому больше подвержены влиянию «ситуационного национализма».

Невозможно переоценить значимость этих подходов для понимания политического развития стран, возникших при распаде больших политий. В них часто сохраняется потенциальная открытость и несогласованность границ различного рода (территориальных, политических, культурных, конфессиональных, экономических и др.), сопровождающихся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по «устанавливающим» вопросам¹ [Мелешкина 2012; 2013]. Это условие может проявляться в том числе в наличии значительной доли национальных меньшинств, сходных в плане этнического происхождения с основным населением центра бывшего государства и/или в их компактном проживании. Несогласие по «устанавливающим» вопросам может усиливаться в связи с актами насилия или иными драматическими событиями, сопровождающими распад большой политии.

Обстоятельства, связанные с дезинтеграцией больших политий, специфика новых независимых республик и нерешенность вопросов формирования наций/государств часто актуализируют противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских, государственных и иных, в том числе этнических, критериях или, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками [Брубейкер 2012]. В республиках бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) широкое распространение получил «контргосударственный» вариант.

Что касается Черногории, то трагических событий, которые сопровождали распад Югославии в ряде других республик, этой стране удалось избежать. Однако исторические традиции, специфика национальной политики СФРЮ и события 1990-х гг. наложили отпечаток на процесс формирования черногорской нации и последующие политические события.

Контекстуальные особенности строительства черногорской нации

Как и большинство современных государств западных Балкан, Черногория имеет сложную историю². Особое значение здесь имеют три фактора: наличие сравнительно небольшого опыта самостоятельной государственности; вхождение ряда территорий в Османскую и Австро-Венгерскую империи; нахождение

¹ По вопросам природы государства и критериям членства в нации, основным правилам игры.

² Краткий обзор истории черногорской государственности содержится в: [Мелешкина, Помигуев 2021].

в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев с 1918 по 1941 г. (Королевства Югославия с 1929 г.), СФРЮ с 1945 г., Союзной Республики Югославия с 1992 по 2003 г., Государственного союза Сербии и Черногории с 2003 по 2006 г. [Мелешкина, Помигуев 2021].

В первой половине 1990-х гг. власти Черногории поддерживали политику С. Милошевича, однако потом официальное отношение черногорских властей к политике сербского режима кардинально изменилось, был взят курс на большую автономию и публичное дистанцирование от Сербии, а также построение уже своей — черногорской — нации.

Сложная историческая судьба Черногории, вхождение ее территорий в состав различных государственных образований, а также конфликты на сопредельных территориях бывшей Югославии после ее распада определили мультиэтнический состав населения и наличие разных культурных и религиозных традиций. Существование Черногории в составе Югославии не способствовало закреплению единой этнополитической идентичности населения республики³. Во многом это было связано с попыткой коммунистов в рамках СФРЮ создать единый югославский народ, объединенный общей идеологической, а не этнической рамкой⁴.

Кроме того, внутренние административные границы социалистической Югославии не учитывали традиционную историческую и этнокультурную специфику региона. Образование федерации привело к искусственному дроблению и изоляции прежде единых национальных общностей (например, треть сербов оказалась вне пределов Республики Сербия), а также кристаллизации новых общностей, например, славяне-мусульмане (славяне, принявшие в период османского владычества ислам, или бошняки) и югославов (в основном дети от смешанных браков в период существования СФРЮ) [Allworth 1994].

Таким образом, проводимая в СФРЮ политика в целом явилась фактором, осложнявшим решение задач по консолидации границ государственного и национального строительства в республиках после распада социалистической Югославии, что способствовало формированию сложной композиции этнического состава населения республик бывшей СФРЮ, включая Черногорию [Vučković, Petrović 2022: 57].

В настоящий момент существует как минимум две основные проблемы, которые приходится решать на политическом уровне: выстраивание черногорской нации в контексте мультиэтничного состава (причем с сербами и представителями других (малочисленных) этносов отношения выстраиваются по-разному), а также конфессионального разнообразия (в первую очередь из-за

³ Следует отметить, что в середине XX в. согласно переписи населения более 90 процентов жителей республики называли себя черногорцами, что больше отражало привязку к месту проживания, нежели к этнической группе в рамках СФРЮ. См. подробнее [Jenne, Bieber 2014].

⁴ Частным примером результата такой политики можно назвать изменение в Черногории фамилий албанцев-католиков, добавлявших к своим фамилиям славянский суффикс — *ić* [Pavlović 2003: 92].

«контргосударственного» влияния Сербской православной церкви для представителей «старой» элиты).

По данным последней переписи, черногорцами себя называют немногим меньше половины страны, в то время как менее трети идентифицируют себя сербами⁵. Росту доли первых способствовали меры по «национализации», принятые в период правления М. Джукановича, в том числе в плане изменения черногорского законодательства в части языка, гражданства и т.п., а также официальная политическая риторика этого периода⁶. Большинство населения Черногории православные, однако размежевание между черногорцами и сербами частично перекликается с размежеванием между сторонниками и противниками автокефальной Сербской православной церкви.

Проживающие в стране этнические меньшинства, включая бошняков-мусульман и албанцев (большинство из которых также мусульмане), длительное время поддерживали режим Джукановича, считая его некой гарантией межэтнического мира. В то же время в последние годы ситуация изменилась, в первую очередь из-за проблем экономического характера [Мелешкина, Помигуев 2021].

Обозначенные размежевания до сих пор воздействуют на политическое развитие республики, в том числе на ход и результаты президентских и парламентских выборов.

Важным внутривнутриполитическим размежеванием, во многом определившим исход последнего цикла национальных выборов, является размежевание между сторонниками и противниками существовавшего почти тридцать лет политического режима М. Джукановича и его партии ДПС⁷. Существование этого режима поддерживалось, с одной стороны, инструментами «стабилитократии» [Pavlović 2016] и «приватизации государства», глубоким проникновением политической власти и представителей правящей партии в частную экономическую сферу, клиентелизмом, партийным протекционизмом [Kaufmann, Hellman, Geraint 2000], а с другой — националистической риторикой. С момента референдума 2006 г. политическая жизнь Черногории отличалась усилением

⁵ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine Census of Population, Households and Dwellings in Montenegro 2011 Stanovništvo Crne Gore prema polu, tipu naselja, nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti, vjeroispovijesti i maternjem jeziku po opštinama u Crnoj Gori // Podgorica. 2011. URL: [http://monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje\(1\).pdf](http://monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje(1).pdf) (accessed: 01.05.2023). Со времени последней переписи населения в 2011 г. ситуация изменилась незначительно: согласно результатам социологического опроса Центра за демократию и права человека, проведенному в декабре 2022 г., если бы перепись населения проводилась сейчас, то в качестве черногорцев себя идентифицировали бы 48,3 % населения, сербов — 32,7 %, бошняков — 8,3 %, албанцев — 4,5 %, мусульман — 3,9 % // DPS bi glasalo 27,7 odsto građana, Evropu sad 15,2. URL: <https://mina.news/glavna/dps-bi-glasalo-277-odsto-gradana-evropu-sad-152/> (accessed: 01.05.2023).

⁶ См. подробнее об этом в другой статье авторов [Мелешкина, Помигуев 2021].

⁷ Фактически М. Джуканович правил Черногорией с 1991 г., но в 2019 г. из-за скандала с законом, ограничивающим деятельность Сербской православной церкви, он, оставаясь президентом в парламентской республике, потерял контроль большинства в парламенте и стал своеобразной «хромой уткой». Подробнее о скандале и последствиях см.: [Мелешкина, Помигуев 2021].

националистической риторики, разногласий из-за трактовки исторических сюжетов, конфликтами по поводу отношений с Сербией, статуса Сербской православной церкви и государственных символов [Morrison 2018]. При этом правящая элита успешно использовала для укрепления своей власти образ «врагов»: Сербия и Сербская православная церковь и Россия в связи с попыткой государственного переворота 2016 г. [Begović 2021].

Длительный период оппозицию этому режиму составляли в основном политические игроки, претендующие на отражение интересов сербского населения. Однако в последние годы ситуация поменялась, и в рядах оппозиции режиму оказались разнообразные политические силы, в том числе те, которые удачно смогли использовать «сербскую карту», чтобы отодвинуть от власти М. Джукановича.

«Внешний контур» национально-государственного строительства в Черногории

На современные политические процессы в Черногории и перспективы национального и государственного строительства воздействуют не только этнические или конфессиональные размежевания внутри страны, связанные с историческими традициями страны, с ее существованием в составе Югославии и нынешним влиянием Сербии и Сербской православной церкви, и не только отношение к режиму Джукановича. Значительное воздействие на внутривнутриполитический процесс республики оказывают и международные игроки, как традиционные для региона (например, центр бывшей Югославии — Сербия, а также Россия), так и сравнительно новые.

На политическую жизнь в стране значительно влияют недовольство проводимой властями политикой, а также появление нового поколения политических деятелей, «раскрывающих глаза» на коррупционную природу прошлой власти М. Джукановича и ДПС⁸.

С 2010 г. Черногория является кандидатом на вступление в Европейский союз⁹, а в 2017 г. стала членом НАТО. Международные структуры (Еврокомиссия, ОБСЕ, Венская комиссия и др.), в том числе обеспечивающие процесс евроинтеграции, становятся важным актором внутривнутриполитической борьбы. Апелляция к этим институтам используется внутри страны как средство легитимации принимаемых внутривнутриполитических решений [Komar 2019] и инструмент политической борьбы со своими оппонентами. В этом плане показателен случай с министром юстиции, прав человека и меньшинств Владимиром Лепосавичем, который работал в 42-м кабинете министров под руководством З. Кривокапича,

⁸ Montenegro government toppled by no-confidence vote // Balkan Insight. 19.08.2022. URL: <https://balkaninsight.com/2022/08/19/montenegro-government-toppled-by-no-confidence-vote/> (accessed: 31.07.2023).

⁹ На данный момент открыты все 33 главы процесса переговоров, закрыто только три (на одну больше, чем в Сербии). См.: Factograph // Montenegro. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2022-12/factograph_montenegro.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

называемого «правительством экспертов» из-за непартийного статуса практически всех его членов. В. Лепосавич на вопрос парламентариев, готов ли он как министр признать факт «геноцида в Сребренице» в годы войны 1992–1995 гг., ответил, что он признает его только когда это будет однозначно доказано¹⁰. В итоге парламент принял решение снять с должности министра по инициативе главы кабинета, а также утвердить резолюцию с решительным осуждением «геноцида в Сребренице», установленного Международным трибуналом по бывшей Югославии¹¹. В свою очередь В. Лепосавич заявил, что те политики, которые в свое время участвовали в этих событиях, теперь просят его признаться в военных преступлениях¹².

Этот случай свидетельствует о том, что стремление страны в Евросоюз обязывает черногорские власти не только оглядываться на позицию западных партнеров [Vukicević 2017] для выполнения всех пакетов требований ЕС и других европейских институтов, предъявляемых к странам-кандидатам¹³, но и придерживаться единой европейской трактовки исторических событий, происходивших в Европе в целом и на Балканах в частности [Помигуев, Салахетдинов 2021]. Вместе с тем символическое и историческое поле черногорской политики можно рассматривать как пространство символической борьбы с политическими оппонентами, в том числе с помощью попыток переопределить границы и критерии национальной идентичности.

Политические силы Черногории в основном солидарны относительно вопроса о курсе на евроинтеграцию [Morrison 2018]¹⁴. Разногласия и раскол в вопросе вступления страны в НАТО, определившие противоречия между основными политическими силами и специфику дискурса избирательной кампании в 2016 году¹⁵, в основном ушли в прошлое¹⁶. Вместе с тем существуют некоторые разногласия по поводу механизмов евроинтеграции и участия в других

¹⁰ Парламент Черногории утвердил отставку министра юстиции за высказывания о Сребренице // Тасс. 17.06.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11683005> (дата обращения: 01.07.2023).

¹¹ Rezolucija o genocidu u Srebrenici. URL: <https://zakoni.skupstina.me/zakoni/web/dokumenta/zakoni-i-drugi-akti/98/2450-14936-00-71-20-22-17.pdf> (accessed: 01.07.2023).

¹² Saopštenije za javnost ministra pravde, ljudskih i manjinskih prava dr Vladimira Leposavića. — URL: <https://www.gov.me/clanak/saopstenije-za-javnost-ministra-pravde-ljudskih-i-manjinskih-prava-dr-vladimira-leposavica-2> (accessed: 01.12.2022).

¹³ Montenegro 2020 Report. Commission Staff Working Document // European Commission. 06.10.2020. SWD (2020) 353 final, 131 p.

¹⁴ Это соответствует и настроениям большинства граждан, 75 % которых в декабре 2022 г. поддерживали членство Черногории в ЕС, в то время как против были всего 13 % // DP bi glasalo 27,7 odsto građana, Evropu sad 15,2. URL: <https://mina.news/glavna/dps-bi-glasalo-277-odsto-gradana-evropu-sad-152/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁵ См., подробнее: [Мелешкина, Помигуев 2021].

¹⁶ В то же время у избирателей этот вопрос по-прежнему вызывает разногласия. В частности, согласно опросу Центра за демократию и права человека, проведенному в декабре 2022 г., 44 % граждан позитивно настроены в отношении членства страны в НАТО, в то время как 40 % оценивают этот факт негативно // DP bi glasalo 27,7 odsto građana, Evropu sad 15,2. URL: <https://mina.news/glavna/dps-bi-glasalo-277-odsto-gradana-evropu-sad-152/> (дата обращения: 01.07.2023).

интеграционных проектах, в том числе региональных союзах. Особое внимание заслуживает так называемый проект «Открытые Балканы» (или «мини-Шенген»), идея которого появилась еще в 1990-х гг., но тогда не получила развитие из-за войн на территории бывшей Югославии. В 2017 г. албанскими властями вновь была высказана идея политико-экономического сближения трех стран (Сербия, Албания, Северная Македония) на региональном саммите в Триесте¹⁷. 29 июля 2021 г. президенты трех стран подписали соглашения о перемещении товаров, доступе к рынку труда и сотрудничестве в области защиты от стихийных бедствий, а в 2022 г. — об обмене продовольственными товарами, энергией, кинематографией, а также о сотрудничестве в чрезвычайных ситуациях. Тогда же было решено открыть пограничные переходы для граждан и товаров трех стран без ограничений с 1 января 2023 года¹⁸.

В 2022 г. на встрече стран — создателей «Открытых Балкан» присутствовали премьер-министр Черногории Д. Абазович и Председатель Совета министров Боснии и Герцеговины З. Тегельтия, которые высказали «личную позицию» о пользе интеграционной инициативы¹⁹, однако на государственном уровне в Черногории и БиГ пока скептически смотрят на перспективы «мини-Шенгена». Так, по мнению З. Кривокапича, приоритетом страны должно оставаться членство в ЕС, а согласно позиции М. Джукановича подобный интеграционный проект приведет к укреплению позиций России в регионе и замедлению вступления в ЕС²⁰. Фактически новая интеграционная инициатива становится одной из возможных альтернатив развития государств Западных Балкан, которая трактуется М. Джукановичем и его партией ДПС как «контргосударственная» идея для национально-государственного развития Черногории.

Как уже отмечалось выше, еще одной проблемой «внешнего контура» являются отношения государственных властей Черногории с Сербией, а точнее, в первую очередь с Сербской православной церковью, являющейся важным актором не только сербской [см. об этом, например, Subotić 2019], но и черногорской политики [см., например, Вакраç 2022]. Парламентские выборы 2020 г. в целом отличались атмосферой высокой поляризации общества по вопросам церковной и национальной идентичности²¹. Они проходили на волне протестов сторонников СПЦ против нового закона о свободе вероисповедания,

¹⁷ Three countries agree mini Schengen in the Balkans // EURACTIV. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/three-countries-agree-mini-schengen-in-the-balkans/> (accessed: 01.07.2023).

¹⁸ Balkan leaders agree to open borders between nations in 2023 // AP-News. URL: <https://apnews.com/article/europe-business-global-trade-7027282f6a93c2c12015d47717dc9d78> (accessed: 05.07.2023).

¹⁹ Montenegro's New PM Supports 'Open Balkan' Initiative. URL: <https://balkaninsight.com/2022/05/11/montenegros-new-pm-supports-open-balkan-initiative/> (accessed: 05.07.2023).

²⁰ Kosovo, Montenegro Presidents Warn of Open Balkan as Threat to the Region // Exitnew. 19.05.2022. URL: <https://exit.al/en/kosovo-montenegro-presidents-warn-of-open-balkan-as-threat-to-the-region/> (accessed: 05.07.2023).

²¹ Montenegro — Parliamentary Elections, 30 August 2020 // OSCE. 30.08.2020. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/7/462016_2.pdf (accessed: 09.07.2023).

лишавшего эту церковь большой доли имущества в Черногории. Вместе с нерешенными экономическими и политическими проблемами, вызванными пандемией COVID-19, эти причины стали серьезным подспорьем к изменению политического ландшафта страны [Мелешкина, Помигуев 2021; Vancev 2021]²².

По результатам голосования 30 августа 2020 г. большинство голосов было отдано за партию ДПС М. Джукановича. Однако она получила на 6 мандатов меньше, чем в прошлом созыве, что не позволило ей участвовать в формировании кабинета министров со своими традиционными союзниками по коалиции — «Социал-демократами Черногории», Бошнякской партией и «Албанским списком»²³. В то же время представители трех оппозиционных альянсов, выступавших не только против политики М. Джукановича, но и против принятого закона о свободе вероисповедания²⁴, совместно смогли набрать 41 место в парламенте: «За будущее Черногории», «Мир — наша нация», «Объединённое реформистское действие» (URA). В итоге именно эти политические силы получили право формировать Правительство, а их лидеры заняли ключевые государственные посты в парламенте и сформировали так называемое «экспертное правительство».

Новый Кабинет министров Черногории, утвержденный 4 декабря 2020 г., позиционировался как «неполитическое правительство» или «правительство экспертов», все члены которого беспартийны (кроме вице-премьера Д. Абазовича из «Объединенного реформистского действия» (URA)). Само правительство носило переходный характер, а его цели заключались в борьбе с коррупцией и подготовке к новым справедливым выборам²⁵. Такая позиция новой власти в лице премьер-министра З. Кривокапича могла позитивно повлиять на процесс сглаживания этнических, политических и конфессиональных разногласий, существующих в стране, однако ожидания не оправдались.

Отсутствие эффективных институциональных решений, обеспечивающих аккомодацию размежеваний в обществе и диалога, направленного на достижение консенсуса между противоборствующими политическими силами в стране [Bieber 2010], затрудняло и затрудняет эту задачу, о чем свидетельствуют политические события, происходившие в период между выборами.

²² «Кто не будет верен единокровной России, дай Бог, чтоб мясо с него живого отпадало» // Коммерсантъ. 01.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4557365> (дата посещения: 09.12.2020); О роли сербской православной церкви на выборах 2020 г. см. подробнее [Šljivić 2021]; D. Montenegro's Canonical Orthodox Church and Transition to Democracy in the Aftermath of the 2020 Parliamentary Elections // Südosteuropa Mitteilungen. 2021. No. 1. P. 47–61

²³ Saopštenje nakon 149. sjednice Komisije // Državna izborna komisija Crne Gora. URL: <https://dik.co.me/saopstenje-nakon-149-sjednice-komisije/> (accessed: 11.07.2023).

²⁴ Подробнее см. [Šljivić 2021]

²⁵ За исключением Д. Абазовича, которого можно считать политической фигурой, обеспечивающей связь с албанским населением при отсутствии в коалиции представителей этнических меньшинств: Montenegro Elects First Government Without Djukanovic Party // Balkaninsight. 04.12.2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/12/04/montenegro-elects-first-government-without-djukanovic-party/> (дата обращения: 11.07.2023).

Правительство Кривокапича в итоге добилось исключения статей закона о вероисповедании, вызвавших протесты, повысило минимальную заработную плату и осуществило ряд мер по борьбе с теневой экономикой. Вместе с тем деятельность правительства породила недовольство и сопротивление различных политических сил со всех сторон, включая лидеров «Демократического фронта», обвинявших Кривокапича в том, что вместо ожидаемого улучшения отношений между Черногорией и Сербией правительство добилось обратного, к тому же еще и введя санкции против России²⁶. В результате правительству не удалось осуществить многое из обещанного, в том числе провести требуемую по закону перепись населения в 2021 г., а также избирательную реформу. Правительство Кривокапича было отправлено в отставку 4 февраля 2022 г. после вотума недоверия парламента по инициативе «Объединенного реформистского действия» (URA) во главе с вице-премьером Д. Абазовичем, которого впоследствии президент М. Джуканович предложил на пост главы «кабинета меньшинства», заручившись поддержкой ДПС.

Конфликт по поводу роли Сербской православной церкви, снизивший поддержку ДПС в 2020 г., во многом обусловил не только специфику политических дискуссий и событий в межвыборный период, но и особенность политической ситуации, в которой проходили президентские выборы 2023 г. Одним из предвыборных обещаний оппозиции на парламентских выборах 2020 г. было не только изменение в законе о вероисповедании, но и заключение соглашения с Сербской православной церковью, которое гарантировало бы неприкосновенность ее собственности, в том числе изъятой у Черногорской церкви в 1918 г. Правительство Кривокапича вело работу над проектом такого соглашения, однако не подписало его. Работа кабинета проходила в обстановке тлеющего и периодически разгорающегося конфликта. У партнеров по коалиции были разногласия по нескольким вопросам, включая влияние властей Сербии и ее церкви на внутренние дела Черногории²⁷.

Описанные разногласия, с одной стороны, отражали настроения в обществе, а с другой — использовались политическими элитами в политической борьбе. В частности, одним из показательных событий были массовые выступления в старой столице Черногории Цетинье против интронизации нового митрополита Сербской православной церкви в Черногории Иоанникия и посещения Цетиньского монастыря патриархом Сербской Православной церкви Порфирием в сентябре 2021 г.

Соглашение с СПЦ все-таки было подписано, но уже главой нового правительства Д. Абазовичем в августе 2022 г. Этот шаг фактически означал отказ от курса на автокефалию Черногорской церкви, что привело к ослаблению

²⁶ Черногория: предательство Кривокапича санкционировано Западом — интервью // eadaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/08/06/chernogoriya-predatelstvo-krivokapicha-sankcionirovano-zapadom-intervyu> (дата обращения: 11.07.2023).

²⁷ Montenegro's conservative pro-Serbian governing coalition collapses // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/04/montenegros-conservative-pro-serbian-governing-coalition-collapses> (accessed: 11.07.2023).

напряженности во взаимоотношениях с СПЦ и Белградом, но стало причиной конституционного кризиса. Через две недели после подписания соглашения Д. Абазовича отправили в отставку голосами большинства депутатов Скупщины по инициативе ДПС. Комментируя отставку, генеральный секретарь ДПС И. Вуйович обвинил Абазовича в сговоре с президентом Сербии А. Вучичем, который с помощью подписания соглашения якобы хотел осуществить «первую фазу операции по дестабилизации Черногории, чтобы свернуть ее с европейского пути»²⁸.

Интересен тот факт, что необходимость евроинтеграции не вызывает серьезных разногласий в черногорской политической элите, отличаются лишь подходы к достижению цели. Одни считают, что выстраивание тесных связей с соседними государствами, развитие новых интеграционных проектов приблизит страну к ЕС, а другие, наоборот, скептически относятся к такого рода идеям, считая, что это приведет к зависимости страны от Сербии и даже России.

Таким образом, «внешний контур» национально-государственного строительства Черногории характеризуется наличием влиятельных внешнеполитических центров, воздействие которых носит противоречивый характер. С одной стороны, влияние Сербии и СПЦ размывает границы черногорской нации и подпитывает существующие в обществе размежевания. С другой — перспектива вхождения в Евросоюз и согласие большинства политических сил с ней является некой объединяющей политическое сообщество рамкой, потенциально способной сгладить имеющиеся в обществе размежевания. Однако в настоящее время в качестве устойчивой тенденции этого пока не наблюдается: до последних парламентских выборов общая ориентация на вступление в ЕС сочеталась с борьбой двух основных трактовок национально-государственного строительства на пути в Евросоюз («государственно-фреймированная» условно «антисербская» и «альтернативная» условно «просербская»). В определенном смысле можно говорить о том, что с 2020 г. эти трактовки меняются политическими ролями, о чем свидетельствуют результаты выборов президента и парламента 2023 г.

«Внутренний контур» национально-государственного строительства: переформатирование современной политической системы

Как отмечалось выше, специфику политической жизни определяли не только размежевания между черногорцами и сербами, сторонниками и противниками Сербской православной церкви, вступления в НАТО и т.п., но и наличие этнических меньшинств, которые играли важную роль при поддержке режима Джукановича, являясь в каких-то моментах вето-игроками принимаемых на общегосударственном уровне решений. Однако два последних избирательных

²⁸ Vujović: Neizglasavanje članova Sudskog savjeta završni čin antievropske politike Abazovića. URL: <https://www.vijesti.me/vijesti/politika/617814/vujovic-neizglasavanje-clanova-sudskog-savjeta-završni-cin-antievropske-politike-abazovica> (accessed: 11.07.2023).

цикла продемонстрировали не только изменение их роли в новой политической конфигурации, но и снижение влияния на принимаемые решения в целом.

После выборов 2016 г. власти предприняли попытки изменить правила представительства интересов национальных меньшинств с помощью избирательной реформы. Ее разработка началась в 2018 г., но не нашла поддержки у оппозиции на фоне рассмотрения закона о свободе вероисповедания²⁹, что привело к закрытию учреждённого при поддержке ЕС совета по реформе избирательной системы. В итоге изменения так и не произошли из-за отсутствия поддержки квалифицированного большинства, требуемого для поправок в избирательное законодательство³⁰.

Ни кабинет З. Кривокапича, ни тем более «коалиция меньшинства» с правительством Д. Абазовича провести избирательную реформу не смогли. Единственные изменения, произошедшие за это время, ограничиваются фактической отменой «ценза оседлости» избирателей, устраненного Уставным судом³¹.

Следует отметить, что на данный момент некоторая защита этнических меньшинств в избирательном процессе присутствует. Так, партии, представляющие бошняков и албанцев, имеют право на представителей в парламенте, если их список набрал минимум 0,7 % (при избирательном барьере в 3 %), а для хорватского меньшинства мандат возможен, если список набрал 0,35 % голосов [Мелешкина, Помигуев 2021].

Таким образом, динамичная политическая борьба в Черногории разворачивается в сложившихся правовых рамках. Основными трендами нового этапа национально-государственного строительства, отсчет которого можно вести с 2019 г. (конфликта с СПЦ), стали существенное омоложение политического состава и «политизация экспертов». И если с первым все понятно — на сцену выходит новое поколение 30–40-летних политиков³², то второй пункт нуждается в уточнении.

Так, сформированное «неполитическое» правительство З. Кривокапича, где был только один партийный член кабинета (Д. Абазович, УРА), оказалось местом рождения новых политиков: министры финансов и социального обеспечения М. Спайич, экономики Я. Милатович, обороны О. Инжак основали движение «Европа сейчас!», заняв в итоге посты спикера парламента, президента Черногории и мэра столицы соответственно, а В. Липосавич после отставки

²⁹ Demokrate napustile odbor: Povuci iz procedure zakon koji izaziva medunacionalnu mržnju // VoP. 10.12.2019. URL: <https://volimpodgoricu.me/2019/12/10/demokrate-napustile-odbor-povuci-iz-procedure-zakon-koji-izaziva-medjunacionalnu-mrznju/> (accessed: 07.07.2023).

³⁰ Koprivica D., Kovačević M. Izborna reforma — potreba društva ili sredstvo za partijsku trgovinu? // Podgorica, mart. 2021. URL: https://www.cdtmn.org/wp-content/uploads/2021/03/Izborna-reforma_ONLINE.pdf (accessed: 07.07.2023).

³¹ Koprivica D., Kovačević M. Izborna reforma — potreba društva ili sredstvo za partijsku trgovinu? // Podgorica, mart. 2021. URL: https://www.cdtmn.org/wp-content/uploads/2021/03/Izborna-reforma_ONLINE.pdf (accessed: 07.07.2023).

³² IPU Parline. URL: https://data.ipu.org/node/114/data-on-youth?chamber_id=13577 (accessed: 07.07.2023).

создал свою партию «Справедливость для всех!», которая не прошла в парламент, набрав 2,77 % голосов.

Политический кризис, возникший после вотума недоверия кабинету З. Кривокапича и тем более после отставки правительства Д. Абазовича, привел к тому, что ни одна из партий уже не смогла сформировать правительство, а осенью 2022 г. ДПС ко всему прочему проиграла большинство местных выборов, что символизировало начало конца ее доминирования.

Другим политическим трендом, отчетливо проявившимся на последних президентских и парламентских выборах, была активизация противоречий между сторонниками и противниками существовавшего политического режима и актуализация соответствующего размежевания, которая стала возможна во многом благодаря приходу в политику нового поколения.

Состоявшиеся в марте-апреле 2023 г. президентские выборы положили конец многолетнему пребыванию лидера ДПС М. Джукановича на посту главы республики. Этому способствовал ряд факторов. Так, немаловажную роль сыграла специфика политики М. Джукановича, усталость населения от нерешенных экономических вопросов и высокой коррупции³³. Косвенным свидетельством «криминальной» природы власти М. Джукановича был тот факт, что Проект по освещению организованной преступности и коррупции (ОССРП) выбрал его персоной 2015 г. по версии журнала «Организованная преступность и коррупция»³⁴. За время пребывания Джукановича у власти неоднократно звучали заявления о том, что страна стала прибежищем для контрабандистов и незаконных финансовых операций. Отмыванию денег также способствовало решение Черногории ввести евро в качестве национальной валюты, несмотря на то, что страна еще не вступила в ЕС³⁵. Очередной скандал разгорелся вокруг

³³ По данным социологического опроса Национального демократического института (NDI), проведенного в августе 2020 г., среди основных проблем развития Черногории были названы безработица (39 %), экономическое развитие (28 %), эмиграция молодежи (27 %), борьба с коррупцией и преступностью (20 %), борьба с эпидемией коронавируса Covid-19 (18 %) // NDI Montenegro Public Opinion Poll. URL: <https://www.ndi.org/publications/ndi-montenegro-public-opinion-poll-2020> (дата обращения: 07.07.2023). По данным социологического опроса Института за демократию и права человека, в июне 2022 г. 51,6 % полагали, что страна движется в неправильном направлении и лишь 20,4 % — в правильном: *Političko javno mnjenje Crne Gore. Jun 2022*. URL: https://www.cedem.me/wp-content/uploads/2022/07/Prezentacija-jun-2022_FINAL-06072022.pdf (дата обращения: 07.07.2023). В 2022 г., по данным Всемирного банка, страна занимала 73-е место по ВВП на душу населения: GDP per capita, PPP. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 07.07.2023). В марте 2022 г. доля безработных в стране составляла 23,75 % активного населения: *Evidencija nezaposlenih lica. Prvi kvartal 2022. godine*. URL: <https://www.zzzcg.me/wp-content/uploads/2022/04/Evidencije-nezaposlenih-lica-Izvj%C5%A1ta-o-radu-za-prvi-kvartal-2022.-godine.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁴ Milo Djukanovic. 2015 person of the year in organized crime and corruption. URL: <http://www.occrp.org/en/poy/2015> (accessed: 07.07.2023).

³⁵ Интересно, что использование евро как национальной валюты в стране, не входящей в ЕС, противоречит Маастрихтским критериям евроинтеграции. См.: *EU warns Montenegro over Euro // B92. 2007*. URL: http://www.b92.net/eng/news/region-article.php?yyyy=2007&mm=10&dd=10&nav_id=44442 (дата обращения: 07.07.2023).

Prva Banka, контролируемого братом Джукановича, где Европейский парламент призвал провести расследование в связи с подозрениями в отмывании денег³⁶. В этом контексте вполне логично выглядели слова Д. Абазовича, что вотум недоверия его правительству — это прямое следствие борьбы политика с контрабандистами³⁷.

М. Джуканович был одним из основных кандидатов на президентских выборах. Одной из главных тем его предвыборной кампании стала интеграция в Европейский Союз. Другой была опасность для Черногории, якобы исходящая от России, а также из рядов «сербских националистов», имеющих амбиции по развитию «сербского мира» по аналогии с «русским миром» и созданию антинатовской «Великой Сербии». С этой точки зрения он оценивал предстоящие выборы: «В ближайшие дни должно быть принято решение не только относительно европейского пути Черногории, развития многоэтнического гражданского общества и устойчивого экономического роста. Это решение относительно будущего Балкан, а также стабильности в Европе»³⁸. Во время предвыборной кампании Джуканович вел себя как государственный деятель, в то же время создавая впечатление, что страна погрузится в хаос и разруху, если он потерпит поражение.

Помимо Джукановича в первом туре участвовало несколько кандидатов. Одним из его соперников на президентских выборах был А. Мандич, лидер коалиции просербской и проюгославской оппозиции — Демократического фронта (на парламентских выборах 2023 г. — коалиция «За будущее Черногории»). Эта политическая сила выступает за более тесный союз с Сербией, являясь противником членства в НАТО и занимая прорусские позиции. Ее поддерживает примерно пятая часть населения³⁹. Являясь представителем «вечной оппозиции» в черногорской политике, Мандич был известен как сторонник создания совместного государства с Сербией, а также как сербский националист и противник евроатлантической интеграции Черногории. Во время предвыборной кампании Мандич старался обратиться к центристским избирателям, не высказываясь против членства Черногории в НАТО и поддерживая евроинтеграцию. Выступая против режима Джукановича, Мандич утверждал, что президентские

³⁶ Montenegro Urged to Probe PM's Family Bank. URL: <https://balkaninsight.com/2016/01/22/montenegro-urged-to-probe-pm-s-family-bank-01-21-2016/> (accessed: 07.07.2023); Президент Черногории заподозрен в махинациях мафиозного клана «Коза Ностра». URL: <https://newdaynews.ru/balkans/742180.html> (accessed: 07.07.2023).

³⁷ См.: Montenegro Government Toppled by No-Confidence Vote // BalkanInsight. August 19, 2022, 19 августа. URL: <https://balkaninsight.com/2022/08/19/montenegro-government-toppled-by-no-confidence-vote/> (accessed: 07.07.2023).

³⁸ Đukanović M. Presidential Elections in Montenegro Amid Hybrid Russian Threats // Opinion. URL: <https://www.newsweek.com/presidential-elections-montenegro-amid-hybrid-russian-threats-opinion-1790986> (accessed: 07.07.2023).

³⁹ По итогам парламентских выборов просербская коалиция набрала почти 15 процентов голосов, а А. Мандич в первом туре выборов — 19 процентов. URL: <https://dik.co.me/wp-content/uploads/2023/07/KONACNI-REZULTATI-2023.pdf>; <https://dik.co.me/wp-content/uploads/2023/04/konacni-rezultati-2023.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

выборы — «это битва за примирение, это битва за всех, кто не хочет, чтобы Черногория была пленником мафии»⁴⁰.

Что касается другого соперника М. Джукановича, Я. Милатовича, то его появление и особенно успех были неожиданными для черногорского политического процесса. Я. Милатович — относительно новая и «молодая» политическая фигура. Получив хорошее экономическое образование в западных университетах, он работал в банковской сфере, а также активно сотрудничал с различными международными организациями в научно-экономической и дипломатической сферах. Будучи министром экономики и экономического развития, он стал одним из авторов программы экономического развития Черногории «Европа сейчас», которая легла в идейную основу программы одноименного политического движения, в первую очередь экономического плана: вопросы инвестиций в реальный сектор экономики, завершение строительства автомобильной дороги Бар-Белград и др.

Выступая за членство страны в ЕС, Милатович не отрицал важность экономического сотрудничества с Сербией, как и с другими странами региона. Вопросы отношения к антироссийским санкциям и СВО в Украине Милатович в своих выступлениях дипломатично обходил вниманием, хотя и является сторонником евроатлантической интеграции.

Предвыборная кампания Милатовича прошла с эксцессами, свидетельствующими о накале политической борьбы и использовании политическими силами существующих в стране размежеваний. В бывшей столице Черногории Цетинье на Милатовича, когда он шел на предвыборное собрание, напала группа людей⁴¹. За этим последовали публикации фейковых новостей и негативной информации против Милатовича и его команды со стороны организаций и активистов, поддерживающих действующего президента Джукановича. Участники акции в Цетинье назвали этот инцидент «мирным протестом граждан»⁴².

Победителями первого тура выборов стали Джуканович и Милатович. Во втором туре ряд кандидатов (Мандич, Бечич из «Демократической Черногории» и Данилович из «Единой Черногории») поддержали последнего. Еще перед первым туром партия премьер-министра Д. Абазовича «Объединенное действие за реформы» (УРА), которая не выставляла своего кандидата на этих выборах, объявила, что вступит в альянс с демократами, а впоследствии выразила свою поддержку Милатовичу. Партия М. Лекича, которая с сентября 2022 г. пыталась

⁴⁰ Andrija Mandić predsjednički kandidat. URL: <https://www.vijesti.me/vijesti/politika/641567/andrija-mandic-predsjednicki-kandidat> (accessed: 07.07.2023).

⁴¹ См.: Milatović napadnut na Cetinju. URL: <https://www.rtcg.me/vijesti/predsjednickiizbori/405708/milatovic-napadnut-na-cetinju.html> (accessed: 07.07.2023); VIDEO Milatović jedva uspio da uđe na konvenciju, demonstranti nasrtali i psovali. URL: https://www.vijesti.me/vijesti/politika/647096/video-milatovic-jedva-uspio-da-udje-na-konvenciju-demonstranti-nasrtali-i-psovali?utm_source=vijesti&utm_medium=article_related&utm_campaign=article_intext_related (accessed: 07.07.2023).

⁴² Učesnici protesta na Cetinju: Milatović se želi predstaviti žrtvom, naš skup bio je nenasilan. URL: <https://www.portalanalitika.me/clanak/ucesnici-protesta-na-cetinju-milatovic-se-zeli-predstaviti-zrtvom-nas-skup-bio-je-nenasilan> (accessed: 07.07.2023).

сформировать новое правительство вместо кабинета Абазовича, также объявила о поддержке Милатовича. Социал-демократическая партия (СДП) и социал-демократы поддержали действующего на тот момент президента.

Оба кандидата в президенты во время предвыборной кампании заявили о своей приверженности вступлению страны в Европейский Союз и пообещали работать над восстановлением экономических перспектив. Тон кампании в СМИ и социальных сетях стал более агрессивным во втором туре, когда конкуренты начали использовать постановочные видеоролики и «черный» пиар. Оба кандидата прибегли к негативной агитации: Милатович представлял свою кандидатуру как олицетворение молодого будущего по сравнению с прошлым президентом, которого обвинял в использовании власти в интересах своего окружения, попустительстве коррупции и преступности. Милатович объявил, что эра Джукановича закончилась, проводя кампанию о необходимости перемен и обещая лучшее будущее⁴³.

Джуканович обвинял своего оппонента в «жестоком популизме» и утверждал, что Милатович был доверенным лицом Сербии и Сербской православной церкви и ввергнул страну в непосильный долг, находясь на посту министра экономики⁴⁴. Он охарактеризовал второй тур президентских выборов как выбор между независимой Черногорией и страной, контролируемой Сербией с Россией.

В результате голосования Я. Милатович получил 58,88 % голосов, а М. Джуканович — 41,12 %.

Результаты первого и второго тура послужили толчком к реформированию партийно-политической системы. После нескольких неудачных попыток по формированию Правительства Черногории тогда еще действующий Президент М. Джуканович за 3 дня до президентских выборов, 16 марта 2023 г., распустил парламент и назначил новые выборы на 11 июня 2023 г. 17 марта 41 член парламента (MPS) подали конституционную жалобу на президентский указ, утверждая, что в нем не указаны какие-либо юридические основания для роспуска парламента, но в дальнейшем необходимого большинства судей для принятия подобного решения в Уставном суде не нашлось⁴⁵.

24 марта президент публично заявил, что депутаты, которые проигнорируют его указ о роспуске парламента, будут привлечены к уголовной ответственности. В период, предшествовавший выборам, ряд сотрудников полиции и государственных служащих были арестованы в рамках продолжающихся усилий по борьбе с организованной преступностью. В связи с этим 30 марта

⁴³ Milatović: Građani 2. aprila odlučuju hoće li okrenuti leđa prošlosti. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.082ef73f-64982b46-ec2568e9-74722d776562/https/www.vijesti.me/vijesti/politika/650177/milatovic-gradjani-2-aprila-odlucuju-hoce-li-okrenuti-ledja-proslosti (accessed: 07.07.2023).

⁴⁴ Đukanović: Milatović nastupa s platforme Velike Srbije. URL: <https://www.vijesti.me/vijesti/politika/649703/djukanovic-milatovic-nastupa-s-platforme-velike-srbije> (accessed: 07.07.2023).

⁴⁵ Черногорские депутаты опротестовали роспуск парламента в Конституционном суде // ТАСС. 17.03.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17298173> (дата обращения: 11.07.2023).

директор полиции был уволен правительством по предложению министра внутренних дел.

Накануне парламентских выборов произошли некоторые преобразования в структуре партий и альянсов. В частности, после поражения Джукановича на президентских выборах на посту председателя ДПС его сменил сравнительно молодой Д. Живкович. Главой коалиции «За будущее Черногории» (в составе которой находится Демократический фронт с одним из лидеров в лице кандидата на президентских выборах А. Мандича), на предыдущих выборах возглавляемой З. Кривокапичем, стал М. Кнежевич. 17 мая 2023 г. была создана новая коалиция «Дритан и Алекса — Смело считай» с участием бывшего премьер-министра Д. Абазовича.

Показательно, что прошедшие парламентские выборы характеризовались сменой основной политической повестки дня. Главными вопросами избирательной кампании были вопросы экономического развития и благосостояния, а этнический и конфессиональный вопросы широко не обсуждались. Основным итогом стало существенное поражение партии М. Джукановича и формирование новой конфигурации политических сил во главе с новой президентской силой.

На прошедших выборах победу одержало центристское движение «Европа сейчас» (25,55 %), к которому принадлежит новый Президент страны Я. Милатович. Блок во главе с Демократической партией социалистов бывшего президента («Вместе») занял второе место (23,26 %). На третьей строчке оказалась партия «За будущее Черногории» (14,76 %), на четвертой — союз Объединенной реформистской акции и Демократической Черногории («Смело считай») с 12,5 %. В парламент также прошли Боснийская партия, блок Социалистической народной партии и Демократического союза, Албанский форум, Албанский альянс и Хорватская гражданская инициатива.

Результаты выборов закрепили поражение М. Джукановича и его партии, привели к смене политической повестки дня и символизировали приход в политику нового поколения без значительного политического опыта, буквально с нуля за несколько месяцев набравшего активную избирательную базу⁴⁶. Это свидетельствует об усталости черногорского населения от старых политиков и проблем и желании многих граждан выйти из замкнутого круга этнических и конфессиональных разногласий, чтобы заняться наконец «неполитическими» вопросами социально-экономического развития, борьбы с коррупцией и т.д.

Политические изменения, произошедшие в 2023 г., снова «переворачивают» направление официального политического курса в области национально-государственного строительства. Ради того чтобы войти в большую европейскую семью, новые власти отказываются от дихотомии «просербский-антисербский» как основной идеи построения черногорской нации в пользу глобалистских идей

⁴⁶ Мило: прощается, но не уходит // Балканист. 12.06.2023. URL: <https://balkanist.ru/milo-proshhaetsya-no-ne-uhodit/> (дата обращения: 12.07.2023).

дружбы со всеми, признания позиции всех сторон конфликтов на Западных Балканах и сглаживания острых узлов за счет привлечения внимания к социально-экономическим проблемам.

Политические события последних трех лет в Черногории показали, что пока действующая властная элита во главе с М. Джукановичем искала врагов вовне, молодое поколение политиков нашло врага в лице самого М. Джукановича. Иными словами, благодаря действиям политиков нового поколения размежевание по поводу отношения к политическому режиму (своеобразный межпоколенческий разрыв) выступило объединяющим стимулом для оппозиционных политических сил, что способствовало смене режима и приходу к власти новых политических сил.

Однако события последних лет показали, что актуальность разногласий на этнической и конфессиональной основе сохраняется и в будущем это может существенно повлиять на политический процесс. Некоторые аналитики оценивают прошедшие выборы как «критическую развилку», которая может определить будущую траекторию Черногории либо в плане ускорения вступления в ЕС, либо, напротив, ослабления связей с ЕС и НАТО⁴⁷.

Заключение

Проведенный анализ показал, что длительное время политическое развитие Черногории определялось историческими особенностями ее формирования и наследием бывшей Югославии. В частности, существенную роль играл центр бывшей Югославии Сербия, которая до сих пор сохраняет влияние на внутриполитические процессы Черногории и определяет национальную и конфессиональную идентификацию значительной части ее населения.

Размежевания между группами граждан, идентифицирующих себя как сербы или черногорцы, а также между государством и церковью, длительное время определяли расстановку политических сил. Страх национальных меньшинств (в первую очередь албанцев и бошняков) перед национальной политикой Сербии и умелое лавирование М. Джукановича, разыгравшего национальную карту, длительное время обеспечивали поддержку его режиму и доминирование ДПС на политической арене. Однако проблемы экономического развития, коррупция, контроль финансовых потоков, а также просчеты Джукановича в отношении православной церкви вкупе с отсутствием серьезного продвижения на пути к евроинтеграции обусловили ослабление поддержки режима национальными меньшинствами, возрастание оппозиционных настроений и в конечном счете поражение Джукановича на президентских выборах, а ДПС — на парламентских. К власти в Черногории пришли представители молодого поколения политиков, в меньшей степени опирающихся на традиционные для Черногории

⁴⁷ *Vujović Z. Nenezić A. Montenegro in Crises: Navigating Political Turmoil and the Path to European Integration // Suedosteuropa-Mitteilungen. 2023, Iss. 2. P. 25–44.*

этноконфессиональные размежевания, а больше нацеленных на решение экономических проблем и ускорение процесса вступления страны в ЕС.

Однако окончание длительного периода доминирования одной политической силы не означает завершения процесса демократизации. Следует признать, что экономические процессы в стране во многом остаются подконтрольными клану Джукановича, а ДПС, хотя и утратила доминирующее положение, еще достаточно популярна и сильна. В свою очередь, в стране оппозиции наблюдается существенная фрагментарность и нестабильность, даже с учетом появления новой президентской силы, которая формирует коалицию на правах победителя.

Нерешенность вопросов национального и государственного строительства, влияние внешних центров (Сербии и Сербской православной церкви, ЕС, России, балканских союзов и др.), отсутствие эффективных институтов формирования компромиссных решений и защиты интересов меньшинств делают политическую жизнь нестабильной и осложняют принятие эффективных политических решений.

Как показывают последние национальные выборы, идея вступления в ЕС недостаточно привлекательна для преодоления всех разногласий между политическими силами, а традиционные для страны размежевания еще будут напоминать о себе, особенно когда пройдет «медовый месяц» новых властей с многонациональным и многоконфессиональным населением Черногории.

Поступила в редакцию / Received: 11.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 07.09.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Мелешкина Е.Ю.* Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 10–29.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012.
- Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А.* Черногория в поисках национальной и государственной идентичности // *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 15. № 1. 2021. С. 5–18. <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-5-18>
- Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р.* Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23. № 4. С. 659–674. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674>
- Allworth E.* Muslim communities reemerge: historical perspectives on nationality, politics, and opposition in the former Soviet Union and Yugoslavia. Duke university press, 1994.
- Vakrač V.* Church and state in Montenegro and State in Montenegro: from the Serbian or the Serbian Orthodox Church to the Church of Serbia // *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*. 2022. Vol. 42, no. 9. P. 38–52.

- Banchev B.* The Serbian Orthodox Church in Montenegro and the Conflict of Identities in 2019–2020 // *Études balkaniques*. 2021. No. 4. P. 566–591.
- Bartolini S.* Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the Nation State and the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Begović M., Bardocz-Bencsik M., Oglesby C.A., Dóczy T.* The impact of political pressures on sport and athletes in Montenegro // *Sport in Society*. 2021. No. 24 (7), 1200–1216. <https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1738393>
- Bieber F.* The party system of Montenegro, party politics in the Western Balkans / ed. by V. Stojarova, P. Emerson. Abingdon, New York: Routledge, 2010.
- Jenne K.E., Bieber F.* Situational Nationalism: Nation-building in the Balkans, Subversive Institutions and the Montenegrin Paradox // *Ethnopolitics*. 2014. No. 13 (5). P. 431–60.
- Kaufmann D., Hellman J., Geraint J.* Seize the state, seize the day: State capture, corruption, and influence in transition // *Policy Research Working Paper 244*. World Bank. 2000. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/19784> (accessed: 12.07.2023).
- Komar O.* The elephant in the room: illiberal politics in Montenegro // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2019. No. 21. P. 61–80. <http://doi.org/10.1080/14683857.2020.1703495>
- Milosevich M.* Russia's weaponization of tradition: The case of the Orthodox Church in Montenegro // *Center for International and Strategic Studies*. 2020. URL: <https://www.csis.org/blogs/post-soviet-post/russias-weaponization-tradition-case-orthodox-church-montenegro> (accessed: 12.07.2023).
- Morrison K.* Nationalism, Identity and Statehood in Post-Yugoslav Montenegro. London: Bloomsbury, 2018.
- Pavlović S.* Montenegro's stabilitocracy: The West support of Đukanović is damaging the prospects of democratic change // *LSE Blog*. 2016. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/12/23/montenegros-stabilitocracy-how-the-wests-support-of-dukano-vic-is-damaging-the-prospects-of-democratic-change/> (accessed: 12.07.2023).
- Pavlović S.* Who are Montenegrins? Statehood, identity, and civic society // *Montenegro in Transition Problems of Identity and Statehood* / ed. by F. Bieber. BadenBaden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2003. P. 83–106.
- Popescu G.* Bordering and ordering the twenty-first century. Understanding borders. Rowman and Littlefield, 2012.
- Rokkan S.* State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / ed. by P. Flora. Oxford: Oxford university press, 1999.
- Rokkan S.* The Center-Periphery Polarity, Center Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt A.M. and N.Y.: Campus Verl, 1987. P. 17–50.
- Schimmelfennig F.* Rebordering Europe: external boundaries and integration in the European Union // *Journal of European Public Policy*. 2021. No. 28:3. P. 311–330. <http://doi.org/10.1080/13501763.2021.1881589>
- Šljivić D.* Montenegro's Canonical Orthodox Church and Transition to Democracy in the Aftermath of the 2020 Parliamentary Elections // *Südosteuropa Mitteilungen*. 2021. No. 1. P. 47–61
- Subotić J.* The Church, the Nation, and the State: The Serbian Orthodox Church After Communism // *Orthodox Churches and Politics in Southeastern Europe, Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy* / ed. by S.P. Ramet. 2019. P. 85–110. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24139-1_5
- Vučković V., Petrović M.* Colliding Western Balkan Neighbors: Serbia and Montenegro in Post-Yugoslav Context-Identity and Interest Representation. *Southeastern Europe* // *L'Europe du Sud-Est*. 2022. No. 9. P. 54–80. <http://doi.org/10.25364/02.9:2022.2.5>
- Vukicevic B.* Foreign Relations of PostIndependence Montenegro: A Change of Direction // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2017. No. 36. P. 107–135. <http://doi.org/10.1515/lfpr2017-0003>

Сведения об авторах:

Мелешкина Елена Юрьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: elenameleshkina@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1339-7150)

Помигуев Илья Александрович — кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ; научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия) (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3068-5664)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816
EDN: QKUFPR

Научная статья / Research article

Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация

Т.А. Алексеева , Ж.А. Верховская

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 ataleks@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению некоторых новых методологических тенденций в конструктивизме «третьего поколения» ученых. Его представители, сохраняя приверженность базовым постулатам конструктивизма, в то же время обратили свое основное внимание на вопросы, связанные с теорией коммуникации, в частности к фреймингу как одному из способов конструирования реальности и насыщения ее определенными смыслами. Опираясь на теорию диалога Мартина Бубера, конструктивисты обращают внимание на опасности универсализма в исследовании политики как предпосылки и даже манифестации идеологизированной фиксации некоторых понятий, положений и тезисов. Между тем формирование сообщества как «мы» предполагает плюрализм подходов и признание разных точек зрения и одновременно «очищение» информационного пространства от множества фреймов, позволяющих через манипулирование «фейками», стереотипами и ложными историями формировать представление о реальности, существенно ее искажающей и даже видоизменяющей.

Ключевые слова: конструктивизм, теория коммуникации, фрейминг, теория диалога, интерактивный конструктивизм, универсализм, плюрализм

Для цитирования: Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 801–816. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)»).

© Алексеева Т.А., Верховская Ж.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The “Third Generation” Constructivism: Framing and Communication

Tatyana A. Alekseeva , Zhanna A. Verkhovskaya

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ataleks@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the consideration of some new methodological trends in the constructivism of the “third generation” of scientists. Its representatives, while remaining committed to the basic postulates of constructivism, at the same time turned their main attention to issues related to the theory of communication to framing as one of the ways of constructing reality and saturating it with certain meanings. Based on Martin Buber’s theory of dialogue, constructivists draw attention to the dangers of universalism in the study of politics as a prerequisite and even a manifestation of the ideological fixation of certain concepts, positions, and theses. Meanwhile, the formation of a community as “we” presupposes a pluralism of approaches and recognition of different points of view, and at the same time “cleaning” the information space of many frames that allow, through the manipulation of “fakes,” stereotypes and false stories, to form an idea of reality that significantly distorts it and even modifying.

Keywords: constructivism, communication theory, framing, dialogue theory, interactive constructivism, universalism, pluralism

For citation: Alekseeva, T.A., & Verkhovskaya, Z.A. (2023). The “third generation” constructivism: Framing and communication. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 801–816. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816>

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10159 “The phenomenon of strategic culture in world politics: the specifics of influencing security policy (on the example of the Scandinavian-Baltic states)”).

Как известно, еще в 1989 г. вышла в свет книга американского международного Николаса Гринвуда Онуфа «Мир нашего создания: правила и правило в социальной теории и в международных отношениях» [Onuf 1989]. В этой работе Онуф впервые применительно к теории международных отношений употребил понятие «конструктивизм», давшее имя течению международно-политической мысли, с конца 1980-х — начала 1990-х гг. занявшему одно из важнейших мест на сегодняшнем теоретико-международном Олимпе.

Замысел весьма амбициозного проекта Онуфа сводился к тому, чтобы ни много ни мало «перестроить» всю теорию международных отношений, не утратив политического характера дисциплины, одновременно вписав ее в социальную теорию. В центр своего проекта он положил теорию структуризации английского социолога Энтони Гидденса, в соответствии с которой общество воспроизводится как система взаимодействия между индивидами — субъектами действий, создающими структуры, которые, в свою очередь, служат объективными условиями — средствами (предоставляют возможности) и ограничениями (задают рамки) для последующих действий. Таким образом, говоря словами Онуфа, «люди и общество конструируют или конституируют друг друга»

[Onuf 1989: 36]. Конструирование реальности, будь то внутривнутриполитической или международной, происходит благодаря действиям людей, в том числе речевым актам, которые благодаря повторениям институционализируются в правила, которые, в свою очередь, форматируют поведение граждан.

Эта вроде бы несложная идея сыграла роль триггера в изменениях мировоззрения международных ученых. Относительно быстро конструктивизм обрел множество приверженцев. В соответствии с данными обзора кембриджской исследовательской группы ТРИП 2017 г. более 50 % ученых в странах за пределами США признались, что относят себя к конструктивистам или же используют конструктивистские методы [Zarakol 2017: 75]. При этом в США, в силу многих исторических обстоятельств, включая долговременный акцент на прагматизме, сторонников конструктивизма заметно меньше, чем, например, в Европе. Однако сам факт такого быстрого роста популярности конструктивизма среди ученых-международников, причем по всему миру, весьма примечателен.

В самом общем виде конструктивизм определяют как философское убеждение в том, что люди не столько изучают мир, сколько сами конструируют свое понимание реальности — смыслы явлений, событий и процессов, основываясь на взаимодействии с окружающей средой, предоставляющей свидетельства и возможности для мысленного экспериментирования, иначе говоря, для конструирования действительности. Этот подход исторически сформировался в научном сообществе как одно из направлений, предполагающих комплекс идеалов и регулятивных принципов познания, поэтому на протяжении тысячелетий в том или ином виде уже присутствовал в истории политической мысли.

Мотто конструктивистского подхода может быть сведено к следующему: объективная реальность не доступна человеческому познанию, равно как и постижение истины — нам «известно лишь то, что мы в том или ином смысле сами сконструировали, создали, произвели» [Rockmore 2005: 24]. По сути, это эпистемология, предполагающая, что познание воспринимается как активное участие субъекта в построении (конструировании) и интерпретации мира, а не просто как его изучение, отражение или описание.

Международные отношения социально сконструированы — вслед за социологами П. Бергером и Т. Лукманом это начали утверждать конструктивисты-политологи [Бергер, Лукман 1995]. Как социальная теория конструктивизм размышляет о роли знания (эпистемологии) в конституировании социальной реальности. Он, говоря словами известных конструктивистов Марты Финнемор и Кэтрин Сиккинк, рассуждает о природе социальной жизни и социальных изменений [Finnemore, Sikkink 2001]. Он видит свою задачу в том, чтобы понять и определить роль интерсубъективности, социального контекста, взаимодействия и соконструирования агентов и структуры, а также управляемую по определенным правилам природу общества. В этом смысле — это метатеория, иначе употребляя понятие Томаса Куна, парадигма парадигм.

«Взрывной» успех конструктивизма, кроме того, во многом был связан с тем, что он предложил «третий, средний путь» в отношении чуть ли не всех бинарных оппозиций, составлявших «основной поток» (mainstream) в теории

международных отношений, находившихся в центре «великих дебатов», то есть позволял отойти от крайностей рационализма/рефлексивизма, реализма/идеализма, индивидуализма/холизма и т.д. Отсюда — вполне закономерный эклектизм конструктивизма, его компромиссность, нечеткость очертаний и относительная нестрогость методических требований, что отнюдь не делает его менее интересным эвристически или менее применимым как “usable knowledge (полезное знание). Границы парадигмы отличаются прозрачностью, текучестью и взаимоналожением с другими парадигмальными подходами. Поэтому определение конструктивистской парадигмы в жестких, однозначно зафиксированных терминах в принципе неправильно.

Неудивительно поэтому, что определения конструктивизма часто противоречат друг другу, причем это относится также к таким категориям, как идеи, нормы, правила, идентичность и интересы. Конструктивизм также подразделяют на разные направления — «мягкий» и «твердый» конструктивизм, умеренный и радикальный, критический и конвенциональный, постмодернистский и неоклассический. Пестрота в оценках во многом объясняется тем, что конструктивизм изначально не был однородным течением, для него был характерен плюрализм, более того, и в дальнейшем он продолжал расползаться по разным подходам и направлениям, в каких-то случаях сохраняя верность первоначальной социальной ориентации, в других — сближаясь с политической психологией, историей или педагогикой, в-третьих — оставаясь в рамках политической теории, особенно критической. Майкл Мэтьюз идентифицирует свыше 20 разных форм конструктивизма с точки зрения методологических, радикальных, дидактических и диалектических соображений [Matthews 2000].

Как бы там ни было, конструктивизм смог поставить ряд новых вопросов, которые, как правило, либо не затрагивали традиционные теории, либо давали им однозначную трактовку, в том числе вопрос об идентичности, нормах, причинно-следственных связях и их понимании, о роли власти в формировании национальных интересов, институтов и международного управления, о новом типе территориального конструирования и складывании транснациональных регионов, а также проблем и аспектов коммуникации. Ключевыми концептами в конструктивистской аргументации стали «дискурсы», «нормы», «идентичность» и «социализация», радикально изменившие даже сам характер обсуждения таких проблем, как политика безопасности, глобализация, права человека, и других наиболее актуальных теоретических и практических вопросов мировой политики.

Одной из наиболее значимых для конструктивизма тем стали также взаимоотношения между агентами и структурами. Для конструктивистов наибольший интерес представляют не столько существующие институты, структуры или системы сами по себе, сколько то, как именно происходит выбор альтернативных форм дискурсов, т. е. наделение концептов и событий смыслами, а также то, как исследователи формируют содержательные вопросы и каким образом принимают те или иные интерпретативные методы.

Одним из течений в конструктивизме стал так называемый интерактивный конструктивизм, вносящий немаловажный вклад в рассмотрение проблем

коммуникации. Это направление было сформировано в значительной степени под влиянием философского дискурса постмодернизма. Заметный вклад в его разработку внесла «школа» Кёльнского университета в ФРГ, а в частности такие авторы, как Керстен Райх, Стефан Нойберт и некоторые другие [Reich 1998, Neubert, Reich 2001]. Внимание интерактивных конструктивистов сосредоточено в основном на дискурсах, которые рассматриваются ими, с одной стороны, как символические формы, отражающие текущие паттерны правил, распределений и устройств, иначе говоря, связаны с признанием того факта, что всякий дискурс стремится к распространению, то есть превращению в модель для других дискурсов; с другой стороны, они воспринимают дискурсы как события, то есть движения внутри таких предписаний, т.е. случайности, сдвиги и перемещения вновь и вновь подрывают безопасность упорядоченной структуры. Иными словами, по мнению теоретиков этой «школы», следует принимать во внимание даже напряженность, существующую при обсуждении дискурсов, — их следует воспринимать и анализировать как подвижные, существующие временно в контекстах социального понимания и даже в момент своего формулирования в ряде случаев, уже находящихся в процессе движения в направлении других дискурсов. Дискурс, как правило, пребывает в состоянии конструирования, реконструирования и деконструирования, причем его восприятие со стороны самого исследователя и других ученых или наблюдателей может существенно разниться. В этом свете особое значение приобретает возможность рассмотрения коммуникации с точки зрения носителя и создателя дискурсов.

При этом актер никогда не остается в одиночестве. Он всегда одновременно и участник, и наблюдатель некоего действия [Reich 1998]. Поскольку дискурсы рассматриваются как символические порядки и как создатели правил, паттернов, распределений и устройств, всегда важен контекст понимания и легитимации. Даже на уровне лингвистических оснований они включают способ применения, а также культурную жизнеспособность, отражая те согласия, которые достигнуты, пусть и временно, в данном обществе. Поэтому дискурс не может быть понят как некая целостность, тотальность. Всегда в нем что-то отсутствует.

В отличие от объективистского и универалистского подходов конструктивисты предполагают, что действия, участие и наблюдения берут свое начало в культуре. А это означает, что объективность и универсальность дискурсов оказывается столь хрупкой в нынешних условиях, что быстро распадается и разрушается при постмодернистском повороте. Возможно, они сохраняют свою актуальность сами по себе, но при малейшей попытке выхода вовне и столкновения с другими дискурсами и аргументами они более уже не в состоянии сохранить универалистскую применимость для всех людей и любых констелляциях человеческих интересов. Иначе говоря, становятся всего лишь одним из вариантов взглядов среди многих других.

Дискурсы, как это уже неоднократно подчеркивалось в научной литературе, это не просто языковые игры вне практики и институтов. Они глубоко погружены в культурный контекст. Поэтому практика дискурсивной коммуникации

не ограничивается поиском научно обоснованного, объективно доказуемого способа мышления, присущего тому или иному сообществу, она непременно принимает во внимание контекст отношений и жизненные миры, ускользающие из внимания научной объективизации. Например, Юрген Хабермас предложил интерпретацию, сочетающую рационализм, универсализм и современную демократию, одновременно подчеркнув их связь с жизненным миром [Habermas 1987]. С его точки зрения, либеральная демократия — воплощение прогресса в рациональной аргументации и транскультурных ценностных предпосылках, воплощение регулирующего идеала свободной и неискаженной коммуникации.

Другие теоретики, например Шанталь Муфф, Эрнесто Лаклау, Жак Деррида и др., делают больший акцент не столько на согласии, сколько на несогласии. По их мнению, демократическая политика в принципе не может основываться на полном консенсусе. Конфликты, социальные противоречия, столкновение интересов, будь то во внутренней политике или на международной сцене, предполагаются на всех уровнях, публичных и частных. «В самом деле, — подчеркивает Муфф, — специфика либеральной демократии как новой политической формы общества состоит в легитимации конфликта и отказе от его уничтожения через внедрение авторитарного порядка. Либеральная демократия — это прежде всего *плюралистическая* демократия» [Mouffe 1996: 8]. Соответственно, поддержка либеральной демократии со стороны политических институтов предполагает динамизм между согласием и несогласием. В этом смысле конструктивизм следует традиции постмодернизма, названной Жаном Франсуа Лиотаром «распрей».

Эти темы приобретают особое значение у наиболее современного, «третьего поколения» конструктивистов. Третье поколение конструктивистов вновь вернулось к постпозитивизму (во всей его многоликости), снова обратилось к исследованию дискурсов и интерпретации смыслов.

Если конструктивисты второго поколения (в конце прошлого столетия) почти не интересовались проблемой человеческого «Я» и взаимоотношений личности с другими людьми, не слишком внимательно принимали во внимание глубоко социальный характер людских связей, то интерес представителей третьего поколения направлен, прежде всего, на изучение поведения индивидов, и в меньшей степени, — институтов, групп и структур в целом.

С этой точки зрения, важное значение приобрело обращение к идеям известного философа-экзистенциалиста Мартина Бубера (1878–1965) и его философии диалога. В книге «Я и Ты» (1923 г.) Бубер доказывал, что между отношением человека к Богу и отношением к ближнему существует тесная связь [Бубер 1993].

Условиями межличностного диалога, по Буберу, является не просто присутствие другого человека, а подлинное намерение совместно решить какую-то проблему, условием чего становится открытость по отношению друг к другу. В результате возникают отношения «Я-Ты» (I-Thou), то есть способность слышать собеседника и осознавать единство сосуществования с ним. Конструирование отношений «Я-Ты» позволяет связать несколько «Я» вокруг общего центра

и тем самым создать «межличностную сферу» отношений, или, иначе, «Мы» как сообщество.

Но это лишь одна сторона проблемы. Другая — тип отношений — «Я — Оно» (I — It), который основывается на инструментализации членов общества и дистанцировании людей друг от друга. Эти отношения препятствуют возникновению диалога и формированию сообщества «Мы».

В любом случае буберовская интерпретация предполагает принятие другого, признание допустимости инаковости. Бубер подчеркнул, что в диалоге нет места для господства или иерархии, так же как и исключения кого-то из участия. Соответственно, «диалогичный мир», по Буберу, — это событие, происходящее между людьми без взаимных оговорок. Однако подлинный диалог в наше время стал невозможным — слишком много сопутствующих обстоятельств, поэтому восстановление чисто человеческой способности к ведению диалога должно стать важнейшей задачей. Более того, сам диалог часто оказывается имитацией, происходит подмена диалога полемикой, то есть априорной демонстрацией уверенности в правоте своей точки зрения и неприятии альтернатив (позднее об этом подробно напишет французский философ Мишель Фуко).

Обращение к Буберу — отнюдь не случайно. Это, в сущности, еще одно подтверждение того, что конструктивизм как теоретический подход отвергает все формы рационального универсализма.

Эта констатация важна в свете особенно навязчивой в последнее время идеологизации либерализма, которая очевидно создает искаженную и догматичную картину мира, причем, прежде всего, посредством коммуникации. Универсализм с неизбежностью делает дискурс крайне односторонним, полагают конструктивисты. Даже наиболее рациональные личности, опирающиеся на общие интересы своего интерпретативного сообщества в своем стремлении найти наиболее рациональное решение имеющихся проблем, не могут избежать исключения каких-то других людей из сообщества по интересам, фактически не давая возможность другой стороне представить свои аргументы. Французский философ Эммануэль Левинас писал, что Освенцим (как концентрационный лагерь, лагерь смерти, в котором погибли свыше 4 миллионов узников, причем свыше 1 млн были евреи) стал символом варварского разума, который в конечном счете соответствовал дискурсу «Запада» и ориентации «западного» универсалистского типа мышления на самость и очевидность инаковости, неприятия Других [Левинас 2006]. Отрицание Других присутствует везде, где провозглашается высший разум, даже если чисто формально. В противоречивом, плюралистическом обществе, сама практика аргументации деконструирует такие формальные концепты конечного довода, поскольку жертвует идеально-типическим. Тем самым само по себе ожидание консенсуса блокирует признание инаковости другого, разных мнений в интерпретативных сообществах, стремящихся к признанию. Конструктивизм по сути своей склонен к произвольности в интерпретации и уже поэтому препятствует идеологизации выдвигаемых положений и аргументов [Калинина 2020: 127].

Во избежание тоталитарной полемики именно межличностный диалог рассматривается конструктивистами третьего поколения в качестве главного лекарства для современного общества всеобщего отчуждения. Более того, предполагается, что и сам конструктивизм открыт для диалога, не допуская превращения в догму, что, к сожалению, свойственно многим другим парадигмам, впрочем, некоторым его течениям также. Соответственно, возникает возможность рассматривать конструктивистов как активных строителей мирового сообщества за пределами академического мира, в чем некоторые из них видят свою стратегическую цель. Фундаментальными строительными блоками социальной жизни в их подходе становятся взаимодействия индивидов друг с другом, иначе говоря, коммуникация.

Коммуникация как проблема конструктивизма

Со временем изменился сам подход к обществу. Под влиянием неклассической и постнеклассической картин мира изменился характер познания: понятия научной онтологии (такие как атом, квант, кварк, материя, ген, нейрон, вирус и т. д.) начали рассматриваться как социальные конструкты. Даже само понятие общества превратилось в социальный конструкт, причем такой конструкт, происхождение которого, как доказывал еще один крупный немецкий социолог Никлас Луман, невозможно объяснить никак иначе, кроме как из самого себя. Луман впервые свел весь социальный процесс к единой операции — коммуникации, т. е. единству трех элементов: сообщения, информации и понимания. Таким образом, сами взгляды Лумана в конце концов оказались своеобразной формой социально-радикального конструктивизма [Луман 2004].

При рассмотрении проблем коммуникации возникает ряд проблем, в том числе связанных с тем, что по сей день нет точного определения концепта и его компонентов. Тем не менее интуитивно мы осознаем, что речь идет о еще одном «сущностно оспариваемом концепте» (В. Гэлли), предполагающем разные интерпретации при сохранении подвижного «нервного узла» [Gallie 1956], хотя и «плавающего» в зависимости от контекста и задач исследования.

Важно отметить тот факт, что мы действуем, а главное, взаимодействуем, как правило, в рамках определенной логики, которая и подразумевает под собой конструктивистское начало. Подходов к коммуникациям существует бесчисленное множество. Их рассматривают как в узком, так и в широком смысле. В целом подходы можно поделить на лингвистический, интеракционный и технократический. Несмотря на то, что субъект у них схож, специфика объекта в коммуникативном дискурсе меняется. Если лингвистические подходы рассматривают проблемы языка, то интеракционный подход ставит во главу угла само взаимодействие. В свою очередь, технократические подходы отчасти схожи с ранее упомянутыми, но проходят через призму средств доставки информации — средств коммуникации.

Как известно, коммуникация, затрагивающая фундаментальные аспекты человеческого понимания, имеет социальную направленность как деятельность,

которая, будучи успешной, устанавливает взаимопонимание людей. В отличие от макросоциологического, структурного подхода к обществу, рассматривающего его как целостность социальных институтов (государство, религия, семья и т. д.), микросоциологический подход, одним из вариантов которого выступает конструктивизм третьего поколения, сориентирован на человеческие взаимодействия, и, что наиболее существенно, интерпретацию поведения людей. Это требует наблюдения за поведением людей и объяснение мотивация поступков и действий — отсюда стремление исследователей понять природу их коммуникации между собой.

Большое значение придается сегодня символам, воплощающим социальный мир, а также языку (речи). Предполагается, что участвующий в коммуникации человек распознает его и одновременно интерпретирует. В процессе коммуникации люди могут меняться ролями, но ключевое положение — понимание Другого, означающее не просто необходимость поставить себя на его место, но включить также воображение, отражающее его представление о внешней среде.

Таким образом, третье поколение вернулось к социологическим идеям символического интеракционизма. Речь идет о необходимости рассматривать разные формы доминирования и структурного неравенства, причем до того, как раскрывать их как интерактивные процессы. «Зеркало Я» воссоздает отнюдь не только положительные эмоции, а гораздо чаще такие, как раздражение, гнев или излишняя гордость. Иначе говоря, человек постоянно воспроизводится в интерактивном опыте, в ежедневном взаимодействии эмоций, идентичности и тела. Это относится не только к человеку, но и к международным акторам. Так, Е. Суботик и А. Заракол подчеркивают, что «чувство самоопределения» государства «может содержать такие эмоции, как стыд, вина и смущение, а отнюдь не только позитивные чувства» [Subotic, Zarakol 2013].

Таким образом, самоидентификация государства — не просто результат его борьбы за улучшение своего положения по отношению к другим государствам как формы реализации национального интереса, но также и следствие оценки собственного прошлого и внутренних конфликтов, причем во многих случаях пересмотра их значения под внешним влиянием. В книге с весьма характерным названием «После поражения: Как Восток учился жить с Западом» Заракол показывает, как исторически Россия, Оттоманская империя и Япония воспринимали западные нормы извне, что, по их мнению, привело к появлению «комплексов неполноценности» и попыткам исправить свою идентичность [Zarakol 2010: 312]. Или, иначе говоря, варианты «постимперского синдрома на Востоке» у бывших метрополий, сочетающего, как представляется «западным» теоретикам, подавленность со сесью. Очевидно, что это открывает возможности для внешних сил использовать такого рода синдромы в своих целях и манипулятивных технологиях, что, собственно, и делается.

Специфика правил, направляющих социальное взаимодействие, крайне важна для понимания международных отношений, постоянно подчеркивают

конструктивисты. Поэтому исследователю не просто необходимо принимать во внимание как данность феномены мировой политики, а осмысливать события и процесс принятия решений, то есть фиксировать характеристики, которые до последнего времени попросту игнорировались учеными и аналитиками.

Если можно так выразиться, символический интеракционизм сбрасывает «высокую политику» с ее пьедестала; делает ее тривиальной, а значит, открытой для критики. Иначе говоря, осмысление процессов принятия решений приобретает более демократический и менее тоталитарный характер, в каком-то смысле происходит «очеловечивание» «большой политики». Конструктивизм, таким образом, вновь утверждает социальную природу науки. «Политическая реальность с позиции новой онтологической политики (а третье поколение конструктивистов очевидно работает именно таким образом. — Т.А.) разворачивается перед нашими глазами и требует деятельного участия сейчас, без упования на прошлые события и без особого расчета на будущее. Объекты, вещи, люди, силы, идеи проявляют свою потенциальную политическую субстанцию в актуальной борьбе и конфликте сетевых взаимоотношений» [Сморгунов 2020: 131].

Еще одним важным аспектом мышления третьего поколения становится особое внимание к влиянию контекста и условий на принятие международно-политических и внешнеполитических решений, восприятие которых в значительной мере определяется рамками стратегической культуры. Например, в случае российско-американских отношений выделяются такие аспекты условий, которые, в свою очередь, радикально изменили основные способы и механизмы внешней политики:

а) асимметрия вместо паритета — игроки стараются оказать влияние друг на друга, исходя из обеспеченности сырьевыми ресурсами, уровня заинтересованности, декларируемых ценностей и других параметров, искажающих перцепцию действий другой стороны и меняющих ход переговоров;

б) нет единственного доминирующего инструмента (например, каким было ядерное оружие в эпоху «холодной войны»), увеличение значения, которое придается экономическим и прочим санкциям, манипулятивно-информационным операциям, методам «гибридной войны» и т.д. Наконец, необходимо также учитывать меняющуюся международную среду (пандемии, изменения климата, природные катаклизмы, транснациональные радикальные движения) [Джордан, Сталберг, Троицкий 2021: 10].

Конструктивизм сегодня, таким образом, наглядно демонстрирует, как в социальном познании происходит переход от «классической, механистической» (ньютоновской) картины мира к «неклассической» (эйнштейновской) и затем к «постнеклассической» (пригожинской), выразившийся в том числе в отказе от традиционной дихотомии «субъективное — объективное», в соответствии с которой «научность» предполагала игнорирование «субъективного» в процессе исследования. Наоборот, человеческое сознание со временем стало признаваться как приоритетный параметр, конструирующий онтологическое пространство. В сферу исследования

конструктивизма постепенно входят основные черты «постнеклассической науки» — нелинейность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность, случайность и т. д. Реальность воспринимается, с одной стороны, как процесс, а с другой — как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Происходит соединение в ходе исследования системности и историчности. В естественные науки в конце концов входит проблема понимания; в социогуманитарные — проектно-конструктивная деятельность. Определяя те инструменты, при помощи которых можно формировать рациональное мышление, конструктивисты в последнее время обращают особое внимание на механизмы изменения фреймов сообщества.

Фрейминг в коммуникации

В последние годы теория фрейминга стала одной из наиболее часто применимых в науках о коммуникации. Корни подхода лежат в когнитивной психологии, а также антропологии. Постепенно фрейминг признали и в других дисциплинах, включая социологию, лингвистику, политологию, международные отношения и т. д., причем смысл теории зачастую менялся.

Как правило, фреймы (рамки) употребляются в контексте производства и интерпретации новостей, т. е. это своего рода связь между созданием и потреблением информации о событиях. Они показывают наиболее типичную манеру, каким образом журналисты формируют содержание новостей в соответствии с латентными структурами смыслов, а также восприятие их аудиторией, предварительно подготовленной для того, чтобы представлять мир в соответствии с презентациями журналистов [McQuail 2005].

Фрейминг может быть вычленен на нескольких фазах процесса коммуникации, в мышлении журналистов и аудитории, а также в целом в медийном содержании и с точки зрения культуры. В каком-то смысле фреймы окружают нас со всех сторон, однако остается все же непонятным, где они начинаются и где заканчиваются. Е. Гоффман показал, что фреймы следуют своей собственной логике и смыслом, насколько это возможно отделяясь от индивидов, но подчеркивая свою связь с культурой [Goffman 1974]. Фреймы составляют центральную часть всякой культуры, однако могут быть по-разному институционализированы. Соответственно, культура представляет собой организованную группу убеждений, кодов, мифов, стереотипов, ценностей, норм и т. д., а также фреймов, содержащихся в общей коллективной памяти какой-то группы или общества. Поскольку сам индивид не в состоянии изменить культурные феномены, фреймы обычно навязываются извне. Так, человек не может поменять принципы биржевой игры, выборов в парламент или правила дорожного движения. Тем не менее индивиды постоянно пользуются культурными феноменами. Журналисты включают их в содержание сообщений в СМИ и затем представляют их аудитории как некую данность, подразумеваемую сама собой.

Боулдвин Ван Горп, используя конструктивистскую парадигму, попытался интегрировать культуру в процесс фрейминга. Он обращает внимание на некоторые аспекты фреймов [Van Gorp 2007]:

1. Фрейминг позволяет журналистам и аудитории видеть, что одни и те же события могут иметь разные смыслы в зависимости от применяемого фрейма. Поэтому следует выявить наиболее часто используемые фреймы в других исторических контекстах и периодах.
2. Поскольку фреймы — часть культуры, актуальные фреймы не входят в содержание информации в СМИ, они в значительной степени независимы друг от друга. Смыслы, придаваемые содержанию сообщений СМИ и их связь с определенными фреймами оказываются частью процесса чтения. Обладая определенными предварительными знаниями культурных феноменов, читатели или зрители как бы пропускают через них получаемую новую информацию. Соответственно, может меняться ее смысл.
3. Процесс социального конструирования смыслов фреймов остается невидимым именно вследствие их связи с культурными феноменами. Он как бы имплицитен, незаметен для участников коммуникации. Но тогда это своего рода властный механизм. Другое дело, что восприятие и усвоение фреймов отдельным индивидом зависит от нескольких факторов, в частности внимательности реципиента, его интересов, верований, ожиданий, желаний и отношения к происходящему в целом. В этом отношении фрейм становится приглашением или требованием прочитать сообщение вполне определенным образом.
4. Подход с позиции культуры включает также влияние макроструктуры на процесс фрейминга. Иначе говоря, то, каким образом индивиды воспринимают информацию, мотивируется отнюдь не только их внутренними склонностями и реакциями, а направляется культурными процессами в целом. Принадлежность к культуре делает фреймы весьма стабильными, давая широкую интерпретацию реальности в отличие от подвижных и динамичных «схем» — организованного знания, личного опыта, воспоминаний и связанных с ними чувств [Fiske, Taylor 1991]. Стало быть, никакие строго индивидуальные фреймы невозможны в принципе.
5. Стабильный смысл фреймов означает, что они крайне медленно меняются со временем. А это означает, что «динамичные», находящиеся в процессе постоянных изменений и зависящие от ситуации и темы разговора, строго говоря, фреймами не являются. Однако нельзя назвать их и статичными. Процесс формирования фреймов по-своему динамичен. Применение фреймов — объект переговоров конкуренции между журналистами и аудиторией, новые утверждаются, другие исчезают.

Тем самым Ван Горп подчеркивает различие между событием, медийным содержанием и фреймом, обращает внимание на реконструкцию «пакетов фреймов», отношения между «пакетами фреймов» и культурными

феноменами, а также взаимодействие между спонсорами определенных фреймов, наиболее важными событиями, содержанием медийных сообщений, схем (объектов или отношений между объектами) и всей совокупностью фреймов.

Таким образом, сущностью фреймов является социальное взаимодействие. Сотрудники СМИ взаимодействуют со своими источниками и другими акторами в публичной сфере, реципиенты взаимодействуют с содержанием информации в СМИ, а также друг с другом. Таким образом, фрейминг одновременно «работает» на текстуальном, когнитивном, высшем внешнем уровне (в частности среди спонсоров и государственных структур), которые могут вносить собственные требования в освещение информации и ее подачу и, наконец, учитывать совокупность фреймов, укоренившихся в данной культуре.

Фрейм является средством, используемым для исправления значений, организации опыта, предупреждения других о том, что их интересы и, возможно, личность находятся под угрозой, и предложения решений текущих проблем. В целях стандартизации схемы обеспечивают индивидуальную интерпретацию конкретной ситуации, а затем предлагают соответствующее поведение в этом контексте. Таким образом, тщательно разработанная структура интерпретации является социальным источником власти с относительной автономией по отношению к материальным источникам власти.

Бертран Шейфеле — один из наиболее известных теоретиков фрейминга, выделил четыре основных фрейминг-эффекта: активизация, трансформация, формирование нового фрейма и, наконец, создание общих установок [Scheufele 2004].

Фреймы являются строительными блоками для создания многих резонансных форм и, таким образом, работают при выполнении правовых нормативных приказов. В эмпирической литературе много примеров, пропагандирующих эффективную структуру для вовлечения целевых регионов и разработки выигранных стратегий для глобальных изменений.

Можно сделать вывод, что конструктивистская парадигма в политике предусматривает анализ коммуникативной среды как инструмента достижения целей конструктивисткой политики: разрушения, смены и сохранения фреймов, вмешательства в габитус общества и конструирования систем, в том числе на международном уровне.

Рваные, не связанные между собой элементы текста объединяются в нечто целое благодаря культурным феноменам, которые одновременно отражают динамичный процесс конструирования социальной реальности. Фреймы, таким образом, вписываются в схемы реципиентов, легко заполняющих пустые графы, благодаря предшествующему опыту, образованию, начитанности, впечатлениям, традициям и т. д. Конструктивисты, по существу, показывают взаимодействие между интерпретативной деятельностью получателей информации и силой фреймов, проявляющихся в разных аспектах информационного содержания. Возникающие при этом микро- и макросвязи

помещают журналистов и их аудиторию в контекст, в котором они взаимодействуют уже с более широким обществом — именно таков социальный процесс, благодаря которому социальная реальность создается, воспроизводится и трансформируется.

Заметим также, что интегрирование разных аспектов процессов коммуникации в анализ фреймов не означает ограничения деятельностью СМИ. Фреймы, что неоднократно подчёркивалось, часть культуры. Поэтому «фреймовые пакеты» и культурные феномены — главные элементы влияния на схемы как носителей информации, так и их аудитории, поскольку именно фреймы — суть коллективной памяти. И одновременно базис конструктивистского подхода.

Заключение

Конструктивисты признают, подчеркивают М. Финнемор и К. Сиккинк, что «всякое исследование включает интерпретацию, и поэтому не существует нейтральной позиции, из которой они могли бы получить объективное знание о мире, но они различаются между собой в том, какой должна быть эта интерпретация и какого рода объяснение она получает» [Finnmore, Sikkink 2001:395]. При этом смыслы могут быть враждебными по отношению друг к другу или более или менее дружественными, соответственно, они могут содержать угрозу разрушения социальных структур, или, наоборот, способствовать реализации интересов как отдельных государств, так и сообществ.

Прежде всего, раскрывается контекст — международные события и процессы, на фоне которых структуры формируют смыслы. Соответственно, конструктивисты изучают, когда, как и почему одни конкретные практики становились относительно зафиксированными, в то время как другие продолжали сохранять подвижность, неустойчивость, изменчивость. Следующий шаг: утверждение правил относительно поведения отдельных индивидов (например, дипломатов или государственных деятелей), а также институтов. Эти правила, в целом отражая представления о существующем порядке, кроме того, стабилизируют ожидания акторов, в том числе по отношению к власти.

Кластеры правил — техники и обобщенные процедуры, применяемые в социальных практиках, уже несут более или менее стабильные смыслы, постепенно обретающие каузальную и нормативную силу. С какого-то момента они начинают превращаться в структуры.

Однако процесс на этом не останавливается. Шаг за шагом структуры поглощают все больше типов социального порядка, включая формальные организации, специфические институциональные режимы и, наконец, в конце концов выходят на уровень глобальной социальной системы. В любом случае наиболее значимым оказывается не тот или иной институт сам по себе, а «смысл», который ему придается.

Таким образом, конструктивизм «третьего поколения» подходит уже довольно близко к пропаганде, созданию иллюзорной реальности, формированию социально сконструированных феноменов, служащих проведению внешне-политических курсов, к «мягкой силе» как таковой. Как политическая теория он отнюдь не безобиден и хотя бы в силу этого заслуживает основательного осмысления.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бубер М.* Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
- Джордан Дж.Е., Сталберг А.Н., Троицкий М.* Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.6>
- Калинина А.С.* Понятие Другого и этика в философии Э. Левинаса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 5 (439). С. 124–129. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10516>
- Левинас Э.* Забота о добре // *Эмманюэль Левинас: Путь к Другому: сб. ст. и пер., посвящ. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. С. 177–180.
- Луман Н.* Общество как социальная система (Общество общества), Часть 1. М.: Логос, 2004.
- Сморгунов Л.В.* Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. С. 122–133. <http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-122-133>
- Finnmore M., Sikkink K.* Taking Stock: The Constructivist Research Program // *International Relations and Comparative Politics, Annual Review of Political Science*. 2001. № 4. P. 391–416.
- Fiske S.T., Taylor S.E.* *Social Cognition*. NY: McGraw-Hill, 1991.
- Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol. 56. P. 167–198
- Goffman E.*, *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press, 1974.
- Habermas J.* *The Philosophical Discourse of Modernity*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1987.
- Matthews M.* *Time for Science Education. How Teaching the History and Philosophy of Pendulum Motion Can Contribute to Science Literacy*. NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000.
- McQuail D.* *McQuail's Mass Communication Theory*. London: Sage, 2005.
- Mouffe Ch.* Deconstruction, Pragmatism and the Politics of Democracy // *Deconstruction and Pragmatism / ed. by Mouffe Ch.* London-NY: Routledge, 1996. <https://doi.org/10.4324/9780203431481>
- Neubert S., Reich K.* The Ethnocentric View. Constructivism and the Practice of Intercultural Discourse // *Proceeding of the Learning Conference "Learning for the Future" / ed. by C. Bill, M. Kalantzis*. Spetses: Dimotiko Skolio of Spetses, 2001.

- Onuf N.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989.
- Reich K.* Die Ordnung der Blicke. Perspektiven des interaktionistischen Konstruktivismus, Bd. 1: Beobachtung und die Unscharfen der Erkenntnis. Bd.2. Beziehungen und Lebenswelt. Neuwied u.a.: Luchterhand, 1998.
- Rockmore T.* On Constructivist Epistemology. Lanham: Rowman and Littlefield, 2005.
- Scheufele B.* Framing-effects Approach: A theoretical and Methodological Critique // Communications. 2004. No. 29. P. 401–428.
- Subotic J., Zarakol A.* Cultural Intimacy in International Relations // European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19, no. 4. P. 915–938.
- Van Gorp B.* The Constructivist Approach to Framing: Bringing Culture Back In // Journal of Communication. 2007. No. 57. P. 60–78.
- Zarakol A.* TRIPping Constructivism // Political Science. 2017. Vol. 50. P. 75–78. <https://doi.org/10.1017/S1049096516002183>

Сведения об авторах:

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: ataleks@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6561-2281)

Верховская Жанна Александровна — кандидат культурологии, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: zh.a.verkhovskaya@inno.mgimo) (ORCID: 0000-0002-3229-0415)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830
EDN: QJXPTP

Научная статья / Research article

Понятие политического как пространство концептуальных противоречий и теоретических дебатов

Н. Пригорян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042215273@rudn.ru

Аннотация. В сфере политической теории и философии понятие политического претерпело за последнее столетие сложную эволюцию. С момента своего возникновения в новаторской работе К. Шмитта в 1927 г. этот термин превратился в глубоко полемическое понятие, трактовкой которого занимались наиболее значимые политические теоретики и философы XX в. Но особый вклад в понимание термина внесли Карл Шмитт, Ханна Арендт, Юрген Хабермас и Джон Ролз. Цель данного исследования — раскрыть и проанализировать три основных подхода к концептуализации политического и выявить схожее и различное между тремя формулировками. Каждая концептуализация политического исследуется через призму трех критериев: восприятие *другого*; принцип выстраивания политических взаимоотношений в обществе; природа конфликта и формы его решения. Опираясь на сравнительный метод и когнитивный анализ, выводится сущность, заложенная каждым автором: политическое как экзистенциальное противостояние друг/враг К. Шмитта; политическое как деятельность, реализующая человеческую свободу в трактовке Х. Арендт; и политическое как пространство рационального консенсуса у Ю. Хабермаса и Д. Ролза. Тем не менее даже в радикально разных формулировках прослеживаются либо общие элементы, либо общие последствия. Признается ключевое значение динамичной и развивающейся природы понятия политического, однако ставится под сомнение объяснительная способность каждого концепта политической реальности настоящего времени. В заключении предлагается новый подход к концептуализации понятия политического, который принимает во внимание нестабильность и неопределенность современного мира.

Ключевые слова: политическое, суверенитет, делиберативная демократия, рациональный выбор, справедливость, консенсус, плюрализм, конфликт

© Пригорян Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пригорян Н. Понятие политического как пространство концептуальных противоречий и теоретических дебатов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 817–830. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830>

The Concept of the Political as a Space of Conceptual Controversies and Theoretical Debates

Nelly Prigorian

RUDN University, Moscow

Russian Federation

✉ 1042215273@rudn.ru

Abstract. In the field of political theory and philosophy, the concept of political has undergone a complex evolution over the past century. Since its inception in the pioneering work of K. Schmitt in 1927, this term has become a deeply controversial concept, the interpretation of which was carried out by the most significant political theorists and philosophers of the twentieth century. However, Carl Schmitt, Hannah Arendt, Jürgen Habermas, and John Rawls made notable contributions to understanding the term. This article aims to reveal and analyze the three main approaches to the conceptualization of the political and to identify the differences/similarities between the three formulations. Each conceptualization of the political is explored through the prism of three components: the perception of the other; the principle of building political relationships in society; and the nature of the conflict and the forms of its resolution. Based on the comparative method and cognitive analysis, the essence laid down by each author is derived: political as an existential confrontation between friend/enemy of K. Schmitt; political as an activity that realizes human freedom in the interpretation of H. Arendt; and political as the space of rational consensus in J. Habermas and J. Rawls. Nevertheless, common elements or consequences can be traced even in radical different formulations. The critical importance of the dynamic and evolving nature of the concept of the political is recognized, however, the explanatory power of each concept of the political reality of the present is questioned. In conclusion, a new level of conceptualization of the political is proposed, which considers the instability and uncertainty of the modern world.

Keywords: political, sovereignty, deliberative democracy, rational discourse, justice, consensus, pluralism, conflict

For citation: Prigorian, N. (2023). The concept of the political as a space of conceptual controversies and theoretical debates. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 817–830. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830>

Введение

В последние несколько десятилетий развернулись широкие дебаты в политической теории и философии вокруг концепта *политическое*. Само понятие как термин стал одним из самых полемических и неоднозначных с самого момента публикации К. Шмиттом своего текста *Понятие политического* в 1927 г. Сам автор несколько раз корректировал свой изначальный текст в 1932 и 1933 гг.

[Meier 2008], возвращаясь вновь к определению понятия политического десятилетия спустя в работе *Теория партизана* [Schmitt 2007].

Несмотря на то, что отсылки на политическое, как на основополагающий феномен политики, можно отследить задолго до его концептуализации Шмиттом [Кукарцева, Дмитриева 2015: 18], именно ему принадлежит заслуга внесения понятия в глоссарий политической науки и философии. Автор обосновал появление термина необходимостью размежевания между концептом *политика*, т. е. практикой, связанной с организацией общества и управлением государства, и самодостаточным фундаментом без отсылки к другим сферам человеческой деятельности, выражением которого и является политика. Таким образом, прилагательное *«политическое»*, обозначающее качество, свойство или принадлежность предмета к чему-либо, по сути, стало существительным, т. е. самим предметом, а для политической теории и философии основным предметом исследований, теоретизации, дебатов и тезисов целой плеяды философов и теоретиков современной политической мысли. Одним из первых критиков понятия *политическое* стал Лео Штраус [Strauss 2008], анализ которого был принят во внимание К. Шмиттом в последующих редакциях своего текста [Meier 2008], но только начиная с конца 50-х гг. XX в., т. е. на рубеже завершения одной войны — Второй мировой — и начала другой — Холодной — политическое как предмет исследования стало центром внимания политической теории и философии. Политические потрясения мирового масштаба 1990-х гг. — исчезновение СССР и крушение коммунистического идеологического лагеря — и начала нулевых — крушение Башен Близнецов при теракте в Нью-Йорке — дали новый толчок теоретизациям и дебатам, связанным с пониманием политического и его концептуальной формулировкой. Свой особый вклад среди многих других внесли К. Лефорт [Lefort 1991], Ж. Фрэнд [Freund 2003], М. Фуко [Foucault 2015], Ж.Л. Нанси [2011], Ж. Деррида [Derrida 2002], Д. Агамбен [Agamben 1998], Р. Эспосито [Esposito 2023], А. Бадью [Badiou 2006], Ж. Рансьер [Ranciere 2021], В.А. Подорога [2010], А.В. Магун [Magun 2020]. Каждый теоретик выдвигает свое особое понимание политического посредством критики или дополнения, опровержения или расширения масштаба самого концепта или новой расстановки акцентов в самом понятии. Но, так или иначе, каждое новое определение отталкивается от первоначальной формулировки понятия политического К. Шмитта.

Цель данной работы — предложить концептуальную картографию трех основных понятий политического, раскрыть основные теоретические направления в формулировке термина и концептуальные основания каждого, чтобы понять, насколько конкретное политическое пространство, трактуемое как ареал обитания разнообразных форм политической жизни [Пушкарева 2012: 166]), и логика политического поля, понимаемая как конкуренция различных политических продукций и программ [Бурдые, 1993: 181–182]), влияет на формулировку термина и свою взаимосвязь с конкретными политическими процессами времени, исходя из тезиса самого К. Шмитта об историчности любого концептов. Для этого в первой части работы рассматривается политическое в понятии

К. Шмитта, во второй — Х. Арендт и третьей — Ю. Хабермаса и Дж. Ролза, чтобы в третьей части сопоставить между собой три разных подхода к трактовке термина и понять, насколько они отвечают вызовам современного мира со своей нестабильностью и неопределенностью. В заключении выносятся на дебаты новый подход к формулировке понятия, принимая во внимание политические события последнего времени.

Политическое как экзистенциальное противостояние друг/враг

Достаточно краткое определение, к которому К. Шмитт сводит политические действия и мотивы — различие *друга* и *врага*, преподносится «в смысле критерия, а не через исчерпывающую его дефиницию или извещение о содержании понятия» [Шмитт 2016: 301]. Сам критерий автор фундаментализирует на особом понимании человеческой природы, при которой «человек предполагается «злым» существом, т. е. никоим образом не рассматривается как непроблематический, но считается «опасным» и динамическим» [Шмитт 2016: 338], делая отсылки к теоретикам современной политической мысли — Н. Макиавелли, Э. Шпрангеру, Г. Гегелю, Ф. Ницше, Т. Гоббсу, И.Г. Фихте, Ж. де Местру, Х.Д. Кортесу [Шмитт 2016: 337, 338]. Для Шмитта человек по природе является *hostis* [Шмитт 2016: 328], постоянно предрасположенный не только к войне, но и к физической ликвидации другого, дополняет его Штраус [Strauss 2008: 141]. Поэтому различие и разделение друг/враг является натуральной необходимостью человека сгруппировываться в сообщества с целью обеспечить свою безопасность. Отсюда и утверждение, что «понятие государства предполагает понятие политического» [Шмитт 2016: 294]. Другими словами, самоидентификация сообщества и его государствообразование происходит через идентификацию врага и экзистенциальное противопоставление ему.

Враг в теории К. Шмитта есть именно *другой*, который «в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое», с которым конфликты не могут быть решены в рамках нормы, так как речь идет о сохранении собственной бытийности и отпоре «инобытию чуждого» или одержании победы над ним [Шмитт 2016: 294]. То есть конфликт приобретает экзистенциальный характер, и его решение возможно только в рамках чрезвычайного положения, точнее, декларации суверенном чрезвычайного положения для решения конкретного конфликта, который по своей природе не может быть предусмотрен в нормативном законодательстве [Шмитт 2016]. В своей фундаментальной работе *Понятие политического*, Шмитт подчеркивает, что *враг* — это «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» и эта борьба имеет только публичный характер [Шмитт 2016: 304]. Тем не менее если в первых двух публикациях этого текста (1927, 1932 гг.) автор представлял политическое как некую сферу деятельности, то после критического анализа Л. Штрауса [Strauss 2008] Шмитт скорректировал свою позицию и стал трактовать термин как противостояние/противоположность, которая насквозь пронизывает все области человеческой деятельности [Meier 2008].

Максимальное выражение политического — это война, когда конфликт находится вне границ государства, и гражданская война или революция, когда конфликт приобретает национальный характер. Для автора эти два последних проявления политического имеют самые страшные последствия, так как ставят под удар не только определенный порядок, но и существование самого государства. Так или иначе, самые релевантные тексты К. Шмитта направлены на обоснование тотального государства, национального политического единства и суверена — единого носителя политической воли. В условиях тотальности возможность возникновения какого-либо политического конфликта сведена к своей минимальной возможности, так как предполагает гомогенную однородность единого знаменателя. Тем не менее «нужно учитывать, что *политическим потенциально может стать все*» (курсив автора) [Шмитт 2010: 96]. Таким образом, политическое у Шмитта не относится исключительно к публичной сфере, конфликт может возникнуть в любой момент и достичь интенсивности противостояния друг/враг, но его разрешение всегда происходит именно в публичной области. В стремлении обеспечить национальное политическое единство, фундаментальное условие государственности и устранить саму возможность возникновения внутреннего политического конфликта теоретик выстраивает необходимые механизмы как чрезвычайное положение, которое приравнивает к «чуду» в теологии децизионизм суверена с полномочиями отменять все правовые нормы и законы, включая саму Конституцию *in toto* [Шмитт 2016], и установление суверенной диктатуры [Schmitt 1968]. В этом смысле в шмиттеанской теории, по сути, существует один-единственный политический актор — суверен, единоличный или коллективный, который принимает политические решения и действия для их реализации. Таким образом, политический конфликт у Шмитта мыслим/допустим только в международном пространстве, т. е. между суверенными государствами, экзистенциально противостоящими друг другу. Но и само это противостояние не есть нечто непоколебимое и отвечает конкретному политическому положению, т. е. тот, кто был другом вчера, сегодня может стать врагом. Другими словами, политическое у Шмитта это онтологическое измерение человеческой природы, но фигура врага приобретает конъюнктурные обоснования и им может стать любой, на кого укажет суверенная власть, как вне, так и внутри самого государства.

Политическое как реализация человеческой свободы

Диаметрально противоположной точки зрения о сущности политического придерживалась современница Карла Шмитта Ханна Арендт. Подход Х. Арендт подчеркивает значимость человеческих действий в публичном пространстве, которые она отличает от обыденного поведения. Действие — это средство, при помощи которого люди выражают свою уникальность и взаимодействуют с *другими* в общественной сфере [Арендт 2000]. Собственно, в этой сфере и возникает политическое, когда люди, собравшись вместе, взаимодействуют в обсуждении для коллективного влияния на ход политических событий через

свои решения. Именно это Арендт называет «чудом», подразумевая под ним способность внедрения новизны, рождения нового посредством взаимодействия между разнообразным множеством в реализации своей свободы и эмансипации общества в целом. Максимальным выражением новизны является революция как форма радикальной эмансипация с установлением новых, более справедливых институтов [Арендт 2011]. Таким образом, политическое для Арендт — это не абстракция, оторванная от жизни, а динамическая сила, возникающая в результате взаимодействия людей, участвующих в значимом диалоге в публичном пространстве. Область политического для философа существует параллельно вопросам каждодневной жизни, которые находятся в сфере проблематики частной жизни, так как политическое «защищено от всего преходящего и отдано относительно долговечному, а стало быть, прямо предназначено для того, чтобы обеспечивать бессмертие смертному человеку» [Арендт 2014: 74]. Другими словами, политическое у автора есть нечто неизменное, как и у Шмитта, онтологически присущее человеку, с разницей, что отсылает к уникальности каждого и необходимости взаимодействия для решения общих задач в своей инаковости.

Понимание *другого* Арендт имманентно вплетено в ее философию, которая категорически не приемлет солипсизм. Вместо этого немецкий философ подчеркивает онтологически присущую людям взаимосвязанность. Взаимосвязь становится особенно значимой в общественной сфере, где разворачиваются политические взаимодействия. Множественность уникальных точек зрения, безусловно, порождает конфликт, но Арендт рассматривает конфликт скорее как силу, которая обогащает политические дебаты и ведет к творческому решению проблем. Взгляд Ханны Арендт на природу конфликта и формы его разрешения является отличительной особенностью ее политической философии, бросая вызов традиционным представлениям, которые рассматривают конфликт по своей сути как негативный и деструктивный элемент. Философ предоставляет альтернативную точку зрения, признавая его продуктивный и преобразовательный потенциал в ходе политической борьбы, являющийся главным источником новизны. Конфликт, возникающий при множестве мнений и интересов, не только естественен, но и необходим для существования здоровой и динамичной политической среды. Для теоретика предпосылкой политического действия служит именно «факт множественности, а именно то обстоятельство, что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир» [Арендт 2010: 14].

Вместе с тем взаимодействие в общественной сфере предполагает столкновение с другими членами общества, чьи опыт и идентичность отличаются от собственных. Такая встреча требует особой формы восприятия инаковости, характеризующейся открытостью и признанием *другого* как полноценного политического актора. Арендт придает большое значение личным встречам в публичной сфере, считая, что подлинное политическое участие происходит тогда, когда люди физически присутствуют и могут напрямую взаимодействовать друг с другом. Благодаря этим встречам происходит признание уникальности человеческого бытия. Публичная сфера — это то место, где форма восприятия

и принятия *другого* реализуется посредством значимых взаимодействий, что в итоге приводит к реализации свободного и открытого общества, способного развиваться посредством постоянного преодоления конфликта на свободной выборной основе.

Политическое как делиберативный и рациональный консенсус

В основе теорий о политическом как Карла Шмитта, так и Ханны Арендт лежит критика либеральной репрезентативной демократии, направляя свое интеллектуальное усилие на концептуальные обоснования других форм политической жизни. В свою очередь Юрген Хабермас, другой немецкий мыслитель, пытается реконструировать смысл демократии в развитом капитализме через альтернативные формы политического взаимодействия. Заимствует у Ханны Арендт концепты политического действия и политической сферы как пространства дебатов, развивая и расширяя их. Таким образом, публичная сфера, где можно свободно обсуждать и дебатировать политические вопросы и на рациональной основе обмениваться аргументами и идеями для принятия справедливых и законных политических решений, становится основой теории коммуникативного действия и дискурсивной этики Хабермаса.

Коммуникативное действие в демократическом сообществе автор относит к социальному взаимодействию, в котором участники стремятся понять друг друга и достичь рациональных соглашений посредством диалога. При этом все вытекающие моральные нормы должны быть результатом процесса значимой аргументации и разумного обоснования [Habermas 2018]. На этих принципах выстраивается понятие политического «как символическая репрезентация и коллективное самопонимание сообщества, которое отличается от племенных обществ своим рефлексивным поворотом к сознательной, а не спонтанной форме социальной интеграции» [Хабермас, 2011]. Другими словами, политическое решение и моральные принципы выстраиваются на основе договоренности и тесно связаны между собой.

Сознательная социальная интеграция предполагает рефлекссию и понимание *другого*, т. е. того, кто отличается своим восприятием мира, жизненными ценностями, моральными принципами и культурой. Именно с *другим* должно быть достигнуто согласие ввиду своей инаковости. «Равное уважение к каждому распространяется не на себя ни как, но на личность другого в инаковости» [Хабермас, 2001: 48]. Форма восприятия *другого* в дискурсивной этике предполагает признание статуса *другого* как разумного существа, способного участвовать в этических дискуссиях и имеющего право на самовыражение. Нормы, возникающие в результате рационального дискурса, должны быть универсализируемыми, то есть их можно последовательно применять ко всем без каких-либо исключений. Такой критерий гарантирует, по мнению автора, что этические принципы не станут произвольными или предвзятыми.

Взгляд Ю. Хабермаса на природу конфликта и его разрешение глубоко укоренен в его концепции делиберативной демократии, рассматривая конфликт как

неизбежный и существенный аспект политической жизни, но который можно устранить посредством рационального выбора в открытом диалоге. Подход Ю. Хабермаса к разрешению конфликтов соответствует его более широкому видению создания справедливого и основанного на широком участии в демократическом обществе. Теоретик признает, что в демократических обществах различные точки зрения, интересы и ценности неизбежно сталкиваются между собой, а тем более в плюральном обществе, в котором граждане имеют разное происхождение, взгляды и политический опыт. Конфликт служит катализатором дискуссии, позволяя критически относиться к проблемам, чтобы в конечном счете прийти к необходимому решению на универсальной консенсусной основе. Таким образом происходит легитимизация не только политическо-юридического порядка, но и морально-этической справедливости делиберативной демократии.

Именно проблема справедливости становится центром трактовки политического американского теоретика Джона Ролза. Опираясь на свою более раннюю работу *Теория справедливости*, в тексте *Политический либерализм* автор представляет переосмысленную концепцию справедливости, связанную с политическим пространством, выстраивая концепт политического как сферу, которая ограничивает роль морали, философии и религии в выстраивании фундамента общества, его социальных, политических и экономических институтов [Rawls 2005: 11]. Фактически американский философ отождествляет политическое с политическим либерализмом так как оба концепта свободны от каких-либо исчерпывающих доктрин, опираются на разумно допустимые принципы и идеалы, и самодостаточны.

Понятие справедливости как честности раскрывает представление о форме восприятия *другого* в теории о политическом Ролза. Автор предполагает, что для установления честных принципов справедливости необходимо представить, что решения принимаются под «вуалью неведения». По мнению теоретика, удалив знания о личных обстоятельствах, с большей вероятностью будут выбраны беспристрастные и универсальные принципы справедливости, честные для всех, поскольку принимающие решения не знают свою «исходную позицию» и не ведают, окажутся ли они в привилегированном или невыгодном положении внутри общества. Следовательно, в этой системе справедливости *другой* перестает быть *другим*, потому что индивид приобретает характеристику универсальности, без каких-либо индивидуальных различий, обладатель абсолютного равенства и автономии для принятия решений о наиболее справедливой форме государственного правления.

Таким образом, достигается «легитимность фундаментальных принципов справедливости на основе постоянно возобновляемого консенсуса мнений» [Золотарева 2013: 86]. На этих принципах выстраивается «перекрывающейся консенсус», основа стабильного демократического общества, который подразумевает существование общих политических ценностей и принципов, посредством которых можно прийти к согласию в политическом пространстве. Выстраивается консенсус свободный от предвзятых моральных доктрин,

религиозных убеждений, частных интересов или определенного положения в обществе, служащий как для поддержания стабильности и легитимности демократической политической системы, так и для избежания какого-либо конфликта в обществе. Другими словами, Ролз предлагает систему, направленную на минимизацию конфликтов путем устранения структурных источников недовольства и несправедливости в обществе.

Bellum, agora, consensus

Через теории рассмотренных авторов можно выделить три основных концептуальных подхода к сущности понятия политического, *bellum*, *agora* и *consensus*, от которых так или иначе отталкиваются политические философы и теоретики, формулируя новые представления о политическом. Анализ каждого подхода на основе трех основных критериев — форма взаимоотношений, восприятие *другого*, природа конфликта и его решение — позволяет не только понять принципиальные различия каждой теории, но и уловить, что даже в радикально противоположных концепциях существуют общие элементы.

Можно утверждать, что именно восприятие *другого* не только вырисовывает природу конфликта и его решения, но и диктует формы взаимоотношений, которые устанавливаются в политическом пространстве. Шмиттовский подход — *другой* как враг — подразумевает две взаимодополняющие плоскости: экзистенциальное самоопределение во внешнем и абсолютная однородность во внутреннем. Таким образом, конфликт — это только внешний атрибут, и его решение принадлежит суверенной инстанции, воплощающей национальную волю, которая выражается через аккламацию в публичном пространстве [Шмитт 2010]. Член общества находится в состоянии *bellum* с готовностью «убить или умереть» [Fusillo 2008: 198]. В этом смысле политические взаимоотношения выстраиваются по вертикали — суверен/общество –, между тем как в самом обществе, в отсутствии конфликта, отсутствуют и политические взаимоотношения, так как решения, определяющие курс развития общества, принимает один-единственный политический субъект — суверен.

Ханна Арендт заимствует у Карла Шмитта разделение политической и социальной сферы [Филиппов 2015: 63]. В своей критике либеральной демократии она, так же как и Шмитт, делает отсылку к Древней Греции, но если берлинский конституционалист берет на вооружение олигархический режим и аккламацию как политический инструмент Спарты, то Арендт обращается к афинской агоре и дебатам в публичном пространстве. *Другой* в арендтской теории вырисовывается как равноправный член плюрального общества со своим собственным восприятием мира. В этом смысле конфликт зарождается естественным образом ввиду уникальности и ценности каждого человека, имеющего свои жизненные референты и убеждения, которые взаимно сталкиваются в политических дебатах в публичной сфере о том, каким курсом будет двигаться общество. Другими словами, происходит интенсивное взаимодействие в публичном пространстве, и конфликт и его разрешение рассматривается как необходимый стимул для

прогрессивного развития общества, постоянной новизны в политическом пространстве. Для Арндт, в противовес Шмитту, общество — это плюральное сообщество, каждый член которого является политическим субъектом, принимающим активное участие в коллективном решении.

Политическое, как рациональный выбор на моральных принципах посредством консенсуса в плюральном обществе, является основой теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса и политического либерализма Джона Ролза. Отталкиваясь от разных методологических процедур — диалог и абстракция — и с разными идеологическими подходами к проблематике современного общества, оба автора подчеркивают необходимость признания *другого* и его активного вовлечения в политическую жизнь, чтобы легитимизировать делиберативную (Хабермас) или репрезентативную (Ролз) демократию и ее политические устои и институты. Это вовлечение происходит через универсализацию морально-этических и политических принципов на интересубъективной основе у Хабермаса и на концептуально-абстрактной основе у Ролза.

Таким образом, *другой* перестает быть *другим* и общество приобретает однородность бесконфликтного состояния, в котором в принципе отсутствует взаимодействие в политической сфере для принятия каких-либо решений, характеристика достаточно схожая с политическим национальным единством Карла Шмитта. Для Шанталь Муфф это является не только актом деполитизации общества, но и имеет утопический характер, так как невозможно обойти фундаментальные противостояния путем рациональной аргументации [Mouffe 2000]. Вместе с тем исключение конфликта как основного элемента политического дела делает невозможным проблематизацию достигнутого консенсуса в сфере публичного обсуждения [Mouffe 2000: 10], что является непреодолимым препятствием прогрессивного развития самого общества.

Можно сказать, что каждая из рассмотренных в статье позиций предлагает уникальное понимание сути политического. У К. Шмитта в основе политического лежит различие друга и врага. Теория Х. Арндт фокусируется на человеческих действиях, принципах множественности и плюрализма. Ю. Хабермас и Д. Ролз выстраивают политическое вокруг рационального дискурса, отмечая важность информированного обсуждения и беспристрастного выбора моральных принципов.

Эти три концепции политического являются фундаментальными, тем не менее не исчерпывающими, поскольку не объясняют всю сложность взаимосвязей в политическом пространстве. *Bellum*, *agora* и *consensus* являются векторными понятиями, вокруг которых так или иначе формируются новые определения политического. Сама постоянная необходимость дополнить, переформулировать, расставить новые акценты в понятии политического является доказательством объяснительной недостаточности формулировок.

Размежевание между понятием политика и политическим было продиктовано стремлением сформулировать тот фундамент, выражением которого и является сама политика. Но если наложить каждую концепцию на исторический период, в котором была сформулирована, то можно предположить, что концепты

органически связаны с конкретным временным и политическим пространством, выражая определенную логику своего политического поля: раздавленная Германия 1930-х гг. (Шмитт), США на грани Холодной войны 60-х (Арендт), экономика всепоглощающего капитализма Германии 80-х (Хабермас) и США 90-х (Ролз). Другими словами, говорить об универсальности любого из трех определений политического достаточно затруднительно. Это никак не умаляет сами формулировки, тем более если рассматривать политическое как динамическую категорию, которая отвечает на быстро меняющиеся контексты современной политической жизни. Понятие политического может молниеносно перейти от *agora* к *bellum* во время военных конфликтов или попыток государственных переворотов; от *consensus* к *agora* при невозможности принятия необходимого решения; или даже совмещение *bellum* и *consensus* одновременно, как произошло во время пандемии COVID-19, когда чрезвычайное положение, суверенное решение, в шмиттовской трактовке, и жесткое ограничение базовых прав и свобод имели консенсусное, в хабермасовской трактовке, согласие.

Можно было бы указать, что эти переходы обусловлены кризисными ситуациями и не выражают общую закономерность политического, тем не менее, именно кризисные ситуации раскрывают всю сущность политических явлений, как настаивал Карл Шмитт в своем *Понятии политического*.

Заключение

Современный мир сложен, динамичен, многогранен и не поддается исчерпывающему объяснению посредством определенных концептуальных формулировок. Кроме того, случайность и малые явления могут обусловить тот или иной феномен и подчеркнуть неопределенность живой жизни [Prigogine 1997], обязывают к пересмотру установившихся концептуальных конструкций с целью расширить и уточнить свою объяснительную функцию.

В данном случае понятие политического не может трактоваться исключительно в одном из трех векторов — *bellum*, *agora*, *consensus* — так как как политическое пространство не только сталкивается с новыми проблемами и феноменами (глобализация, мультикультурализм, социокультурные сдвиги, социальные сети и постправда, *big data*, искусственный интеллект), но и имеет многоуровневое измерение (глобальное, региональное, национальное, локальное), при котором все уровни взаимодействуют между собой и так или иначе влияют друг на друга, а значит, на политику и на понятие политического.

Конкретные военные конфликты, разворачивающиеся сегодня, потеряли свой локальный характер, т. е. политическое как *bellum* вышло за границы конкретного государства, проявляясь во внутренних территориях других государств, не участвующих напрямую в конфликте. Многотысячные протестные манифестации выходцев мусульманского мира в поддержку Палестины заполнили улицы и площади Европы и Америки, что указывает на несостоятельность культурно-политической интеграции и невозможность какого-либо политического консенсуса на данный момент. Более того, существует большая

вероятность, что в странах, например, Европейского союза будут пересмотрены миграционные нормы, принимая во внимание этнической и религиозный принцип, затрагивая не только будущее мигрантов, но и тех, кто уже на легальных основаниях находится на своей территории. Другими словами, свой/чужой установится как доминирующее понятие политического, но которое не исключает ни *consensus* ни *agora*.

Исходя из этого, выносятся на дебаты необходимость новой формулировки понятия политического в виде диапазона, вбирающего в себя все три вектора — *bellum*, *agora*, *consensus* и учитывающего многоуровневые характеристики сегодняшнего мира, его динамику, текучесть и непредсказуемость.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 05.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Арендт Х.* Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во института Гайдара, 2014.
- Арендт Х.* О революции / пер. И.В. Косич. М.: Европа, 2011.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Золотарева Е.В.* Концептуальные основы делиберативной демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 84–94.
- Кукарцева М.А., Дмитриева И.А.* Политическое как эстетическое // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 17–27.
- Нанси Ж.Л.* Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011.
- Подорога В.А.* Апология политического. М.: ВШЭ, 2010.
- Пушкарева Г.В.* Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
- Филлипов А.Ф.* Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического // Современное значение идей Ханны Арендт: материалы международной конференции. Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 52–65.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
- Хабермас Ю.* Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал. 2011. (Сокращенный перевод под ред. Д. Узланера по изд. The Power of Religion in the Public Sphere: Judith Butler, Jürgen Habermas, Charles Taylor, Cornel West / ed. by E. Mendieta, J. VanAntwerpen, C. Calhoun. N.Y.: Columbia University Press, 2011.)
- Шмитт К.* Политика // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 93–97.
- Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Agamben G.* Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Badiou A.* Being and Event. L.; N.Y.: Continuum, 2006.
- Derrida J.* Globalization, Peace, and Cosmopolitanism. Negotiations: interventions and interviews. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Esposito R.* Common immunity: biopolitics in the age of the pandemic. Hoboken: John Wiley & Sons, 2023.

- Foucault M. *The will to truth*. Oxfordshire: Routledge, 2015.
- Freund J. *The Essence of Politics*. Paris: Dalloz, 2003.
- Fusillo F. *Nihilismo y soberanía* / ed. by Nihilismo y política de Roberto Esposito, Carlos Galli y Vincenzo Vitiello. Buenos Aires: Ediciones Manantial, 2008. P. 175–195
- Habermas J. *Teoría de la acción comunicativa*. Madrid: Trota, 2018.
- Lefort C. *Ensayos sobre lo político*, México: Universidad de Guadalajara, 1991.
- Magun A. *The Future of the State: Philosophy and Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2020.
- Meier H. Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores. 2008.
- Mouffe C. *The Democratic Paradox*. L.; N.Y.: Verso, 2000.
- Prigogine I. *El fin de las certidumbres*. Madrid: Taurus, 1997.
- Ranciere J. *On the shores of politics*. L.; N.Y.: Verso, 2021.
- Rawls J. *Political liberalism*. N.Y.: Columbia University Press, 2005.
- Schmitt C. *La dictadura. Desde los comienzos del pensamiento moderno de la soberanía hasta la lucha de clases proletaria*, Madrid, *Revista de Occidente*, 1968, 344 pp.
- Schmitt C. *Theory of the Partisan: Intermediate Commentary on the Concept of the Political*. N.Y.: Telos. 2007.
- Strauss L. *Comentario sobre El concepto de lo político de Carl Schmitt*” en H. Meier Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores, 2008.

References

- Agamben, G. (1998). *Homo Sacer. Sovereign power and bare life*. Stanford: Stanford University Press.
- Arendt, H. (2000). *Vita activa, or about active life*. St. Petersburg: Aleteyya. (In Russian).
- Arendt, H. (2014). *Between the past and the future: Eight exercises in political thought*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian).
- Badiou, A. (2010). *Being and event*. L.; N.Y.: Continuum.
- Bourdieu, P. (1993). *Sociology of politics*. Moscow: Socio-Logos. (In Russian).
- Derrida, J. (2002). *Globalization, peace, and cosmopolitanism. Negotiations: interventions and interviews*. Stanford: Stanford University Press.
- Esposito, R. (2003). *Common immunity: Biopolitics in the age of the pandemic*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Filippov, A.F. (2015). Hannah Arendt and Carl Schmitt: Two concepts of the political. In *Contemporary meaning of Hannah Arendt's ideas. Materials of the international conference*. (pp. 52–65). Kaliningrad: Publishing House of the Kant Baltic Federal University. (In Russian).
- Foucault, M. (2015). *The will to truth*. Oxfordshire: Routledge.
- Freund, J. (2003). *The essence of politics*. Paris: Dalloz.
- Fusillo, F. (2008). *Nihilismo y soberanía*. In Carlos Galli y Vincenzo Vitiello (Eds.), *Nihilismo y política de Roberto Esposito* (pp. 175–195). Buenos Aires: Ediciones Manantial
- Habermas, J. (2011). What is “political”. The Rational Meaning of the Dubious Heritage of Political Theology. *Russian Journal*. [Butler, J., Habermas, J., Taylor C., & West, C.E. Mendieta, J. Van C. Antwerpen, (Eds.), *The Power of Religion in the Public Sphere*. N.Y.: Columbia University Press, 2011.]
- Habermas, J. (2018). *Teoría de la acción comunicativa*. Madrid: Trota,
- Habermas, J. (2001). *Involvement of the Other. Essays on political theory*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

- Kukartseva, M., & Dmitrieva, I. (2020). Political as aesthetic. *Voprosy Filosofii*, (7), 17–27. (In Russian).
- Lefort, C. (1991). *Ensayos sobre lo político*, México: Universidad de Guadalajara.
- Magun, A. (2020) *The Future of the State: Philosophy and Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Meier, H. (2008). *Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”*. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores.
- Mouffe, C. (2000). *The democratic paradox*. L.; N.Y.: Verso.
- Nancy, J.L. (2011). *Inoperative community*. Moscow: Aquarius. (In Russian).
- Podoroga, V.A. (2010). *Apologia for the political*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Prigogine, I. (1997). *El fin de las certidumbres*. Madrid: Taurus.
- Pushkareva, G.V. (2012). Political space: problems of theoretical conceptualization. *Polis. Political studies*. (2), 166–176. (In Russian).
- Ranciere, J. (2021). *On the shores of politics*. L.; N.Y.: Verso.
- Rawls, J. (2005). *Political liberalism*. N.Y.: Columbia University Press.
- Schmitt, C. (1968). La dictadura. Desde los comienzos del pensamiento moderno de la soberanía hasta la lucha de clases proletaria. Madrid: Revista de Occidente, 344 pp.
- Schmitt, C. (2016). The concept of the political. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Schmitt, C. (2007). Theory of the Partisan: Intermediate commentary on the concept of the political. N.Y.: Telos.
- Schmitt, C. (2010). Politics. *Sociological Review*. 9(3), 93–97. Retrieved from <https://sociologica.hse.ru/2010-9-3/27370495.html> (In Russian)
- Strauss, L. (2008). Comentario sobre El concepto de lo político de Carl Schmitt”. In H. Meier (Ed.), *Carl Schmitt, Leo Strauss, “El concepto de lo político”*. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores.
- Zolotareva, E.V. (2013). Conceptual foundations of deliberative democracy. *RUDN Journal of Political Science*, (1), 84–94.

Сведения об авторе:

Пригорян Нелли — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: 1042215273@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9247-7695)

About the author:

Nelly Prigorian — Postgraduate of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: 1042215273@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9247-7695)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-831-847
EDN: WYMRER

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав

В.А. Лаптев

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Российская Федерация
✉ lapteva@gmail.com

Аннотация. Устойчивое представление в доктрине о типологиях политического режима свидетельствует о том, что их уникальность характеризуется совокупностью соответствующих методов и средств осуществления политической власти, системы социальной организации взаимодействия власти с обществом и другими институтами государства. Сформированная в государстве модель политического режима согласуется, прежде всего, с политическими процессами, в том числе протекающими с участием граждан, социальных групп и общества в целом. Утвержденная Президентом России в 2019 г. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России, среди принципов развития данных технологий закрепила приоритет защиты прав и свобод граждан, а также безопасность. Принимаемые искусственным интеллектом управленческие решения расширили возможные сферы их использования, в том числе охватив государственное управление. В статье исследуется влияние развивающейся в последние годы технологии искусственного интеллекта в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав. Приводится оценка работы искусственного интеллекта, формирующего новое «кибер-физическое» общество, в котором политические потребности и свободы граждан реализуются при поддержке цифровых технологий. Анализируется работа искусственного интеллекта, способствующая международной и региональной интеграции стран с различными политическими системами, а также влияющей на изменение качественных характеристик политических процессов в целом или его отдельных элементов. Основу исследования составил комплексный подход в оценке искусственного интеллекта, используемого в регуляторной сфере. Переосмысливаются догматические подходы к факторам влияния на формирование политического строя в условиях технологического прогресса.

Ключевые слова: политический режим, изменение политического режима, цифровой политический режим, искусственный интеллект, управление обществом, цифровое общество, политические свободы

© Лаптев В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Лаптев В.А.* Искусственный интеллект в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 831–847. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-831-847>

The Artificial Intelligence in the System of Tools for Stabilizing the Political Regimes of World Powers

Vasily A. Laptev

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

✉ laptev.va@gmail.com

Abstract. A stable idea in the doctrine of the typologies of a political regime indicates that their uniqueness is characterized by a set of appropriate methods and means of exercising political power, a system of social organization of interaction between power and society and other institutions of the state. The model of the political regime formed in the state is consistent, first of all, with political processes, including those occurring with the participation of citizens, social groups and society as a whole. The National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in Russia, approved in 2019, among the principles for the development of these technologies, enshrined the priority of protecting the rights and freedoms of citizens, as well as security. Management decisions made by artificial intelligence have expanded the possible areas of their use, including public administration. This study examines the degree of introduction of artificial intelligence technology, which has been developing in recent years, into political regimes in various states. An assessment is made of the work of artificial intelligence, which is forming a new “cyber-physical” society, in which the political needs and freedoms of citizens are realized with the support of digital technologies. Approaches are proposed for assessing the work of artificial intelligence, which contributes to the international and regional integration of countries with different political systems, as well as influencing changes in the qualitative characteristics of political processes as a whole or its individual elements. The study was based on an integrated approach to assessing artificial intelligence used in the regulatory sphere. Dogmatic approaches to factors influencing the formation of a political system in the context of technological progress are being rethought.

Keywords: political regime, change in political regime, digital political regime, artificial intelligence, management of society, digital society, political freedoms

For citation: Laptev, V.A. (2023). The artificial intelligence in the system of tools for stabilizing the political regimes of world powers. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 831–847. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-831-847>

Введение

В многочисленных трудах ученых и философов о моделях политических режимов отдельно выделяются их различные характеристики. Изменчивость данных характеристик по общему правилу способна влиять на осуществление политической власти в стране. Вместе с тем глобальная перестройка не может рассматриваться исключительно на основе анализа политических

явлений, и только комплексный подход, раскрывающий экономические, социальные и политические плоскости такой перестройки, раскрывает ее тенденции и закономерности [Глобальная перестройка... 2014].

Практически все международные интеграционные объединения, среди которых Евразийский союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, Европейский союз и многие другие, в известной степени основанные на экономическом сотрудничестве стран, впоследствии смогли стать частью политических процессов государств — членом соответствующих интеграций. Углеродородное соперничество и коалиции ведущих держав мира постепенно оттесняются с международной повестки дня. Так, на современном этапе конкуренция в области информационных технологий вошла в перечень стратегических задач многих государств.

Междисциплинарные исследования в области искусственного интеллекта доказывают, что страны-лидеры данных технологий будут править миром. Искусственный интеллект по праву стал новым двигателем экономического прогресса [Lu 2021: 103342; Yixing He, Naolun Ding 2022: 12]. Развитие искусственного интеллекта и дополненной (виртуальной) реальности способно повысить национальную конкурентоспособность и безопасность государства. Создание в современном обществе единого цифрового пространства доверия потребовало контролировать данную сферу технологическими и юридическими инструментами, а также трансформировало ценности гражданского общества [Laptev, Fedin 2020: 138–157].

Исторически разработки физиков в области искусственного интеллекта в 50-х гг. XX в. рассматривались лишь как научные достижения человечества [Turing 1950: 433–460; Wiener 1948]. Впоследствии возможности машинного обучения (machine learning) и повседневного применения данных цифровых технологий заинтересовали ведущие державы мира, что подчеркивал академик К.В. Анохин в своем докладе на Национальном конгрессе по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике (2020)¹. Значимость технологии подчеркнул Президент России В.В. Путин в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста»². Широкий спектр возможностей искусственного интеллекта позволяет ему влиять на политические процессы³.

¹ Академик Анохин: Современный искусственный интеллект — это «черный ящик». URL: <https://rg.ru/2020/10/20/akademik-anohin-sovremennyj-iskusstvennyj-intellekt-eto-chernyj-iashchik.html> (дата обращения: 26.01.2022).

² Президент принял участие в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 17.11.2023).

³ Valladão A.G. A.. Artificial Intelligence and Political science. Policy Paper. eptember 2018 // URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/OCPPC-PP1807_0.pdf (accessed: 26.01.2022).

География центров по развитию рассматриваемых технологий свидетельствует о том, что каждое государство сепаративно стремится как можно скорее освоить возможности искусственного интеллекта, что отражается в соответствующих юридических актах и национальных стратегиях. В частности, в России утверждена *Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.* (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») и *Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.* (распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р). Проведен отбор исследовательских центров по ИИ, среди которых Сколковский институт науки и технологий, Московский физико-технический институт (МФТИ), Институт системного программирования им. В.П. Иванникова, Университет Иннополис, ИТМО и Высшая школа экономики (ВШЭ)⁴.

Госсоветом Китая утвержден План развития искусственного интеллекта следующего поколения (*新一代人工智能发展规划*, 2017)⁵; в Индии — Национальная стратегия искусственного интеллекта (*National Strategy for Artificial Intelligence*, 2018)⁶; Германии — Стратегия искусственного интеллекта (*Artificial Intelligence Strategy*, 2018)⁷; Южной Корее — Национальная стратегия искусственного интеллекта (*National Strategy for Artificial Intelligence*, 2019)⁸; в США — Акт о национальной инициативе в области искусственного интеллекта (2020, SEC. 5001. SHORT TITLE)⁹ и т.д.

Перечисленные документы декларируют их направленность на экономическое процветание страны путем внедрения и расширения использования возможностей искусственного интеллекта, сохранения внутригосударственных ценностей и укрепления национальной безопасности.

Заявленная технологическая стратегия Китая о намерении на базе компаний *Alibaba, Baidu, Tencent* и *Xiaomi* выступить мировым центром инноваций в области искусственного интеллекта к 2030 г. повлекла за собой ответ США — объединение пяти технологических гигантов — *Apple, Google, Amazon, Facebook*¹⁰ и *Microsoft*, поддерживаемых на государственном уровне.

В поисках оптимальных технико-правовых решений страны создают международные площадки, позволяющие обсудить разрывы между теорией и практикой

⁴ Искусственный интеллект / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/activity/activity/iskusstvennyj-intellekt-2> (дата обращения: 26.01.2022).

⁵ URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 26.01.2022).

⁶ URL: <https://niti.gov.in/sites/default/files/2019-01/NationalStrategy-for-AI-Discussion-Paper.pdf> (accessed: 26.01.2022).

⁷ URL: [file:///Users/mac/Downloads/Nationale_KI-Strategie_engl%20\(1\).pdf](file:///Users/mac/Downloads/Nationale_KI-Strategie_engl%20(1).pdf) (accessed: 26.01.2022).

⁸ URL: https://wp.oecd.ai/app/uploads/2021/12/Korea_National_Strategy_for_Artificial_Intelligence_2019.pdf (accessed: 26.01.2022).

⁹ URL: <https://www.congress.gov/116/crpt/hrpt617/CRPT-116hrpt617.pdf#page=1210> (accessed: 26.01.2022).

¹⁰ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

применения искусственного интеллекта. Так, Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (*The Global Partnership on Artificial Intelligence, GPAI*) объединило представителей 29 стран со всех континентов мира (Бельгии, Германии, Франции, Японии, США, Евросоюза, Сингапура, Турции и др.). Учрежденная в Калифорнии Ассоциация развития искусственного интеллекта (*Association for the Advancement of Artificial Intelligence, AAAI*) включила в себя отделения в Индии, Мексике и Республике Бенин (Западная Африка).

В 2019 г. министры торговли и цифровой экономики G20 подписали декларацию, включающую также в себя принципы искусственного интеллекта (*G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy, Digital Economy Part*)¹¹. В 2021 г. на конференции министров Совета Европы, ответственных за СМИ и информационное общество¹², было предложено сконцентрировать внимание на технологиях, способных расширить свободы выражения, повысить прозрачность государственных услуг и их действий, а также доверие к органам власти.

Искусственный интеллект стал своеобразным «уровнителем» технологических ценностей и объединяющим фактором для государств с различными политическими режимами, что также свидетельствует о гибкости рассматриваемых информационных технологий.

Понятие «искусственный интеллект» и этические нормы его работы стали закрепляться на законодательном уровне. В частности, в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. В Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения Китая (新一代人工智能伦理规范)¹³ среди этических норм ИИ выделяют улучшение благосостояния людей; содействие справедливости; защиту конфиденциальности и безопасность данных; обеспечение управляемости и надежность; усиление ответственности; повышение этической грамотности.

Социальное доверие государству

1. *Человекоориентированные правовые основы социального доверия.* Технологии искусственного интеллекта позволяют поддерживать систему социального доверия государству. Человеко-ориентированный подход в данном

¹¹ G20 AI Principles. URL: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/g20-ai-principles> (accessed: 26.01.2022).

¹² Artificial Intelligence — Intelligent Politics. Challenges and opportunities for media and democracy. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/artificial-intelligence-intelligent-politics-challenges-and-opportunities-for-media-and-democracy> (accessed: 26.01.2022).

¹³ Ministry of Science and Technology of People's Republic of China. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (accessed: 26.01.2022).

вопросе способен действительно обеспечить права, свободы и законные интересы граждан. Повышение качества жизни людей и благосостояния всех социальных групп способно предупредить недоверие к государственной власти.

Технология искусственного интеллекта должна обеспечивать интеграцию прав и свобод граждан в политическую жизнь страны. При этом следует построить систему действенной технологической безопасности, призванной защитить граждан от негативных аспектов автоматизированных систем. В ряде зарубежных стран принимаются документы и обсуждаются принципы, ограничивающие на технологическом уровне применение искусственного интеллекта в тех случаях, когда его работа может повлечь ограничения либо нарушения прав граждан. Примером служат выступление Президента США Джо Байдена о разработке Билля о правах искусственного интеллекта (AI Bill of Rights)¹⁴, а также участие Федерального канцлера Германии Олафа Шольца вместе с министром экономики Хабеком и министром цифровых технологий Виссингом на Digital Summit 2022¹⁵.

Осуществление социального контроля над политическими процессами посредством работы искусственного интеллекта стало новым «слоем» в иерархии потребностей граждан.

Прозрачность технологии искусственного интеллекта способна сделать ее социально приемлемой, однако требует от государства обеспечить и обнародовать объяснимые модели работы рассматриваемых технологий. Открытые обсуждения в различных форматах *этики* работы цифровых технологий позволят достичь данных задач.

В странах Южной Азии, в частности в Индии, подчеркивается необходимость «демократизации» данных, включая доступность облачных инфраструктур (*cloud infrastructure*) гражданам на всей территории страны (*National Strategy For Artificial Intelligence*, 2018¹⁶). Государственные органы должны обеспечивать диалоговые чат-боты для общения с гражданами, а также применять технологии распознавания и анализа документов. На транспорте, в сельском хозяйстве и образовании цифровые технологии должны прогнозировать потребности общества.

Прогрессивные технологии способны эффективно гарантировать демократические ценности граждан. Весьма удачно в США сформулированы стратегические задачи государства в области искусственного интеллекта, который должен служить во благо народа¹⁷. Учреждением Специального комитета по ис-

¹⁴ Biden sets out AI Bill of Rights to protect citizens from threats from automated systems. URL: <https://www.globalgovernmentforum.com/biden-sets-out-ai-bill-of-rights-to-protect-citizens-from-threats-from-automated-systems/> (accessed: 26.01.2022).

¹⁵ Federal Chancellor attends Digital Summit. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/scholz-at-the-digital-summit-2152998> (accessed: 26.01.2022).

¹⁶ Discussion Paper National Strategy for Artificial Intelligence. URL: <https://india-ai.in/documents/pdf/NationalStrategy-for-AI-Discussion-Paper.pdf> (accessed: 26.09.2022).

¹⁷ Artificial Intelligence for American People. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/ai/>; <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (accessed: 26.01.2022).

кусственному интеллекту при Национальном совете по науке и технологиям (*National Science and Technology Council*) и Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту (*National Security Commission on Artificial Intelligence*) обеспечено централизованное планирование и координация создания цифровой экосистемы. Изучаются этические, правовые и социальные последствия работы искусственного интеллекта.

Создание стандартов в работе искусственного интеллекта вынудило объединяться страны с различными политическими режимами. Однако единым для данных объединений выступила цель — защита населения страны и сохранение действующего уклада взаимодействия публичной власти с обществом в целом и частными лицами. К примеру, государства — участницы Евразийского союза проводят единую политику в области искусственного интеллекта, что стало инструментом сближения и гармонизации внутригосударственных систем взаимодействия власти и граждан [Выходец 2022: 106–117]. Коллективные действия стран Евразийского союза обеспечили конкурентоспособную площадку для развития рассматриваемых технологий и стали основой инновационного соперничества в данной сфере с США, Китаем, Индией и созданными с их участием международными объединениями.

Позитивные плоды дает интегрирование данных технологий в систему здравоохранения. Так, расшифровав геном человека, общество избавилось от ряда болезней. Совсем недавно новая коронавирусная инфекция COVID-19, признанная угрозой существования человечества, была нейтрализована. Между прочим, в Евросоюзе одними из первых стали освещать проблематику ограничительных мер, которые демонстрируют несоразмерное воздействие на определенные социальные группы (в частности пожилых людей и детей), а также социальное неравенство, что в условиях технической неподготовленности общества свидетельствует об уязвимости основополагающих демократических принципов [De Nigris, Gomez-Gonzales, et al. 2020]. Стремление к лидерству Евросоюза в области искусственного интеллекта потребовало создания специализированных цифровых онлайн-платформ и устойчивого Интернета¹⁸.

2. *Взаимодействие права и технологии искусственного интеллекта.* В последние годы дискуссию вызывает вопрос о разделении правового и технологического элементов в работе искусственного интеллекта. Благодаря тому что исторически математика вышла из-под логики, стала развиваться кибернетика (наука об управлении данными), а математические алгоритмы обеспечили работу искусственного интеллекта. Юридические нормы также имеют своеобразный алгоритм применения в целях правового регулирования общественных отношений, в составе которых различные правовые явления. Данный правовой режим создается законодателем с учетом оценки сущностей данных явлений на соответствующем этапе развития общества и государства.

¹⁸ Coordinated Plan on Artificial Intelligence 2021: Review. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/coordinated-plan-artificial-intelligence-2021-review> (accessed: 26.01.2022).

Наглядным примером социального доверия искусственному интеллекту является сфера судопроизводства [Чуча 2023: 116–124; Габов, Хаванова 2018: 215–233]. Основным аспектом применения искусственного интеллекта в деятельности суда является то, что мы фактически подменяем судью-человека и доверяем технологии — математическому алгоритму и искусственным нейронным сетям вершить правосудие, как будто это делает человек.

Во-первых, для этого требуется приведение в соответствие законодательства государства. Законом предъявляются повышенные требования к кандидатам на должность судьи. К примеру, судья Конституционного Суда Российской Федерации должен обладать безупречной репутацией, соответствующим юридическим стажем и признанной высокой квалификацией в области права (ст. 8 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Повышенные требования вызваны социальной значимостью должности судьи. Следовательно, для признания возможной работы *judicial-AI* мы должны поставить его в один ряд с судьей-человеком.

Во-вторых, традиционное правосудие представляет собой некий обряд, включающий обстановку зала судебных заседаний (флаг и герб страны), порядок обращения участников процесса к суду, внешний вид судьи, одетого в мантию, и многие другие юридически закрепленные положения. В процессуальном законодательстве судье отводится особая роль в реализации судебной власти (ст. 1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»). В случае с искусственным интеллектом данные свойства «обряд» судебного процесса теряются. Вместе с тем, несмотря на все указанные проблемы, общество уже готово признать технологию искусственного интеллекта в качестве инструмента осуществления правосудия.

В связи с этим своевременными видятся предложения руководства Верховного Суда Российской Федерации и Совета судей Российской Федерации относительно постепенного внедрения в суде «слабого искусственного интеллекта», способного решать узкоспециализированные задачи. Подробное обоснование целесообразности данного предложения высказаны председателем Совета судей Российской Федерации В.В. Момотовым на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» (Катар, 2020)¹⁹.

В Евросоюзе Агентством Европейского Союза по сотрудничеству в области уголовного правосудия (European Union Agency for Criminal Justice Cooperation) с 2018 г. развивается цифровое уголовное правосудие²⁰. В Китае искусственный

¹⁹ Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации», г. Катар. URL: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 26.01.2022).

²⁰ European Union Agency for Criminal Justice Cooperation. URL: <https://www.eurojust.europa.eu/judicial-cooperation/instruments/digital-criminal-justice> (accessed: 26.01.2022).

интеллект с 2025 г. будет полноценно поддерживать судебную систему, в том числе путем проверки постановлений судьи²¹.

В Казахстане искусственный интеллект в суде позволяет избежать фейковых заявлений и отзывов благодаря технологии распознавания лиц — Face-ID (Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 гг., утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269)²².

Требуется отделять законы физики и технологии от норм права (юридических законов). Наблюдаются попытки юристов, инженеров-программистов и нейробиологов описать правовые и технологические явления собственными категориями, что априори невозможно. На этом пути следует объединить их совместные усилия для составления концепций и дорожных карт внедрения искусственного интеллекта в суды и иные сферы жизнедеятельности общества.

Современное образование и профессиональные компетенции юриста требуют познаний в области информационных технологий. Не представляется возможным правовое описание явлений, в которых отсутствует хотя бы элементарное или общее представление. Задачей ведущих юридических вузов должно быть обучение юриста базовым навыкам пользователя информационных технологий.

Цифровое общество

1. Трансформация юридических институтов и субъекты общественных отношений. В последние годы наблюдается трансформация понимания традиционных категорий. Участниками общественных отношений стали признаваться не только правосубъектные лица (граждане, лица без гражданства, организации, публично-правовые образования), но и киберфизические системы. Так, в 2017 г. робот София приобрела гражданство Саудовской Аравии²³ и стала полноправным членом, только уже не чисто «гражданского», а смешанного общества — *цифрового общества*. То есть робот с искусственным интеллектом (киберфизическая система) приобрел избирательные и иные политические права подобно гражданину. Рассматриваемый безобидный научный эксперимент с «гражданством» робота может рассматриваться как точка отсчета в формировании новых подходов и к пониманию политических систем.

Полагаем возможным утверждать о том, что мы сейчас находимся на пороге создания «нового» цифрового общества, в котором будут применяться особые способы и формы участия граждан, а в будущем возможно применение и киберфизических интеллектуальных систем в политической жизни страны.

²¹ AI assistance to boost efficiency of judicial sector. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/12/WS6396843da31057c47eba3e3c.html> (accessed: 26.01.2022).

²² Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 гг. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (дата обращения: 26.01.2022).

²³ Решение Саудовской Аравии дать гражданство роботу Софии вызвало критику. URL: <https://ria.ru/20171101/1508025358.html> (дата обращения: 26.01.2022).

Во Франции не случайно на государственном уровне утверждено, что глобальная гонка в области цифровых технологий может быть основана исключительно на собранной информации — на базах данных (*French Strategy for Artificial Intelligence, AI For Humanity, 2018*²⁴). В этой связи правительству предлагается поощрять создание общих данных и механизм обмена ими между физическими лицами и бизнесом, в том числе с возможностью интеллектуального анализа данных и текстов. Рассматриваемые технологии должны способствовать взвешенному переходу от труда людей к взаимодополняемости машин. Условия труда в эпоху автоматизации не должны исключать роль человека в обществе.

Безграничная цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества привела к хаотическому развитию внутригосударственного законодательства. К примеру, в Евросоюзе постоянно принимаются новые нормативные акты и дополняются существующие по вопросам использования искусственного интеллекта. Стремление к цифровому лидерству сравнимо с мыльным пузырем по аналогии с «эффектом Брюсселя» (*Brussels Effect*) [Bradford 2020] породило изменение ландшафта цифровой политики, распространяющейся за рамками страны либо объединения государств [Codagnone, Weigl 2023].

Цифровой суверенитет стран — участниц интеграционных союзов стал размываться и определяется соответствующим виртуальным пространством сети Интернет, в рамках которого ведущая роль отводится технологии искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация побудила переосмыслить техническую инфраструктуру государств, ускорение социально-экономической адаптации общества к вызовам современности, а также структурным и трудовым преобразованиям. Приоритетность данного направления отмечается во внутригосударственных актах, например в *National Artificial Intelligence Strategy 2021–2023 Турции* (2021²⁵).

Научный и технический потенциал стран открывает новые возможности продвигать ценности соответствующего политического режима. В этих целях руководством страны формируется система государственных органов (министерств, комиссий) и организаций, обеспечивающих деятельность по разработке и внедрению искусственного интеллекта.

2. *Искусственный интеллект и цифровые политические режимы.* С развитием цифровых технологий наблюдается конкуренция между типами политических режимов различных стран и его «цифровыми» вариантами (обеспечиваемыми технологиями) [Wright 2019], влияющими на мировой порядок.

Декларируемый в США либерально-демократический режим включает в себя конкурентные выборы на основе избирательных прав и политического равенства. Искусственный интеллект позволяет не только обрабатывать

²⁴ AI for humanity. French strategy for artificial intelligence. URL: <https://www.aiforhumanity.fr/en/> (accessed: 26.01.2022).

²⁵ Republic of Türkiye-Ministry of Industry and Technology, Presidency of the Republic of Türkiye-Digital Transformation Office, *National Artificial Intelligence Strategy 2021–2023*, 2021. URL: <https://cbddo.gov.tr/SharedFolderServer/Genel/File/TRNationalAIStrategy2021-2025.pdf> (accessed: 26.01.2022).

большие данные, выявлять общее мнение граждан, но и фильтровать соответствующую информацию (включая цензуру, пропаганду и т.д.). Наглядным примером использования технологий, в частности социальных сетей (например, *Facebook*²⁶ и *Twitter*) демонстрируют выборы Д. Трампа. По сути, большая часть общественного мнения высказывалась и анализировалась благодаря цифровым технологиям.

Современные демократические ценности стали зависеть от уровня «цифровой готовности» граждан как воспринимать, так и высказывать свое мнение, которое в конечном счете учитывается властью. Технологические гиганты стали не только инструментом политической конкурентной борьбы, но и их активными участниками.

Китай, со свойственным ему авторитарным режимом, достаточно продуктивно применяет цифровые технологии в политической сфере [Godement et al., 2018]. Видится неизбежным цифровой интеллектуальный анализ общественного мнения населения страны, которое составляет около 1,4 млрд граждан. Тотальный цифровой контроль граждан, в частности, с помощью национального мессенджера (*WeChat*) направлен не только на перехват и обобщение информации, но и обеспечивает сохранение национальных и общегосударственных ценностей. Такое «внедрение» в личную сферу жизни граждан закреплено на законодательном уровне (например, Законом Китая о безопасности в Интернете — *网络安全法 (草案) 全文*²⁷ и Законом о национальной разведке — *中华人民共和国国家情报法*²⁸) и, надо отметить, что с пониманием воспринимается обществом.

Цифровизация Китая охватила всевозможные сферы жизнедеятельности общества (здравоохранение, образование, налогообложение, банковские операции, личную переписку и т.д.). Возможность искусственного интеллекта анализировать Big Data представляет собой не только авторитарный контроль за реализацией прав и свобод граждан, но и выступает инструментом убеждения населения и социального управления в руках Коммунистической партии Китая.

Политический режим России в литературе нередко характеризуется как гибридный ввиду объединения в себе по большей части демократических основ (включая состязательные выборы) и некоторых элементов авторитарии (установление ограничений в реализации прав) [Курскова 2012; Скорнякова 2012: 37–43; Шаблинский 2014; Сунцова, Мацкевич 2022: 13–17]. Вместе с тем детальный анализ содержательной стороны порядка реализации прав и свобод российских граждан свидетельствует о том, что существующие какие-либо ограничения для одного лица направлены на защиту прав и законных интересов других лиц, общества в целом и государства, подобно древнеримскому принципу — «права

²⁶ Продукты компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ

²⁷ Полный текст Закона о сетевой безопасности (проект) *网络安全法 (草案) 全文*. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 26.01.2022).

²⁸ Сайт Национальная разведка Китайской Народной Республики *中华人民共和国国家情报法*. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201806/483221713dac4f31bda7f9d951108912.shtml> (дата обращения: 26.01.2022).

одного человека заканчиваются там, где начинаются права других людей». Таким образом, обеспечивается статья 1 Конституции РФ об основах демократического строя в стране.

Заявленные демократические ценности российского общества обеспечиваются компанией Яндекс и созданной с ее участием цифровой экосистемы [Лаптев 2022]. Потребности общества, выявленные в том числе в результате анализа поисковых запросов, интернет-активности и Big Data, корректируют работу органов государственной власти. При этом существующее в стране медиапространство не содержит государственной цензуры и иных элементов манипулирования и навязывания общественного мнения, а формируемый в его рамках информационный контент обеспечивает исключительно реализацию функций государства и стабильность конституционного строя. Кроме того, в России официально проводится политика по устранению цифрового неравенства в обществе для обеспечения большего доступа к государственным услугам и комфортной жизни граждан. Предложенная в 2021 г. Концепция развития машиночитаемого права (Сколково)²⁹ обосновывалась безупречной вычислительной возможностью искусственного интеллекта по определению приоритетов в регулировании вопросов правоприменения и нормотворчества.

Значимым вопросом остается сохранность персональных данных при их обработке AI с учетом положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Каналы связи с охраняемыми законом сведениями (данными) должны быть надежно защищены от несанкционированного доступа со стороны третьих лиц. Должны учитываться религиозные и этнические традиции народов России при разработке и внедрении AI. Известно, что в отдельных субъектах Российской Федерации формируется уникальная судебная практика на основе вековых традиций проживающих на соответствующей территории народов.

Управление глобальными данными невозможно в отсутствие экономического сотрудничества как на внутригосударственном, так и международном уровнях. Не стали исключением из данного правила Евразийский союз (см.: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»)³⁰ и Евросоюз³¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что цифровые политические режимы характеризуют степень влияния цифровых технологий, включая искусственный интеллект, на политические процессы.

3. Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления. Работа искусственного интеллекта на текущем этапе возможна исключительно

²⁹ Портал Сколково. URL: <https://sk.ru> (дата обращения: 26.01.2022).

³⁰ Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 26.01.2022).

³¹ Shaping Europe's digital future. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/big-data> (accessed: 26.01.2022).

в связке с человеком по аналогии с со-robot (коллаборативный робот, управляемый человеком). Речь идет о комбинированной работе AI в паре с человеком или под его контролем в сфере юридико-машинной обработки и оценки доказательств как сведений о фактах, на которых стороны обосновывают свою позицию в суде.

В целях постепенного внедрения AI необходимо следующее:

- оцифровка текстовых документов в электронную машиночитаемую форму с соблюдением единых форматов и стандартов с возможностью их последующей трансформации в другие форматы (например, .pdf, .rtf, .doc, .docx);
- устранение цифрового неравенства среди участников общественных отношений и обеспечение технологической доступности ко всем публичным сервисам и цифровым платформам;
- предоставление доступа AI к интеграционным информационным платформам и всевозможным Big Data;
- разработка облачной вычислительной модели работы AI в дистанционном режиме через телекоммуникационную сеть Интернет и ее администрирование высшими публичными органами (Правительством Российской Федерации, Федеральным Собранием Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Российской Федерации соответственно);
- принятие новых либо доработка существующих нормативных правовых актов, регламентирующих возможность передачи части публичных функций от человека к искусственному интеллекту;
- формирование единого пространства доверия к цифровой среде и правовой культуры применения искусственного интеллекта.

Российский опыт свидетельствует о том, что большую пользу несет информация поисковых агрегаторов и иных аналогичных приложений, в том числе доступ к работе которых осуществляется на платной основе (например, *Google*, *Яндекс.Карты*, *investing.com*, *quote.rbc.ru*, *MSN Финансы* — котировки акций и др.). Пользователи данных сервисов, приобретая и устанавливая на свой смартфон, планшет либо компьютер данные приложения, получают цифровую информацию. Указанная информация может использоваться правительством государства для анализа экономико-социальных потребностей предпринимателей и частных инвесторов.

Big Data — большие массивы данных (data set, dataset), отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Вполне резонно было включение в Гражданский кодекс РФ новой договорной конструкции оказания услуг по предоставлению информации (ст. 7831). Рассматриваемый объект права также именуется «массивом данных» (структурированной и неструктурированной информации — «сырые данные»), позволяющим также обучать искусственный

интеллект; «набором данных» (структурированной информации) и иными техническими и юридическими обозначениями. Среди особенностей массива данных выделяют наличие в них множества информации об окружающем мире и происходящих процессах, источник информации — технические либо социальные сведения, машиночитаемую форму и потенциальную коммерческую ценность.

Big Data может рассматриваться во многих значениях: в качестве цифровой технологии сбора и обработки данных (программы); базы данных (охраняемый результат интеллектуальной деятельности); как «нераскрытая» без применения цифровых технологий информация и т.д. Отчасти многие из упомянутых значений так или иначе в ней присутствуют. Однако следует сделать оговорку на то, что Big Data не может уравниваться в значении с базами данных, упомянутыми в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ. Так, если «изготовителем» (обладателем) баз данных выступает лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов, либо лицо, имя (наименование), указанное на экземпляре базы данных и (или) его упаковке, то обладателем Big Data может быть абсолютно любое лицо, в фактическом распоряжении которого находятся эти данные.

Таким образом, базы данных, созданные на основе информации Big Data, подпадают под особый правовой режим. Вместе с тем мы также должны учитывать, что положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не применяются к базам данных, являющихся охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности (п. 2 ст. 1), и оборот такой информации регламентируется разд. VII Гражданского кодекса РФ.

Развитие электронного правительства во многих государствах мира стало приоритетным направлением в сфере информатизации государственных органов. Разрабатываются специальные нормативные акты, принципы и дорожные карты, способствующие реализации данного направления. В связи с рассматриваемой в настоящей работе проблематикой мы не ставим акцент на межведомственном электронном взаимодействии между отдельными органами государственной власти, а обращаем внимание на возможности данных цифровых платформ обеспечить связь государства и граждан. В работе указанных цифровых платформ уже применяется искусственный интеллект. В частности, в Едином портале государственных услуг Российской Федерации (Госуслуги)³² работает чат-бот робот «Макс», помогающий найти подходящую государственную услугу и верно заполнить обращение в правительство. В рамках системы электронного правительства Казахстана (Государственные услуги и информация онлайн) и государственной программы «Цифровой Казахстан»³³

³² Портал Госуслуги. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 26.01.2022).

³³ Государственные услуги и информация онлайн. URL: <https://egov.kz/cms/ru/ai-big-data/projects#iw> (дата обращения: 26.01.2022).

заявлено о применении искусственного интеллекта в информационной системе Е-законодательство, медицине — IBM Watson for Oncology, Система интеллектуального месторождения (промысловые объекты добычи) и т.д.

Заключение

Проведенное исследование доказывает, что основным принципом работы искусственного интеллекта должно быть не столько создание большего социального и экономического равенства в обществе, сколько уменьшение неравенства. В ближайшее время технологии искусственного интеллекта станут не только инструментом, но и неотъемлемой частью новой модели — «цифровой модели» политического режима.

Предлагается установить на законодательном уровне принципы и возможные пределы работы искусственного интеллекта, технологическую безопасность и конфиденциальность анализируемой информации. В целях обеспечения стабильности сложившегося политического режима недопустимо развивать технологии, позволяющие исказить общественное мнение и избирательную волю граждан.

Технология работы искусственного интеллекта должна быть открыта, достоверна и прозрачна для всех граждан, предпринимателей и общества в целом. Такой подход обеспечит доверие общества к правительству и внедряемым в его работу современным информационным технологиям.

Поступила в редакцию / Received: 07.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Выходец Р.С.* Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 106–117. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>
- Габов А. В., Хаванова И.А.* Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233. <http://doi.org/10.17223/15617793/435/28>
- Глобальная перестройка / отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Весь Мир, 2014.
- Курскова Г.Ю.* Политический режим Российской Федерации: политико-правовой анализ: монография. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012.
- Лаптев В.А.* Экосистема цифровой экономики // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 8. https://doi.org/10.54972/00000042_2022_8_42
- Скорнякова С.С.* Политический режим и его эволюция в современной России // Социология и право. 2012. № 2 (13). С. 37–43.
- Сунцова Е.А., Мацкевич О.В.* Теоретико-правовой анализ трансформации форм государственного (политического) режима Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 4. С. 13 - 17. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-4-13-17>
- Шаблинский И.Г.* Эволюция политического режима в России. Конституционные основы и неформальные практики. М.: ТЕИС, 2014.

- Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // *Правоприменение*. 2023. Т. 7, № 2. С. 116–124. [http://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(2\).116-124](http://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(2).116-124)
- Bradford A. *The Brussels Effect: How the European Union Rules the World*. New York, 2020; online edn, Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190088583.001.0001>
- Codagnone C., Weigl L. Leading the Charge on Digital Regulation: The More, the Better, or Policy Bubble? // *Digital Society*. 2023. Vol. 2. 4 <https://doi.org/10.1007/s44206-023-00033-7>
- De Nigris S., Gomez-Gonzales E. et al. *Artificial Intelligence and Digital Transformation: early lessons from the COVID-19 crisis*. EUR 30306 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020. <http://doi.org/10.2760/166278>
- Godement F., Przychodniak M., Drinhausen K., Knight A., Kania E.B., Stanzel A. *The China dream goes digital: technology in the age of XI* // European Council on Foreign Relations, 2018. <http://www.jstor.org/stable/resrep21518>
- He Y., Ding H. Integrated Development of Artificial Intelligence and Economic Management // *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022. Article ID 2970229. <https://doi.org/10.1155/2022/2970229>
- Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a digital society // *Russian Law Journal*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 138–157. <http://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157>
- Lu Chia-Hui. The impact of artificial intelligence on economic growth and welfare // *Journal of Macroeconomics*. 2021. Vol. 69. 103342. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2021.103342>
- Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind*. 1950. Vol. LIX. Issue 236, P. 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
- Ünver H.A. *Artificial Intelligence, Authoritarianism and the Future of Political Systems* // Centre for Economics and Foreign Policy Studies. 2018. <http://www.jstor.org/stable/resrep26084>
- Valladão A.G.A. *Artificial Intelligence and Political Science*. Policy Paper. September 2018 // URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/OCPPC-PP1807_0.pdf (accessed: обращения: 26.01.2022).
- Wiener N. *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine*. John Wiley, 1948.
- Wright N.D. (Ed.). *Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order*. Air University Press, 2019. *JSTOR*, <http://www.jstor.org/stable/resrep19585>

References

- Bradford, A. (2020). *The Brussels effect: How the European Union rules the world*. New York; Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190088583.001.0001>
- Codagnone, C., & Weigl, L. (2023). Leading the charge on digital regulation: The more, the better, or policy bubble? *Digital Society*, 2, 4. <https://doi.org/10.1007/s44206-023-00033-7>
- Chucha, S.Yu. (2023). Artificial intelligence in justice: legal and psychological aspects of law enforcement. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 7(2), 116–124. (In Russian). [http://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(2\).116-124](http://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(2).116-124).
- De Nigris, S., & Gomez-Gonzales, E., et al. (2020). *Artificial intelligence and digital transformation: Early lessons from the COVID-19 crisis*, EUR 30306 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg. <http://doi.org/10.2760/166278>
- Dynkin, A.A. (Ed.). (2014). *Global restructuring*. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
- Gabov, A.V., & Khavanova, I.A. (2018). Evolution of robots and the 21st-century law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, (435), 215–233. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/435/28>
- Godement, F., Przychodniak, M., Drinhausen, K., Knight, A., Kania, E. B., & Stanzel, A. (2018). The China dream goes digital: technology in the age of XI. *European Council on Foreign Relations*. <http://www.jstor.org/stable/resrep21518>

- He, Y., & Ding, H. (2022). Integrated development of artificial intelligence and economic management. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 2022, 2970229. <https://doi.org/10.1155/2022/2970229>
- Kurskova, G.Yu. (2012) *Political regime of the Russian Federation: Political and legal analysis*. Moscow: Yunity-Dana. (In Russian).
- Laptev, V., Fedin, V. (2020). Legal awareness in a digital society. *Russian Law Journal*, 8(1), 138–157. <http://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157>
- Laptev, V.A. (2022). *Ecosystem of the digital economy*. National interactive encyclopedic portal “Knowledge”. No. 8. (In Russian). http://doi.org/10.54972/00000042_2022_8_42
- Lu, Chia-Hui (2021). The impact of artificial intelligence on economic growth and welfare. *Journal of Macroeconomics*, 69, 103342. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2021.103342>
- Shablinskij, I.G. (2014). *The evolution of the political regime in Russia. Constitutional foundations and informal practices*. Moscow: TEIS. (In Russian).
- Skornyakova, S.S. (2012). Political regime and its evolution in the modern Russia. *Sociology and law*. 2(13), 37–43. (In Russian).
- Suncova, E.A., & Mackevich, O.V. (2022). Theoretical and legal analysis of the transformation of forms of state (political) regime of the Russian state. *State power and local self-government*, (4), 13–17. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-4-13-17>
- Turing, A.M. (1950). Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, LIX(236), 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>.
- Ünver, H.A. (2018). Artificial Intelligence, Authoritarianism and the Future of Political Systems. *Centre for Economics and Foreign Policy Studies*. <http://www.jstor.org/stable/resrep26084>
- Vyhodets R.S. (2022). Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 16(3), 106–117. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>
- Wiener, N. (1948). *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine*. John Wiley.
- Wright, N.D. (Ed.). (2019). *Artificial intelligence, China, Russia, and the global order*. Air University Press. <http://www.jstor.org/stable/resrep19585>

Сведения об авторе:

Лаптев Василий Андреевич — доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (e-mail: laptev.va@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6495-1599)

About the author:

Vasily A. Laptev — Doctor of Law; Judge of the Moscow Arbitration Court; Chief Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (e-mail: laptev.va@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6495-1599)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861
EDN: WRRDXQ

Научная статья / Research article

Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета

А.Б. Ромашкина , Д.А. Киричук

Российский университет дружбы народов, Москва,

Российская Федерация

 albrom@mail.ru

Аннотация. Современная политическая жизнь общества интенсивно трансформируется в связи с развитием цифрового пространства политических коммуникаций. Появление новых субъектов формирования и управления дискурсом и процессами политического кодирования (С.Н. Федорченко) становится фактором перераспределения власти в обществе и вызовом для институтов власти. На основе методов структурно-функционального и дискурсивного подходов, а также коммуникативного подхода для выявления значения политической коммуникации в цифровом пространстве Интернета в процессах управления общественным сознанием и поведением граждан. С помощью методов герменевтики, общенаучных дескриптивных методов, анализа и синтеза приведен авторский подход к изучению цифрового суверенитета. На основе проведенного анализа работы алгоритмов в цифровом интернет-пространстве определены риски и угрозы, с которыми может столкнуться современное государство. Выявлены новые субъекты политического кодирования, а также показано, в каких случаях алгоритмы в интернете приобретают черты субъектов кодирования. Показано, что данное явление может привести к перераспределению фактической власти в обществе, а также к формированию неинституциональных форм власти, которым вынуждены подчиняться государство и его органы в случае отсутствия цифрового суверенитета. Утрата субъектности в процессах коммуникации и формирования дискурса является фактором утраты власти и потери контроля над процессами управления обществом со стороны государства. Достижение цифрового суверенитета, компоненты которого определены в статье, является важнейшим условием защиты ценностно-смыслового и информационного пространства от вмешательства внешних акторов и внедрения деструктивных нарративов, что позволяет сохранить политическую стабильность государства.

Ключевые слова: суверенитет современного государства, политическая интернет-коммуникация, информационная безопасность, алгоритмы управления, политический дискурс, политическое кодирование, социальное неравенство, легитимность институтов власти

© Ромашкина А.Б., Киричук Д.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2023-0044 «Цифровой суверенитет и идентичность: обеспечение безопасности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния».

The Political Subjectivity of Digital Actors in the Context of Ensuring Digital Sovereignty

Albina B. Romashkina , Daria A. Kirichuk

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 albrom@mail.ru

Abstract. The modern political life of society is being intensively transformed in connection with the development of the digital space of political communications. The emergence of new subjects of formation and management of discourse and processes of political coding (S.N. Fedorchenko) becomes a factor of redistribution of power in society and a challenge for the institutions of power. Based on the methods of structural-functional and discursive approaches, as well as a communicative approach to identify the importance of political communication in the digital space of the Internet in the processes of managing public consciousness and behavior of citizens. Using the methods of hermeneutics, general scientific descriptive methods, analysis and synthesis, the author's approach to the study of digital sovereignty is presented. Based on the analysis of the algorithms in the digital Internet space, the risks and threats that a modern state may face are identified. New subjects of political coding are identified, and it is also shown in which cases algorithms on the Internet acquire the features of coding subjects. It is shown that this phenomenon can lead to the redistribution of actual power in society, as well as to the formation of non-institutional forms of power, to which the state and its bodies are forced to obey in the absence of digital sovereignty. The loss of subjectivity in the processes of communication and the formation of discourse is a factor in the loss of power and loss of control over the processes of governance of society by the state. The achievement of digital sovereignty, the components of which are defined in the article, is the most important condition for protecting the value-semantic and information space from interference by external actors and the introduction of destructive narratives, which allows preserving the political stability of the state.

Keywords: sovereignty of the modern state, political Internet communication, informational security, management algorithms, political discourse, political coding, social inequality, legitimacy of government institutions

For citation: Romashkina, A.B., & Kirichuk, D.A. (2023). The political subjectivity of digital actors in the context of ensuring digital sovereignty. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 848–861. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>

Acknowledgements: The research was funded by EISR, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, RAS project FSSF-2023-0044 “Digital sovereignty and identity: ensuring the security of the value-semantic space of the state in the conditions of global information confrontation”.

Введение

Современное общество развивается в условиях активного внедрения цифровых технологий в разные сферы жизни. Процессы коммуникации в обществе осуществляются в цифровом пространстве Интернета, что отражается на форматах, скорости, способах осуществления взаимодействия между отдельными людьми, социальными группами и участниками политической жизни.

Цифровая трансформация привела к глубоким изменениям в основах функционирования субъектов власти и процессов управления. Традиционные модели легитимации государственной власти претерпевают интенсивные изменения по мере того, как цифровые технологии внедряются в процессы взаимодействия между институтами власти, политическими акторами и гражданами. Сохранение субъектности в процессах управления в условиях интенсивного использования цифрового пространства коммуникации зависит от способности государств обеспечивать цифровой суверенитет и защищать ценностно-смысловое пространство, поскольку эти факторы определяют возможность формировать политический дискурс и транслировать политические и культурные коды в сознание людей.

Совершенствование технологий коммуникации в цифровом пространстве основано на изучении науки о данных и развитии машинного обучения, устанавливающего математические связи между различными входными и выходными данными, что позволяет таким алгоритмам проводить различные вычисления, в том числе в сфере коммуникации. Государство и общество в такой ситуации сталкиваются с новыми вызовами, которые необходимо преодолевать.

Цель данного исследования является определение понятия цифрового суверенитета современного государства, его компонентов и связь с ценностно-смысловым пространством. Важной составляющей при рассмотрении вопросов обеспечения цифрового суверенитета государства является анализ характеристики коммуникации в цифровом пространстве и определение субъектов его управления и цифровых актантов, действующих в Интернете в качестве субъектов коммуникации.

Цифровой суверенитет современного государства

Повсеместное внедрение цифровых технологий привело не только к размыванию физических границ, но и к появлению новых, нематериальных границ в виде цифровых рубежей [Володенков 2020]. Национальные информационные пространства больше не ограничиваются географическими территориями, поскольку цифровая сфера выходит за пределы физических ограничений. Эта экстерриториальность информационно-коммуникационных ресурсов открыла

беспрецедентные возможности для внешнего влияния, поставив под сомнение саму суть государственного суверенитета. Особое внимание в исследованиях цифрового суверенитета уделяется феномену информационного вмешательства во внутривнутриполитические процессы. Поскольку цифровое пространство становится все более влиятельным в формировании общественного мнения, осознание и регулирование внешнего вмешательства критически важны для сохранения целостности социальной системы и достижения консенсуса в обществе.

Цифровой суверенитет охватывает широкий спектр вопросов — от экономических соображений до социальных последствий, от политического контроля до правового регулирования [Володенков, Федорченко, Артамонова 2022]. Кроме того, феномен цифрового суверенитета тесно связан с проблемой информационной безопасности, однако эти понятия не являются синонимами. Информационная безопасность государства связана с возможностью защитить персональные данные граждан, раскрыть, исказить и использовать данные, обеспечивающие работу критической инфраструктуры и представляющие значимость для национальной безопасности государства. Кроме того, информационная безопасность, на наш взгляд, включает в себя возможность оградить сознание людей от деструктивных и опасных ценностей и идей. Но без достижения цифрового суверенитета обеспечение информационной безопасности государства становится затруднительным.

Смежными являются такие понятия, как «суверенитет данных» и «суверенитет государств над ИКТ-инфраструктурой», которые служат основой для понимания и решения этих проблем. Исследователи также изучают соотношение понятий «государство как ИКТ-инфраструктура» и «государство как государство-нация», чтобы лучше определить роль государства в цифровую эпоху [Стрельцов 2017].

Таким образом, феномен цифрового суверенитета в современную эпоху представляет собой сложную и многогранную проблему как для государств, так и для обществ. По мере развития цифровых технологий все более актуальным становится вопрос о последствиях этой трансформации. Сотрудничество исследователей, политиков и практиков может способствовать тому, чтобы цифровизация служила интересам государств и их граждан при сохранении фундаментальных ценностей и принципов. Создание, управление и контроль над цифровой инфраструктурой, информационными потоками, а также обеспечение безопасности данных позволяют государству создавать программное обеспечение, цифровые платформы, социальные медиа, которые будут отвечать национальным интересам.

На наш взгляд, цифровой суверенитет включает в себя следующие компоненты:

- 1) наличие национальных цифровых платформ и программного обеспечения операционных систем (ОС) и различных приложений;
- 2) наличие аппаратного обеспечения — возможность полностью создавать микрочипы, материнские платы, жесткие диски и другие компоненты работы электронной техники. При этом важным является не только наличие

заводов по их производству на территории государства, но и наличие станков и другого оборудования, разработанных и производимых внутри государства;

- 3) наличие специалистов, способных работать со всеми технологиями;
- 4) наличие преподавателей и ученых, способных подготовить таких специалистов;
- 5) научно-образовательная база по подготовке кадров для работы с оборудованием для создания электронных устройств, большими данными, программным обеспечением, инженерными системами, обеспечивающими работу цифровых ресурсов;
- 6) наличие ресурсов цифровой архитектуры — вычислительные мощности (компьютеры, серверы, микрочипы, а также компоненты для их создания), которые обеспечивают высокие скорости обработки информации (с запасом прочности и избыточной мощностью в случае кратного увеличения объемов обрабатываемых данных). Поэтому специалисты должны уметь просчитывать потенциальную нагрузку на инфраструктуру обеспечения работы цифровых технологий, включая риски различных хакерских атак для создания перегрузки и дальнейшего отключения ресурсов;
- 7) обеспечение безопасности и сохранности информации (включая анти-вирусные системы) для хранения больших объемов данных и их защиты от удаления, незаконного использования, утечки.

Такой пример, как отключение в результате сбоя всех пользователей в России от системы управления приборами “умного дома” от компании Xiaomi¹, можно рассматривать как иллюстрацию некоторых рисков (хоть и в малых масштабах), с которыми может столкнуться государство в случае отсутствия цифрового суверенитета. Если государственные цифровые ресурсы (например, предоставления государственных услуг, базы данных о гражданах в различных органах власти, системы управления “умный город”, серверы, обеспечивающие работу критической энергетической инфраструктуры и др.) будут базироваться на зарубежных цифровых платформах и программном обеспечении, то государство самостоятельно не может обеспечить их работу. Оно становится зависимым от иностранных акторов, которые могут по своему решению отключить тот или иной инструмент работы институтов власти и государственных предприятий. Государство в случае отсутствия цифрового суверенитета рискует утратить и другие компоненты своей независимости и самостоятельности.

Вопросы безопасности государства также связаны и с тем, какие инструменты коммуникации внутри институтов власти используются. Так, например, в 2023 г. был введен запрет на использование техники Apple, функционирующей на ОС iOS внутри государственного сектора РФ из-за рисков утечки

¹ В России перестала работать “умная” техника Xiaomi [Запись в блоге]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/10/04/21430921.shtml> (дата обращения: 06.10.23)

конфиденциальной информации в структуры разведывательных служб США². Однако альтернативой может стать только техника, работающая на ОС Google Android, что также не решает полностью вопрос защиты информации в государственном секторе. Частично это обеспечивает информационную безопасность государства, поскольку полностью защитить смартфон, произведенный за рубежом, от внедрения программ слежения невозможно. Защита критической информационной инфраструктуры может быть обеспечена только при условии достижения цифрового суверенитета, т.е. создания всех компонентов цифровых устройств внутри государства.

Значение цифрового суверенитета активно возрастает в связи с глобальным масштабом технологических преобразований и экстерриториальным характером цифровых технологий. Более того, современная геополитическая напряженность неразрывно переплетается с тем, что можно с полным основанием назвать «технологическими конфликтами». В данном случае речь идет об эскалации информационной войны и активном использовании когнитивно-психологических атак в глобальном цифровом коммуникационном ландшафте, а также всплеске кибератак на национальные политические и экономические институты [Никонов, Воронов, Сажина Володенков, Рыбакова 2021].

Эти проблемы усугубляются политизацией цифровой среды, обусловленной развитием искусственного интеллекта и программного обеспечения. Это явление порождает дискуссии по целому ряду вопросов, включая разрозненные интересы государств в цифровой сфере, их намерения установить контроль над отдельными сегментами Интернета, а также противостояние между государствами и их сторонниками и противниками, часто проявляющееся в виде ИТ-корпораций и организаций. Более того, эта трансформация привела к интеграции информационной войны в качестве сопутствующего элемента экономических санкций и давления. Кроме того, это обусловило появление сетевых организаций, представляющих прямую угрозу традиционному государственному суверенитету, поскольку они стремятся к распространению криптовалют и децентрализованных финансовых инструментов, подрывая тем самым суверенные налоговые системы. А поэтому достижение цифрового суверенитета становится стратегической задачей для обеспечения безопасности государства.

Политическая коммуникация в цифровом пространстве: ключевые характеристики

«Коммуникация — это коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией. Процесс коммуникации определяется технологией коммуникации, характеристиками отправителей и получателей информации, их культурными кодами и протоколами коммуникации, а также рамками

² Российский ведомства ввели запрет на технику Apple. Чем госсектор может ее заменить? // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/08/21/mobilnye-rezervy.html> (дата обращения: 08.10.2023).

коммуникационного процесса» [Кастельс 2017: 101]. Коммуникация является инструментом формирования индивидуального и общественного сознания, поскольку с ее помощью внедряются ценности и смыслы, интерпретируется окружающая действительность. В политической сфере коммуникация способствует трансляции политических кодов, легитимации и делигитимации деятельности политических акторов, что отражается на формировании политической культуры и позволяет управлять деятельностью общества. Интенсивное развитие средств коммуникации в цифровом пространстве способствует изменению процессов взаимодействия между институтами власти, обществом, гражданами и иными политическими акторами.

В Интернете коммуникационные процессы выстраиваются на основе горизонтального взаимодействия между пользователями, самокоммуникации [Кастельс 2017]. В процессе коммуникационного взаимодействия в социальных сетях происходит обмен политическими и культурными кодами между различными пользователями, транслируются смыслы и идеи, что позволяет формировать определенный дискурс. Эти процессы не являются однородными. Исследователи [Yarchi, Baden, Kligler-Vilenchik 2020] отмечают, что политическая поляризация в социальных медиа может базироваться на разных основаниях: интерактивная поляризация (преобладание определенной модели взаимодействия пользователей на одной площадке), позиционная поляризация (выражение определенной позиции) и аффективная поляризация (доминирование определенных чувств и установок). А потому коммуникация в Интернете может способствовать усилению социальных разрывов в обществе.

Формирование сообществ пользователей по определенным идейным, поведенческим и коммуникационным предпочтениям, а также коммуникационно-когнитивная изоляция от отличных от их точек зрения в социальных сетях создает так называемые «эхо-камеры» [Wolleback, Karlsen, Steen-Johnsen, Enjolras 2019; Narel, Jameson, Maoz 2020]. Поскольку сетевое пространство интернета управляется алгоритмами по принципу рекомендации на основе психологических особенностей, личных убеждений, субъективных характеристик каждого пользователя [Zuboff 2019], то человек получает индивидуальный контент в предпочитаемом формате, в котором будет подкрепляться его точка зрения и опровергаться иная позиция. Термин «эхо-камеры» в академическом дискурсе часто приравнивают к термину «фильтр-пузырь». Так, многие ученые не видят принципиальной разницы между этими терминами, однако термин «фильтр-пузырь» чаще всего используют для описания только онлайн-механизмов поляризации информации, подобных алгоритмам, находящимся в социальных сетях и поисковых системах, в то время как «эхо-камера» относится не только к онлайн, но и к офлайн-механизмам, которые действуют одновременно [Безносков, Голиков 2022]. Данное явление соотносится с понятием «фрейм», поскольку в эхо-камере у пользователей подкрепляются определенные представления, которые уже существуют в его сознании. Интерпретация событий в таком случае происходит в соответствии с той моделью объяснения мира, которая подтверждает субъективную убежденность человека в истинности его

точки зрения, а потому он не будет стремиться к выходу за пределы фрейма или эхо-камеры [Scheibenzuber et al. 2023].

Кроме того, зарубежные акторы, заинтересованные в изменении политической культуры какого-либо государства, получают возможность применять технологии подобные инструментам «инженерии согласия» для того, «чтобы склонить людей к поддержке той или иной идеи или программы» [Бернейз 2013]. Трансграничность интернет-коммуникации позволяет иным акторам, кроме государства и субъектам коммуникации, находящимся на территории страны, транслировать смыслы, ценности, формировать политический дискурс и управлять им. В таком случае иностранные субъекты коммуникации могут транслировать новые интерпретации исторических событий, что приведет к изменению политической культуры государства как «системы политических и правовых знаний, убеждений и принципов, способов и методов управления общественной жизнью, способствующих укреплению отношений между людьми» [Капто 2011: 15]. Достижение интеграции общества, а также единства на основе общих ценностно-смысловых нарративов может быть затруднительным, поскольку трансляция новых идеалов может привести к разрывам и социальной разобщенности. Технологии, на основе которых формируются эхо-камеры, могут способствовать углублению таких социальных процессов, как дезинтеграция и атомизация общества [Interian, Marzo, Mendoza, Ribeiro 2023].

Так, стремительное технологическое развитие, расширение каналов коммуникации и диджитализация медиасреды снижают информационную безопасность государств. Поэтому в политической и правовой сферах перед правительствами стоит сложная задача найти баланс между поддержанием, обеспечением политической стабильности, государственной и общественной безопасности и сохранением таких прав человека, как свобода слова и мысли. Для достижения этих целей часто применяются такие меры, как цензура в Интернете и фильтрация данных, что ставит под вопрос индивидуальные свободы и права на неприкосновенность частной жизни.

Управление цифровым пространством коммуникации: вызовы и задачи для современного государства

В условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий процесс цифровизации предстает как сложное и многогранное явление. С одной стороны, она открывает новые возможности для развития общества и экономики, а с другой — создает серьезные проблемы для национальной безопасности. Новым качеством политики становится внедрение алгоритмов в процессы структурирования цифрового пространства.

Алгоритмы больших данных в цифровом пространстве позволяют пользователям с наименьшими временными затратами и минимальной детализацией запроса находить нужную информацию и быстро решать свои задачи в интернете. Однако в этом инструменте помощи пользователю заложен механизм управления его сознанием, поскольку именно алгоритм осуществляет поиск, отбор,

выдачу и рекомендацию информации, что в некотором смысле превращает его в субъекта формирования поведения человека.

Развитие цифровых технологий коммуникации может способствовать появлению новых форм социального неравенства [Шиняева, Полетаева, Слепова 2019], связанного с доступностью управления информационными потоками. Использование социальных сетей и различных онлайн-платформ не является основой преодоления социального неравенства. По мнению С.В. Володенкова, можно выделить следующие классы по принципу использования технологий больших данных: создатели данных; сборщики и хранители данных; аналитики данных и те, кто контролирует данные [Володенков 2020]. Информация о «цифровых следах» позволяет алгоритмам оказывать манипулятивное влияние на сознание пользователя, поскольку они могут просчитать его полный психологический профиль, чтобы в дальнейшем не только предсказывать его поведение, но и управлять им. Данные о пользователе становятся «сырьем» для различных компаний, организаций, которые стремятся к увеличению прибыли [Zuboff 2019; Федорченко 2023]. А политические акторы могут использовать это «сырье» для легитимации или делигитимации институтов власти, проведения предвыборных кампаний, продвижения различных ценностей и идеалов.

Такие механизмы способствуют не только усилению социального неравенства, но и перераспределению власти в пользу неинституциональных акторов — владельцев и разработчиков алгоритмов, которые становятся «цифровой элитой» общества. Кроме того, к этому социальному слою можно относить и тех акторов, которые собирают, хранят и анализируют большие данные, поскольку они получают исключительный доступ к информации и каналам ее распределения. На наш взгляд, к актантам цифровой коммуникации можно относить и тех, кто обеспечивает научное изучение процессов цифровизации и обучает будущих представителей «цифровой элиты» для работы с информацией, поскольку они транслируют свои ценности и представления в сознание тех, кто обеспечивает работу алгоритмов в интернете. В таком случае негосударственные акторы, относящиеся к «цифровой элите», становятся новыми субъектами фактической власти, если государство и его институты не обладают доступом к таким технологиям.

Управление процессами коммуникации и структурирования информации в интернете осуществляется на основе алгоритмов, которые обучены не только искать нужную по смыслу информацию, но также и оценивать положительные или негативные нарративы, генерировать тексты, оценивать особенности пользователя и предлагать ему контент. Для таких целей используются технологии обучения алгоритмов естественному языку (например, NLP — *Nature Language Processing*) [Adamopoulou, Moussiades 2020], в результате чего алгоритмы перестают быть нейтральным инструментом поиска и структурирования информации, так как предлагают ее интерпретацию. В таком случае процессы политического кодирования и декодирования осуществляются разработчиками алгоритмов, в некоторых случаях при увеличении объемов обучающих данных

сами алгоритмы также приобретают черты субъекта таких процессов и становятся полноценными цифровыми актантами коммуникации.

Кроме того, пользователи в процессе массовой самокоммуникации вырабатывают смыслы и идеи, которые могут трансформировать процессы политического кодирования. Поскольку контроль над дискурсом, информационными потоками, каналами коммуникации, интерпретацией смыслов и ценностей является важнейшим ресурсом власти [Ван Дейк 2015; Луман 2001], то без обеспечения цифрового суверенитета государство утрачивает субъектность в процессах управления социальными процессами.

Также невозможно предсказать, какую информацию будет получать каждый пользователь, поскольку он оставляет множество цифровых следов на разных площадках в Интернете, структуру информации на которых упорядочивает множество алгоритмов [Рассел 2020]. Создавать общие нарративы, единую концепцию трансляции контента, которые позволяли бы создавать условия в цифровой среде для интеграции и консолидации общества, становится затруднительным, если государство не может самостоятельно осуществлять контроль над цифровым коммуникационным пространством интернета.

Кроме того, модераторы, редакторы, создатели цифровых платформ социальной коммуникации устанавливают собственные правила поведения и взаимодействия для пользователей, а также их трактовку и применение, что устанавливает их «законодательную и исполнительную власть» в цифровом пространстве. Пользователи, включая институты и органы власти государств, в случае нарушения (в интерпретации лиц, осуществляющих руководство платформами) оказываются в ситуации, когда к ним применяются санкции со стороны модераторов и редакторов платформ (включая возможность ограничения пользования или исключения из этой части коммуникационного пространства), что устанавливает также и «судебную власть» в цифровом пространстве. Такая «власть» может способствовать формированию нового «цифрового тоталитаризма», при котором субъектом осуществления контроля и использования механизмов принуждения в цифровой среде будет не государство, а «цифровая элита».

Фактическую власть, которая носит неинституциональный характер, в цифровой среде коммуникации получают те, кто владеет цифровыми платформами, разрабатывает алгоритмы или занимается модерацией контента, если государство не имеет возможности повлиять на данные процессы (например, в случае отсутствия национальных сегментов интернета или национальных социальных сетей) и вынуждено «играть по правилам», установленным на данных платформах. Это ставит под угрозу возможность осуществления собственной информационной, культурной политики, а также подрывает способность государств обеспечивать безопасность ценностно-смыслового пространства от агрессивного или деструктивного информационно-когнитивного воздействия различных акторов.

Однако «цифровая элита» может способствовать процессам поиска новых единых ценностных кодов для консолидации общества, если на основе

технологий больших данных будет осуществлен поиск общих смысловых и идейных категорий, транслируемых пользователями. Современное цифровое пространство коммуникаций является новой средой для взаимодействия граждан, политических институтов и акторов, а потому существует вариативность для его развития — сотрудничество между государством и «цифровыми элитами» в целях создания новой созидательной среды коммуникации может стать ступенью на пути достижения консенсуса в обществе.

Заключение

Современные процессы управления государством и обществом во многом зависят от достижения цифрового суверенитета. Его отсутствие может привести не только к снижению уровня информационной безопасности, но и к утрате субъектности государства в процессах коммуникации и управления социальными процессами. Возможность цифровых актантов и цифровой элиты влиять на внутривнутриполитические процессы государств становится новым вызовом для государства, поскольку оно не всегда имеет необходимые ресурсы для противостояния деструктивным ценностям и смыслам, внедряемым в сознание граждан с помощью алгоритмов коммуникации. Консолидация общества и достижение каких-то единых ценностно-смысловых ориентиров становится затруднительной, поскольку настройка алгоритмов на персонифицированный контент усиливает процессы разобщения и атомизации общества.

Кроме того, в цифровом пространстве коммуникации складываются новые неинституциональные формы власти, в результате чего институты власти при осуществлении коммуникации на различных площадках в интернете начинают подчиняться правилам, разработанным владельцами, модераторами и редакторами платформ, что меняет модели взаимодействия между пользователями. Институты власти в цифровой среде, если не имеют возможность определять «правила игры» для цифровых платформ (например, если они зарубежные), становятся «рядовыми пользователями», которых можно исключить из данной коммуникационной среды за нарушение правил, которые установлены не государством. Транслировать смыслы и ценности, которые расходятся с теми, которыми обладают владельцы, разработчики, модераторы цифровых платформ, становится невозможным. Утрата контроля над дискурсом и потоком информации может стать фактором дестабилизации политической системы государств, если граждане будут получать контент, подрывающий легитимность действующей власти.

Цифровой суверенитет является условием обеспечения национальной безопасности государства, поскольку в таком случае государство может противостоять информационно-когнитивным механизмам деструктивного характера. Кроме того, социализация, усвоение достижений культуры, воспитание будущих поколений, которые основаны на коммуникативной

основе, в интересах созидательного развития государства и общества возможны, только если институты власти способны защитить информационное и ценностно-смысловое пространство от радикальных идей и нарративов. В ином случае государство может утратить контроль над этими процессами, что в долгосрочной перспективе может привести к разрушению его идейных оснований.

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Безносков М.А., Голиков А.С.* Цифровые эхо-камеры как феномен политического пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516>
- Бернейз Э.* Инженерия согласия // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 122–131.
- Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
- Володенков С.В.* Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. № 4. С. 3–11. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-11>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д.* Современное государство в контексте цифровых технологических трансформаций: политические возможности, риски и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 351–366. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-351-366>
- Капто А.С.* Художественная культура: понятие, сущность, основные функции. М.: Академика, 2011.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Луман Н.* Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
- Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В.* Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/60/18>
- Рассел С.* Цель, заложенная в машину // Искусственный интеллект — надежды и опасения / под ред. Дж. Брокмана. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 49–63.
- Стрельцов А.А.* Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 87–106.
- Федорченко С.Н.* Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. М.: Проспект, 2023.
- Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М.* Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>
- Adamopoulou E., Moussiades L.* Chatbots: History, technology, and applications // Machine Learning with Applications. 2020. Vol. 2. P. 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>

- Harel T.O., Jameson J.K., Maoz I. The normalization of hatred: Identity, affective polarization, and dehumanization on Facebook³ in the context of intractable political conflict // *Social Media + Society*, 2020. April–June. P. 1–10. <https://doi.org/10.1177/2056305120913983>
- Interian R., Marzo G.R., Mendoza I., Ribeiro C.C. Network polarization, filter bubbles, and echo chambers: an annotated review of measures and reduction methods // *International Transactions in Operational Research*. 2023. Vol. 3. Iss. 6. P. 3122–3158. <https://doi.org/10.1111/itor.13224>
- Scheibenzuber C., Neagu L.M., Ruseti S., Artmann B., Bartsch C., Kubik M. et al. Dialog in the echo chamber: Fake news framing predicts emotion, argumentation and dialogic social knowledge building in subsequent online discussions // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 140. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107587>
- Wolleback D., Karlsen R., Steen-Johnsen K., Enjolras B. Anger, fear, and echo chambers: The emotional basis for online behavior // *Social Media + Society*. 2019. No. 5 (2), P. 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305119829859>
- Yarchi M., Baden C., Kligler-Vilenchik N. Political polarization on the digital sphere: A cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on social media // *Political Communication*, 2021. No. 38 (1–2). P. 98–139. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1785067>
- Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs, 2019.

References

- Adamopoulou, E. & Moussiades, L. (2020). Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2, 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Bernays, E. (2013). The engineering of consent. *Polis. Political Studies*, (4), 122–131. (In Russian).
- Beznosov, M.A. & Golikov, A.S. (2022). Digital echo chambers as phenomenon of political space. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516>
- Castells, M. (2017). *The power of communication*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).
- Fedorchenko, S.N. (2023). *The power of the algorithm: Technologies of legitimization of political regimes in the conditions of digitalization*. Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Harel, T.O., Jameson, J.K., & Maoz, I. (2020). The normalization of hatred: Identity, affective polarization, and dehumanization on Facebook⁴ in the context of intractable political conflict. *Social Media + Society*, April–June, 1–10. <https://doi.org/10.1177/2056305120913983>
- Interian, R., Marzo, G.R., Mendoza, I., & Ribeiro, C.C. (2023). Network polarization, filter bubbles, and echo chambers: an annotated review of measures and reduction methods. *International Transactions in Operational Research*, 3(6), 3122–3158. <https://doi.org/10.1111/itor.13224>
- Kapto, A.S. (2011). *Artistic culture: Concept, essence, main functions*. Moscow: Akademika. (In Russian).
- Luhmann, N. (2001). *Macht [Power]*. Moscow: Praxis Publications. (In Russian).
- Nikonov, V.A., Voronov, A.S., Sazhina, V.A., Volodenkov, S.V., & Rybakova, M.V. (2021). Digital sovereignty of the modern state: Content and structural components (based on expert research). *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (60), 206–216. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/60/18>

³ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 года российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

⁴ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 года российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

- Russel, S. (2020). The goal embedded in the machine. In J. Brokman (Ed.), *Artificial Intelligence — hopes and fears* (pp. 49–63). Moscow: AST Publishing House. (In Russian).
- Scheibenzuber, C., Neagu, L.M., Ruseti, S., Artmann, B., Bartsch, C., Kubik, M., et al. (2023). Dialog in the echo chamber: Fake news framing predicts emotion, argumentation and dialogic social knowledge building in subsequent online discussions. *Computers in Human Behavior*, 140, 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107587>
- Shinyaeva, O.V., Poletaeva, O.V., & Slepova, O.M. (2019). Information and digital inequality: Searching for effective population adaptation practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (4), 68–85. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>
- Streltsov, A.A. (2017). Sovereignty and jurisdiction of the state in the environment of information and communication technologies in the context of international security. *The International Affairs*, (2), 87–106. (In Russian).
- Van Dijk, T.A. (2015). *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. Moscow: URSS, “LIBROCOM”. (In Russian).
- Volodenkov, S.V. (2020). The phenomenon of contemporary state’s digital sovereignty in the context of global technological transformations: content and features. *Journal of Political Research*, (4), 3–11. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-11>
- Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Artamonova Ju.D. (2022). Contemporary state in the context of digital technological transformations: Political opportunities, risks, and challenges. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 351–366. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-351-366>
- Wolleback, D., Karlsen, R., Steen-Johnsen, K., & Enjolras, B. (2019). Anger, fear, and echo chambers: The emotional basis for online behavior. *Social Media + Society*, 5(2), 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305119829859>
- Yarchi, M., Baden, C., & Kligler-Vilenchik, N. (2021). Political polarization on the digital sphere: A cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on social media. *Political Communication*, 38(1–2), 98–139. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1785067>
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

Сведения об авторах:

Ромашкина Альбина Бариевна — кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: albrom@mail.ru) (ORCID: 0009-0000-2452-0738)

Киричук Дарья Анатольевна — ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: kirichuk-da@rudn.ru) (ORCID: 0009-0000-0378-4443)

About the authors:

Albina B. Romashkina — PhD in Political Sciences. Assistant Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: albrom@mail.ru) (ORCID: 0009-0000-2452-0738)

Daria A. Kirichuk — Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: kirichuk-da@rudn.ru) (ORCID: 0009-0000-0378-4443)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878

EDN: WPEGTG

Научная статья / Research article

Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции

Б.И. Ананьев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ ananyevboris92@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено поиску ответа на вопрос, могут ли методологические решения и исследовательский инструментарий конструктивистов-международников представлять ценность для изучения санкционной проблематики в ее текущем виде. Развивая логику рассуждений, намеченную в предыдущей работе «Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации», автор продолжает оценку объяснительного потенциала ведущих классических школ теории международных отношений применительно к экономическим мерам дискриминационного характера, инициированным в одностороннем порядке без участия Совета Безопасности ООН. При тестировании возможностей конструктивизма («третьего пути»), автор обращает внимание на систематические сбои, возникающие при попытках описывать санкции с позиций классической рациональности, что оставляет пространство для их анализа на основе постпозитивистского принципа интерпретативности, характерного для европейского варианта конструктивистской школы международных исследований. В качестве конкретного образца эвристически-полезного исследовательского инструмента рассматривается концепция самосбывающегося пророчества, которая активно разрабатывалась в психологии и теории принятия решений, однако не обрела должного признания непосредственно в теории международных отношений. Вместе с тем подобный взгляд на санкции, во-первых, позволяет объяснить, почему, несмотря на периодически звучащие заявления политиков о том, что санкции невыгодны всем участникам противостояния, субъективно худший сценарий продолжает претворяться в жизнь, а во-вторых, резонирует с аргументами международников-реалистов относительно природы и характера дилеммы безопасности. Автор выделяет четыре основных и одно дополнительное условие, которые в совокупности создают предпосылки для возникновения на международной арене самосбывающихся сценариев. Эти условия органично вписываются в текущую санкционную повестку, что позволяет говорить о релевантности концепции самосбывающегося пророчества как при анализе посткрымских и постфевральских санкций, так и при рассмотрении современных принципов международного общения.

© Ананьев Б.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: теория международных отношений, политическая теория, санкции, экономические санкции, конструктивизм, самосбывающееся пророчество, методология

Для цитирования: Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 862–878. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878>

The Third-Way Trap? Constructivist Perception of Sanctions

Boris I. Ananyev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ ananyevboris92@gmail.com

Abstract. The study examines whether it is relevant to use constructivist research instruments in order to study the sanctions and the so-called countersanctions that were imposed on Russia and then by Russia after the events in Crimea in 2014 and February 24. I develop the arguments that were presented in the work “Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying” in an attempt to assess the explanatory capabilities of the three leading paradigms in IR. The question posed is: do realism, liberalism and constructivism coherently and consistently explain the nature of the fast-growing scope of sanctions that tend to be implemented without the UN Security Council’s approval? The third way (constructivist one) seems to be efficient since there are difficulties with studying sanctions from the perception of the overwhelming rationality. To be concrete, I test the concept of self-fulfilling prophecy that obtained proponents in psychology and the theory of decision-making as well but hasn’t been actively promoted in IR studies. Nevertheless, it seems to be useful to explain the sustainability of sanction’s regime, which — paradoxically — from the first glance brings no profit but harm to each party involved. Moreover, it correlates with realist scholars’ perception of IR nature (particularly, security dilemma). Finally, four basic and one extra preconditions for self-fulfilling scenarios in the international arena are outlined, applicable not just to the “sanction’s” field, but also to the current principles of cross-state interactions.

Keywords: IR theory, political theory, sanctions, economic sanctions, constructivism, self-fulfilling prophecy, methodology

For citation: Ananyev, B.I. (2023). The third-way trap? Constructivist perception of sanctions. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 862–878. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878>

Введение

Данная статья — самостоятельное исследование и одновременно продолжение линии рассуждений, намеченной в работе «Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации» [Ананьев 2019]. Общая цель цикла — анализ объяснительных возможностей больших школ международно-политической мысли в отношении международной обстановки, сложившейся в результате лавинообразного распространения санкций и контрсанкций в практике современных международных отношений.

Важно отметить, что работа над материалами цикла была начата до специальной военной операции; следовательно, ряд рассуждений и выводов первой части номинально относится к дофевральской реальности. Это может вызвать обоснованное на первый взгляд замечание об их нерелевантности. Однако пристальный взгляд на постфевральскую санкционную реальность позволяет сделать два заключения.

Во-первых, политическая наука достаточно медленно реагирует на изменение международной обстановки (что, впрочем, абсолютно объяснимо: теоретическая рефлексия требует времени и, как правило, работы с так называемыми завершенными событиями). Поэтому, в отличие от ряда заслуживающих внимания практикоориентированных работ по постфевральской санкционной реальности [Тимофеев 2023b], академическое сообщество представило значительно меньшее число теоретических.

Во-вторых, внимательное знакомство с выводами, предложенными в этой и предыдущей работе, позволяет говорить о том, что при кажущихся критических внешних изменениях содержания санкционной проблематики концептуально ряд высказанных предположений не только не потерял актуальности, но и — скорее — предстал в более гротескной и наглядной форме. Особенно это касается слабых мест в объяснительном потенциале природы санкций в классической парадигмальной теории международных отношений.

И если в отношении «классических» ограничительных мер Совбеза академическое сообщество в целом занимает консолидированную позицию (эти санкции описаны, систематизированы и снабжены исследовательским инструментарием), то санкции «второго трека» по-прежнему вызывают множество вопросов. В лавинообразном потоке материалов СМИ о санкциях отдельные заслуживающие внимания работы академического характера [Кожанов, Исаев 2019; Кашин, Пятачкова, Крашенинникова 2020; Коргун, Толорая 2022; Тимофеев 2023а], на первый взгляд, менее заметны, однако именно системное изучение санкционной проблематики с позиций современной политической науки остается необходимым связующим звеном между знанием и реальностью.

В данном случае речь пойдет о «третьем пути» — конструктивизме, а конкретно о тех методологических решениях, разработанных международниками-конструктивистами, которые могут представлять ценность для дальнейшего изучения санкционной проблематики в ее текущем виде¹. Этот «третий путь», на первый взгляд, включает в себе значительный эвристический потенциал, однако прежде необходимо убедиться в том, что он не заканчивается тупиком — ловушкой иллюзорного оптимизма².

¹ Под методологическими аспектами в работе будут пониматься как наиболее широкая концептуальная рамка исследовательского взгляда — парадигма, так и совокупность исследовательских методик и инструментов, то есть методология в узком понимании данного термина.

² В свою очередь, под конструктивизмом понимается совокупность онтологических и методологических принципов и установок относительно внешней политики и международной действительности, в основе которых лежит постпозитивистский принцип интерпретативности. Таким образом, в работе будет фигурировать европейский вариант конструктивизма.

Онтология определяет мышление

Вероятно, именно так будет выглядеть созвучное с классическим марксистским тезисом утверждение относительно экспертной и научно-исследовательской работы теоретика-международника. Эта работа неотъемлемо связана с сопряжением философского и «научного» (в узком понимании науки как, прежде всего, естественных дисциплин) знания и познания. По меткому замечанию Т.А. Алексеевой, «философские основания всякой науки — это своего рода „мост“ между философским и научным знанием». Кроме того, «философские идеи <...> раскрывают эвристику научного поиска и позволяют обосновать, узаконить полученные в его процессе выводы, т.е. прояснить новые онтологии и представления о возможном методе поиска истины» [Алексеева 2017: 31].

Безусловно, при переложении осознанно допущена метафоричность: речь в данном случае идёт об общих закономерностях взаимосвязи онтологических установок в отношении системы международных отношений с применяемыми исследовательскими инструментами. Эта связь ярко проявляет себя в постпозитивистском научном мышлении, заключающем в себе идею о системообразующей роли консенсуса в построении теорий и их применении на практике. Иными словами, в условиях невозможности напрямую сопоставить те или иные научные подходы ввиду отсутствия у них однородных оснований для сравнения и, следовательно, размывания критериев достоверности в социально-гуманитарных исследованиях, истинность выводов и суждений определяется как результат согласия академического сообщества относительно того, что считать истинным. Теория международных отношений — не исключение. Например, теоретики школы политического реализма зачастую напрямую не конкурируют с коллегами-конструктивистами, как это принято представлять на уровне знакомства с дисциплиной в высшей школе, поскольку их усилия сосредоточены вокруг осмысления разнохарактерных сторон действительности. Аналогично и с действующими международными индексами: так, существование индекса демократии возможно прежде всего благодаря консенсусу большинства экспертов относительно ценностей, положенных в основу ранжирования стран. Именно на этой посылке и строятся дальнейшие рассуждения.

Ловушка третьего пути

В предыдущей работе по аналогичной проблематике [Ананьев 2019] была предпринята попытка деконструировать две доминирующие школы теории международных отношений — (нео)реализм и (нео)либерализм³

³ Безусловно, автор отдаёт себе отчет в том, что объединение настолько сложных и комплексных парадигм в два общих термина влечёт за собой неизбежное упрощение их понимания. Однако в данном случае речь идёт об исследовательском цикле, поэтому для разрешения подобных ситуаций будут использоваться отсылки в первой части. Соответственно, далее в этом тексте для обозначения реализма и неореализма, как и для либерализма и неолиберализма, а также иных вариантов данных парадигм для удобства и без критически значимых смысловых потерь будут употребляться собирательные термины «реализм» и «либерализм».

для того, чтобы определить их объяснительные возможности относительно сложившейся на сегодняшний день санкционной реальности в ее многообразии, быстром разрастании и, по большому счету, мутации. В упомянутой выше статье был сделан вывод, что ресурсы обеих парадигм ограничены в силу особенностей их внутренней логики. В упрощенном и обобщенном виде заключения звучат следующим образом: в случае либерализма ключевое противоречие состоит в ослаблении роли экономического измерения международных отношений, а также в деградации ряда режимов: таким образом, вызов брошен двум ключевым либералистским постулатам. Классический и отчасти неореализм же испытывает трудности с интерпретацией и приведением в стройную систему растущего объема санкций между государственными и негосударственными акторами. Конструктивизм, в свою очередь, было решено исключить из предметного поля исследования по следующим причинам:

- во-первых, конструктивизм — это крайне фрагментированная парадигма, своего рода зонтичный термин, употребляемый зачастую для обозначения разнородных феноменов и концепций, затрагивающих предметное поле разных субдисциплин политической науки: от политической психологии до непосредственно теории международных отношений. В результате прямое сравнение трех парадигм было бы некорректным;
- во-вторых, (этот вывод логично проистекает из первого) в отличие от реализма и либерализма конструктивизм неконсолидирован в отношении ключевых установок и выводов ведущих представителей школы, что существенно затрудняет выявление смыслового ядра парадигмы как основы для ее критического рассмотрения;
- в-третьих, объяснительные и предсказывающие возможности конструктивизма значительно ограничены. Один из отцов-основателей конструктивизма в теории международных отношений А. Вендт выражается еще более категорично, говоря о том, что «конструктивизм — не теория в чистом виде, <...>, а только инструмент анализа» [Wendt 1992: 424].

Представленные обстоятельства, однако, не свидетельствуют о том, что конструктивизм неинтересен или бесполезен для исследователей, занимающихся санкционной проблематикой; он требует отдельного внимания и особого подхода, не противоречащего вместе с тем ключевым принципам науки о международных отношениях. Именно в этом пункте, по сути, и кроется главная трудность; критика «конструктивистского» инструментария извлечения знания о санкционной действительности⁴ вписывается в более высокий контекст разногласий теоретиков международных отношений по поводу критериев истинности суждений и, как следствие, полученных на основе этих суждений выводов.

⁴ Корректнее было бы сказать «потенциальная критика», которую, скорее, еще предстоит сформулировать в консолидированном виде.

Эта тема подробно изложена и разобрана в ряде отечественных и зарубежных работ [Алексеева 2014; Checler 2008], в связи с чем имеет смысл обозначить лишь общую канву противоречий: с позиций конструктивизма, «критерий истинности увязывается не с традиционным со времен Аристотеля критерием соответствия суждения действительному порядку вещей, а с полезностью суждения для субъекта политики» [Конышев, Сергунин, Субботин 2016: 97]. Проще говоря, аргументы против конструктивизма как метода (по всей видимости, аналогичное верно и в отношении вопросов изучения санкций), допускающая известную степень условности, можно сравнить с аргументами против эффекта плацебо. Отвергаемый официальной медициной и даже законодательно запрещенный в ряде стран метод плацебо довольно точно описывается фразой «этого нет, но это может сработать». Правомерно считать, что в данном случае, рассуждая о теоретико-методологических основаниях изучения санкций, имеет смысл принять конструктивистский постулат о полезности суждений и выводов, прежде всего потому, что системное осмысление, изучение и тестирование ряда потенциально значимых конструктивистских наработок применительно к науке о международных отношениях попросту не проводилось. Более радикально по форме, но аналогично по содержанию эту мысль о «методологической дискриминации» выразил Пол Файерабенд: «Когда ученый претендует на монопольное обладание единственно приемлемыми методами знания, это свидетельствует не только о его самомнении, но и о его невежестве» [Фейерабенд 2007: 26]. Если все же отвлечься от эпатажности и несколько чрезмерной категоричности Файерабенда, то можно констатировать, что в сегодняшней теории международных отношений наблюдается очевидный запрос на приток в дисциплину свежих идей и ходов мысли, вызванный не в последнюю очередь кризисом сложившейся системы методов исследований. В поисках решения этой задачи ученые-международники все чаще обращаются к кросс-дисциплинарным работам, и здесь конструктивизм может проявить себя с лучшей стороны, поскольку именно эта школа мысли известна своей методологической конвергенцией, в частности недавней попыткой выстроить так называемый «квантовый подход» к международным отношениям [Алексеева и др. 2016; Алексеева и др. 2018].

В данном случае из всего многообразия конструктивистских построений для международников, занимающихся санкционной проблематикой, предлагаем рассмотреть концепцию самосбывающегося пророчества.

Санкции как самосбывающееся пророчество

Выдающийся социолог и теоретик науки Роберт Мертон известен в первую очередь как создатель концепции «теорий среднего уровня» — важнейшей методологической составляющей современных социально-гуманитарных дисциплин, изложенной в классической работе «Социальная теория и социальная структура». Однако помимо обозначенной ключевой идеи работа содержит описание такого потенциально полезного феномена, как самосбывающиеся

пророчества⁵. Мертон определяет самосбывающееся пророчество как «изначально неверную оценку ситуации, которая влечет за собой поведение, приводящее к тому, что изначально ложное представление становится истинным» [Merton 1968: 477]. Таким образом, мы имеем дело с конструктивистской по своей сути концепцией, включающей такие ключевые для парадигмы элементы, как (интер)субъективность, релятивизм и динамизм. В качестве предмета научно-исследовательской работы самосбывающиеся пророчества нашли свое место, прежде всего, в социологии и психологии, однако в анализе международных отношений сложилась иная ситуация. Даже упоминания самосбывающихся пророчеств представителями дисциплины имеют единичный характер. Например, в материалах Валдайского клуба⁶ можно обнаружить заметку Владимира Петровского «Российско-китайский альянс — самоисполняющееся пророчество США», в которой автор использует эту метафору в ее оригинальном значении, говоря о потенциальном российско-китайском антисанкционном (что интересно и показательно!) альянсе⁷. Системные же попытки ученых-международников применить концепцию встречаются еще реже и смещены, скорее, в плоскость теории принятия решений.

Очевидным и выгодным исключением на этом фоне является работа Дэвида Патрика Хьютона «Роль самосбывающихся и самоотрицающих (self-negating) пророчеств в международных отношениях» [Houghton 2009], которая будет использована как основа для дискуссии.

Но прежде чем переходить непосредственно к самой дискуссии, вернемся к разделу II и попытаемся ответить на вопрос *почему?* Почему изначально сложную для применения и верификации концепцию имеет смысл рассматривать теоретикам, занятым изучением санкций. В самом общем виде ответ будет связан с систематическими сбоями, возникающими при исследовании санкционной проблематики с позиций классической всеобъемлющей рациональности. Уже 20 лет назад, в 1999 г., Даниел Дрезнер в «Парадоксе санкций» [Drezner 1999] обратил внимание на то, что наращивание экономического давления на политических оппонентов не дает гарантий желаемых результатов: вопреки логике рациональности режим под санкционным давлением может мобилизоваться и консолидироваться, а не пойти на уступки, так что «прилагаемые усилия окажутся непропорциональны полученным результатам» [Тимофеев 2018: 56]. В 2018 г., взяв за основу иранский кейс, И.Н. Тимофеев убедительно проиллюстрировал гипотезу Дрезнера: «Иран долгое время нес потери от санкций. Но при этом не садился за стол переговоров, ведя политику адаптации

⁵ В действительности идея самосбывающихся пророчеств описывается Мертоном в более ранней самостоятельной работе, однако классической стала именно «Социальная теория и социальная структура».

⁶ Строго говоря, материалы Валдайского клуба жанрово часто приближены к аналитическим запискам либо т.н. «Policy paper», однако в данном случае это не имеет принципиального значения.

⁷ Петровский В. Российско-китайский альянс — самоисполняющееся пророчество США? URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-kitayskiy-alyans/> (дата обращения: 10.05.2023).

к санкциям» [Тимофеев 2018: 69]. К сказанному можно добавить, что в пользу целесообразности конструктивистского инструментария говорят и смежные исследования⁸, свидетельствующие о росте объема «когнитивных патологий»⁹ [Jervis 1976: 76–78], то есть ситуаций, противоречащих логике всеобъемлющей рациональности.

После ответа на вопрос *почему?* логично следует вопрос *как?* Как концепция самосбывающихся пророчеств может помочь в понимании текущего состояния санкционной повестки и, возможно, ее перспектив? Начать стоит с приведенной выше формулировки Мертона [Merton 1968: 477]. Приняв ее за рабочую, мы рискуем тут же попасть под огонь критики: за исключением случаев грубых и потому очевидных управленческих ошибок как определить (и возможно ли это в принципе), что лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений в той или иной стране, оценивают ту или иную ситуацию на международной арене *изначально неверно* (то есть как адаптировать мертовское понимание «неверной оценки» к внешней политике)?

Для того чтобы выйти из этого полемического тупика, имеет смысл сделать шаг назад и обратить внимание на то, что в своих рассуждениях Мертон опирается на так называемую теорему Томаса, сформулированную следующим образом: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям» [Thomas, Thomas 1928: 571–572]. В подобном виде теорема резонирует с утверждением профессора кафедры политологии Университета Бристоля Ричарда Литла. На международной арене нередко случаются ситуации, в которых возникают самосбывающиеся пророчества: это происходит в тех случаях, когда внешнеполитический истеблишмент исходит из предпосылки о враждебности окружающего мира и — как следствие — выбирает такую стратегию поведения, которая лишь укрепляет данную предпосылку [Booth, Smith 1995]. Неудивительно, что Александр Вендт и Джон Васкес отмечают, что самосбывающиеся пророчества в качестве идейной составляющей включены в построения международников-реалистов [Vasquez 1999; Wendt 1999].

Одна из ключевых концепций реализма — дилемма безопасности — сформулирована вполне в конструктивистском духе: непредсказуемость поведения игроков на международной арене приводит к тому, что последние стремятся нарастить собственную мощь с целью обезопасить себя от потенциальной агрессии извне. Подобная политика ведет к росту недоверия других участников международных отношений и заставляет их готовиться к худшему. Как следствие, образуется порочный круг из обеспечения безопасности и накопления силы [Herz 1950: 157]. Эту особенность, в частности, выделяет Рэнделл Швеллер, говоря о том, что дилемма безопасности — это несуществующий

⁸ Например, работы Д. Канемана.

⁹ В классической работе «Восприятие и ошибки восприятия в мировой политике» Роберт Джервис неоднократно подчеркивает тот факт, что самосбывающиеся пророчества представляют собой когнитивные патологии. См.: [Jervis 1976].

конструкт, относящийся к сфере идеологии [Schweller 1996: 117]. С учетом того что проблематика безопасности в ее классическом виде на сегодняшний день находится в числе приоритетных, — данный тезис звучит особенно актуально.

Таким образом, на международной арене присутствует ряд явлений и ситуаций, которые эксперты склонны рассматривать через призму самосбывающихся сценариев. Помимо упомянутой выше дилеммы безопасности Хьютон в качестве подобного рода построений приводит теорию демократического мира, а также «Столкновение цивилизаций» Хантингтона.

Я полагаю, что самосбывающееся пророчество на международной арене может иметь место в тех случаях, когда:

- 1) лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений, действуют в условиях неопределенности;
- 2) существующие механизмы и нормы межгосударственного взаимодействия находятся в состоянии трансформации и/или пересмотра;
- 3) при реализации внешнеполитического курса существует очевидная и осознаваемая дифференциация между лучшим, оптимальным и худшим сценариями развития ситуации;
- 4) худший сценарий является результатом осознанного выбора/политической воли лиц, принимающих внешнеполитические решения.

Разберем каждый из этих пунктов подробнее.

Что касается первого условия, проведение внешней политики в контексте неопределенности не является откровением — было бы достаточно наивно приписывать это состояние исключительно текущему моменту. Речь в данном случае идет о том, что ее характер претерпевает изменения. В рамках профильной одноименной конференции «Международная неопределенность — 2018» прозвучал точный и — как показало время — подтвердившийся диагноз: «неопределенность, неуправляемость и непредсказуемость стали определяющими свойствами современного мирового развития. Международная политика становится все более иррациональной»¹⁰. Кроме того, уже сам факт появления подобных мероприятий, их представительный характер и повышенный интерес со стороны международных партнеров говорят о том, что вопрос действительно находится в фокусе внимания экспертного и академического сообществ. Возвращаясь к тезису о меняющемся характере неопределенности, ключевой ее составляющей является иррационализация мировой политики. Если биполярная неопределенность — это преимущественно неопределенность рациональная [Монаган 2015], проистекающая из осознания «отсутствия возможности войны и последующей капитализации ее исхода» [Косолапов 2008: 20], то неопределенность образца сегодняшнего дня, скорее, только формирует такие контуры. Очевидно, что расширение санкционных режимов и взаимных ограничительных мер, которые,

¹⁰ Конференция «Международная неопределенность — 2018» [Konferentsiya «Mezhdunarodnaya neopredelennost» — 2018"]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/konferentsiya-mezhdunarodnaya-neopredelennost-2018/> (дата обращения: 10.05.2023).

казалось бы, изначально противоречат интересам сторон, взятых по отдельности (и в этом смысле иррациональных в краткосрочной перспективе), — это часть поиска новых очертаний миропорядка. А там, где есть место системной иррациональности, — есть место и феноменам, которые она порождает. Как следствие, сценарий санкций как самосбывающегося пророчества выглядит вполне органично.

Второе условие — длительный устойчивый характер текущих норм взаимодействия государств, — подвергается повсеместному пересмотру. При этом даже умеренно-оптимистичные сценарии развития международной обстановки — например, идея о «новой нормальности» [Сушенцов 2017] — предполагают неизбежность турбулентности в больших или меньших масштабах. «Теперь все по-другому», — говорит Дэниел Дрезнер: «Созданный американцами фундамент, на котором зиждется либеральный международный порядок, находится в серьезной опасности. Представьте нынешнюю ситуацию как игру „Дженга“ — когда множество элементов убрали, а башня все еще стоит. <...> На самом деле в ней не хватает многих важных составляющих, а если приглядеться, видно, как она слегка раскачивается» [Дрезнер 2019].

Наглядным свидетельством возникновения пустот в конструкции метафорической башни международных взаимодействий является видимая невооруженным взглядом эрозия режимов. Однако сказать, что санкции разрушают режимы, — все равно что обвинить столовые приборы в наборе лишнего веса: уместно по форме, но не соответствует содержанию проблемы.

За почти 10 лет, прошедших с момента введения первых ограничительных мер против России, санкции изменили свою смысловую и инструментальную нагрузку, трансформировавшись из реакции на неприемлемое с точки зрения США внешнеполитическое поведение в повод и предлог, возникающий при очередном витке международной напряженности, апофеоз которой мы наблюдаем сегодня. Когда изначально неавтономные явления «начинают создавать для себя постоянную орбиту» [Бодрийяр 2014: 45], запускается процесс их оброста собственной онтологией. Онтология же, в свою очередь, определяет мышление. И этому мышлению могут быть не чужды соответствующие когнитивные искажения.

Таким образом — как показала проверка реальностью — самовоспроизводящееся санкционное противостояние, как и дилемма безопасности, нашло свое постоянное место в международной повестке; ограничительные и дискриминационные меры приобрели характер общеупотребительной сигнальной системы в международном общении.

Третье условие нельзя назвать уникальным: выраженная дифференциация сценариев развития международной обстановки соответствует ее кризисному состоянию и, следовательно, имеет циклический характер. При этом — что принципиально — лучший, оптимальный и худший варианты могут не соответствовать логике формализованно-количественных показателей. Изучение кризисного принятия внешнеполитических решений

показывает, что даже с учетом стабилизирующего влияния организационной культуры, фактор когнитивных особенностей, присущих лицам, принимающим решения, невозможно полностью исключить [Holsti 1967]. Это означает, что для понимания специфики подобных решений важно учитывать то, как сценарии развития ситуации интерпретируются и ранжируются лицами, ответственными за принятие внешнеполитических решений. Иными словами, даже рационально обоснованная стратегия поведения может быть на личностном уровне интерпретирована как неоптимальная для реализации (верно и обратное) — опять же гипотеза подтверждена текущей реальностью, что создает пространство возможностей для возникновения самосбывающегося пророчества.

Развивая эту линию, вернемся к дилемме безопасности, которая воспроизводит себя благодаря тому, что участники гонки вооружений в первую очередь «принимают в расчет худший сценарий и априори действуют в агрессивно-конкурентной манере» [Jervis 2011: 417] по принципу «Хочешь мира — готовься к войне». Практика показала, что параллели между этими образцами внешнеполитического поведения (санкционное и вооруженное противостояние) очевидны.

Наконец, четвертое условие непосредственно связано с идеями и нарративами, циркулирующими в риторике российской стороны и коллективно-го Запада. Несмотря на периодические заявления европейских политиков о вреде и убытках от санкций, как и в случае с дилеммой безопасности, речь идет об осознанном выборе курса «санкции — это всерьез и надолго». Классическим инструментом верификации данного тезиса является дискурсивный анализ, и именно такая работа была проделана Д.Д. Дарси и А.Н. Сталбергом [Дарси, Сталберг 2019]. Для описания общего фона поведения участников санкционного противостояния авторы нашли весьма меткое и красноречивое словосочетание «взаимное „подстегивание“», что вполне резонирует с представленной выше мыслью об осознанности в выборе нежелательного варианта развития событий. Приводимые Дарси и Сталбергом данные свидетельствуют в пользу того факта, что стороны хоть и говорят на разных санкционных языках, но при этом продолжают выносить в публичное пространство именно агрессивно-«санкционные» конфигурации будущего. Авторы оговариваются, что проведенный анализ не позволяет деконструировать мотивации, составляющие основу национальных (прежде всего академических) дискурсов, однако полученные выводы вполне позволяют проводить параллель с самовоспроизводящейся спиралью гонки вооружений. Кроме того, логика приведенных рассуждений наводит на мысль о возможности привлечь к набору объяснительных конструктов критикуемую и непростую с точки зрения верификации, но явно не бесполезную концепцию окна Овертона. Говоря метафорически, «закрытое» окно Овертона в рамках санкционного дискурса дополняет четыре представленных выше условия реализации самосбывающегося сценария.

Заключение

Тубулентность международной обстановки, резко изменившая характер международных взаимодействий после 24 февраля 2023 г., заставила академическое сообщество адаптировать устоявшийся взгляд на уже привычные элементы международных отношений. В этом смысле санкции — не исключение. Лавинообразный поток санкций, обрушившийся на Россию, казалось бы, должен был привести к обнулению предыдущих наработок на этом направлении (на первый взгляд, постфевральские санкции следует изучать с чистого листа), однако, представляется, что это не совсем так. Во-первых, теория как способ рефлексии действительности значительно медленнее реагирует на контекст; во-вторых, практика показала, что ряд выводов по санкционной проблематике, сделанных в дофевральский период, не просто не утратил актуальности, но и — напротив — получил наглядное подтверждение (наиболее яркие примеры — прогноз российско-китайского сближения как элемента самосбывающегося пророчества, а также резкое усиление значения дилеммы безопасности в ее классическом виде). В связи с этим работа по теоретическому осмыслению санкционной проблематики с опорой на предыдущие наработки была продолжена.

В данной статье автор сосредоточился на возможностях, которые предоставляет теории международных отношений изучение санкционной проблематики с позиций конструктивизма. Эта задача является частью более масштабного исследования, направленного на определение объяснительного потенциала трех ведущих школ теории международных отношений применительно к сложившейся после крымских и февральских событий практике использования дискриминационных экономических мер в качестве инструмента внешней политики.

Следует заметить, что прямое неадаптированное сопоставление этих парадигм невозможно как ввиду отсутствия очевидных общих оснований для сравнения, так и ввиду кризисного положения конструктивизма в международных исследованиях. Академическое сообщество четко фиксирует эту тенденцию, связывая ее как с неочевидным прогностическим потенциалом парадигмы [Фомин и др. 2018], так и с общим кризисным положением теоретико-методологических аспектов в теории международных отношений [Сергеев, Казанцев, Медведева 2019: 59]. Более того, непосредственно сами международники-конструктивисты в последнее время не демонстрируют высокого уровня продуктивности и притока свежих идей, поэтому для решения поставленной задачи требуется обратиться к уже разработанным ими ранее идейно-теоретическим построениям.

Вместе с тем полагаем, что конструктивистский взгляд на санкции позволил бы обогатить политико-теоретическое понимание природы санкций и их последствий с учетом обозначенной в работе «мутации» санкционной проблематики.

Поскольку попытки объяснить характер и механику современных санкций, опираясь на классическую рациональность, не дают всей полноты картины,

смещение акцентов в сторону подхода, ориентированного в большей степени на аномалии, чем на работающие закономерности, представляется вполне оправданным. В данном случае использована стержневая для европейского конструктивизма идея формирования действительности через ее описание и субъективное восприятие. Данный подход служит ответом на вопрос *почему: почему объяснительные возможности конструктивизма стоит принимать во внимание при изучении санкционной проблематики?*

Отвечая на следующий вопрос — *как* — *как можно применить эти сильные стороны конструктивизма*, — целесообразно обратить внимание на конструктивистскую по своей природе концепцию самосбывающегося пророчества, которая органично встраивается в уже существующий набор теоретических построений относительно как поведения и политики вообще, так и современных санкций.

Рассуждение о санкциях как о самосбывающихся пророчествах, во-первых, резонирует с аргументами междунаро́дников-реалистов и, во-вторых, позволяет содержательно интерпретировать идею о том, почему на первый взгляд невыгодные всем участникам санкционного противостояния правила игры носят настолько устойчивый характер и не подвергаются пересмотру. Это позволяет действовать в системе координат Александра Вендта, поставившего цель пролить свет на «онтологическую реальность интересубъективного знания» (цит. по: [Алексеева 2014: 5]), одновременно не сжигая мосты в отношении других парадигм и не замыкаясь в академическом вакууме. Вероятно, именно такую исследовательскую позицию Т.А. Алексеева удивительно метко назвала «мыслить конструктивистски» [Алексеева 2014].

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. 2014. № 5 (1 (14)). С. 4–21. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1> (14)-4-21
- Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. № 8 (4). С. 30–41. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41>
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.* «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание / отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.* Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 7–13.
- Ананьев Б.И.* Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>

- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014.
- Дарси Д.Д., Сталберг А.Н. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 69–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-04>
- Дрезнер Д. Теперь все по-другому // Россия в глобальной политике. 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Теперь-все-по-другому-20087> (дата обращения: 10.05.2023).
- Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 123–138. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024>
- Кожанов Н.А., Исаев Л.М. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 24–31. <https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3>
- Коньшиев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 94–112.
- Коргун И.А., Толорая Г.Д. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07>
- Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 18. С. 15–25.
- Монаган Э. Новая «Холодная война»? Злоупотребление историей и отказ понять Россию. 2015. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenie-istoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/> (дата обращения: 10.05.2023).
- Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 56–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>
- Сушенцов А.А. Режим санкций и новая экономическая реальность // Россия в глобальной политике. 2017. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sanktsii-i-novayaekonomicheskaya-realnost-18669> (дата обращения: 10.05.2023).
- Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023а. № 2. С. 103–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023б. № 14 (1). С. 22–36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>
- Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 56–71. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.05>
- Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, 2007.
- Фомин И.В., Кокарев К.П., Ананьев Б.И., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А., Чеков А.Д. Академические практики прогнозирования в международных отношениях: методологические доминанты и нерешенные проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 159–193. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193>
- Booth K., Smith S. (Eds.). *International Relations Theory Today*. Oxford: Polity, 1995
- Checler J. *Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases* / ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Drezner D. *The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366>
- Herz H. *Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics*. 1950. Vol. 2, no. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.2307/2009187>

- Holsti O.* Cognitive dynamics and images of the enemy // *Journal of International Affairs*. 1967. Vol. 21, no. 1. Image and Reality in World Politics. P. 16–39.
- Houghton D.* The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. P. 552–584. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00873.x>
- Jervis R.* Dilemmas About Security Dilemmas // *Security Studies*. 2011. No. 20. Iss. 3. P. 416–423. <https://doi.org/0.1080/09636410903133050>
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Revised ed. Princeton University Press, 1976.
- Merton R.* Social Theory and Social Structure. Free Press, 1968.
- Schweller R.* Neorealism's status-quo bias: What security dilemma? // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. P. 90–121. <https://doi.org/10.1080/09636419608429277>
- Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928.
- Vasquez J.* The Power of Power Politics: From Classical Realism to Neotraditionalism. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491733>
- Wendt A.* Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 2. P. 391–425.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

References

- Alekseeva, T.A. (2014). Think like constructivist: Discovering a polyphonic world. *Comparative Politics Russia*, 5, 1(14), 4–21. (In Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Alekseeva, T.A. (2017). Theory of international relations in the mirrors of “scientific pictures of the world”: What’s next? *Comparative Politics Russia*, 8(4), 30–41. (In Russian). <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41>
- Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., Fenenko, A.V., Loshkarev, I.D., & Ananyev, B.I. (2016). Constructivism goes quantum: The approach reform. *MGIMO Review of International Relations*, 6(51), 7–13. (In Russian).
- Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., Loshkaryov, I.D., & Ananyev, B.I. (2018). “Quantum” approach towards international relations. Moscow: Znanie-sila. (In Russian).
- Ananyev, B. (2019). Sanctions in IR: Understanding, defining, studying. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
- Baudrillard J. (2014). *The Transparency of evil*. Moscow: Dobrosvet. (In Russian). [Baudrillard, J. (1993). *The transparency of evil: Essays on extreme phenomena*. Verso.]
- Booth, K., & Smith, S. (Eds.). (1995). *International Relations Theory Today*. Oxford: Polity.
- Checllel, J (2008). Constructivism and foreign policy. In S. Smith, A. Hadfield & T. Dunne (Eds.), *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. Oxford: Oxford University Press.
- Darsey, J., & Stulberg, A.N. (2019). Deaf ears and the U.S.-EU-Russia sanctions tangle: Contending strategic discourses and mutual emboldenment. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 69–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-04>
- Drezner, D. (2019). *The sanctions paradox. Economic statecraft and international relations*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366>
- Drezner, D. (2019). This time is different. Why U.S. foreign policy will never recover. *Russia in global affairs*. Retrieved May 10, 2023, from <https://globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087>

- Feyerabend, P. (2007). *Against method*. Moscow: AST. (In Russian).
- Fomin, I.V., Kokarev, K.P., Ananyev, B.I., Silaev, N.Y., Sushentsov, A.A., & Chekov, A.D. (2018). Forecasting practices in academic IR: Methodological mainstream and unsolved problems. *MGIMO Review of International Relations*, 63(6), 159–193. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193>
- Herz, H. (1950). Idealist internationalism and the security dilemma. *World Politics*, 2(2), 157–180. <https://doi.org/10.2307/2009187>
- Holsti, O. (1967). Cognitive dynamics and images of the enemy. *Journal of International Affairs*, 21 (1 Image and Reality in World Politics), 16–39.
- Houghton, D. (2009). The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations. *International Studies Review*, 11, 552–584. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00873.x>
- Jervis, R. (1976). *Perception and misperception in international politics: New edition*. Princeton University Press.
- Jervis, R. (2011). Dilemmas about security dilemmas. *Security Studies*, 20(3), 416–423. <https://doi.org/10.1080/09636410903133050>
- Kashin, V.B., Piatachkova, A.S., & Krashenninnikova, L.S. (2020) Chinese economic sanctions policy: Theory and practice. *Comparative Politics Russia*, (2), 123–138. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024>
- Konyshev, V.N., Sergunin, A.A., & Subbotin, S.V. (2016). Social constructivism on security problems. *Theories and Problems of Political Studies*, (3), 94–112. (In Russian).
- Korgun, I.A., & Toloraya, G.D. (2022). On the question of effectiveness of sanctions against DPRK. *Polis. Political Studies*, (3), 80–95. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07>
- Kosolapov, N.A. (2008). The “Red lines” and the probability of conflict with the USA. *International trends. Journal of International Relations Theory and World Politics*, 6(18), 15–25. (In Russian).
- Kozhanov, N.A., & Issaev, L.M. (2019). Iran and sanctions: Experience of overcoming and influence on socio-economic development. *Asia and Africa Today*, (7), 24–31. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3>
- Merton, R. (1968). *Social theory and social structure*. Free Press.
- Monaghan, A. (2015). ‘New cold war’? abusing history, misunderstanding Russia. Retrieved May 10, 2023, from <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenie-istoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/>
- Schweller, R. (1996). Neorealism’s status-quo bias: What security dilemma? *Security Studies*, 5, 90–121. <https://doi.org/10.1080/09636419608429277>
- Sergeev, V.M., Kazancev, A.A., & Medvedeva, S.M. (2019). The crisis of constructivism and methodological problems of studying international relations *Polis. Political Studies*, (5), 56–70. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>
- Sushentsov, A.A. (2017). Sanctions and the new reality in economics. *Russia in global affairs*. Retrieved May 10, 2023, from <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sanktcii-i-novayaekonomicheskaya-realnost-18669>
- Thomas, W.I., & Thomas, D.S. (1928). *The child in America: Behavior problems and programs*. New York: Knopf.
- Timofeev, I.N. (2018). American sanctions against Iran: The experience of implementation and the perspectives. *Polis. Political Studies*, (4), 56–71. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.05>
- Timofeev, I.N. (2023b). How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research. *Journal of International Analytics*, 14(1), 22–36. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>

- Timofeev, I.N. (2023a). Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political Studies*, (2), 103–119. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
- Vasquez, J. (1999). *The power of power politics: From classical realism to neotraditionalism. Cambridge Studies in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491733>
- Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.
- Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics. Cambridge studies in international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

Сведения об авторе:

Ананьев Борис Игоревич — старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России (e-mail: b.i.ananyev@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-9880-8830)

About the author:

Boris I. Ananyev — Senior Lecturer at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: b.i.ananyev@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-9880-8830)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-879-891

EDN: VYENMI

Научная статья / Research article

Фрейм-анализ социальных движений: пример динамического подхода к фреймированию

К.В. Жигadlo

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация*

✉ kzhigadlo@hse.ru

Аннотация. Подходы к использованию фрейм-анализа в политических исследованиях социальных движений довольно многообразны. В данном исследовании понятие фреймирования рассматривается как аналитический инструмент для рассмотрения процессов, связанных с гражданским активизмом представителей социальных движений и их собственным освещением этих процессов в рамках позиционирования себя в социальных медиа. В качестве наиболее адекватного предмету исследования в статье представлен так называемый «динамический подход» к фреймированию в применении к кейсу современного российского политического движения «Общество. Будущее» и кампании его активистов по защите Битцевского леса от застройки в 2022–2023 гг. На этом примере описываются различные возможности, предоставляемые исследователям фрейм-аналитической оптикой для работы с анализом социальных движений, в частности — более глубокое понимание причин появления в современном российском публичном пространстве новых социальных движений, обретения ими популярности и поддержки у интернет-аудитории и мобилизации их активистов. Кроме того, предлагается к рассмотрению исследователями ряд новых вопросов о сущности фреймов и их связи с нарративами и сторителлингом.

Ключевые слова: фреймы, фреймирование, фрейм-анализ, социальные движения, социальные медиа, гражданский активизм

Для цитирования: Жигadlo К.В. Фрейм-анализ социальных движений: пример динамического подхода к фреймированию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 879–891. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-879-891>

© Жигadlo К.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Frame Analysis of Social Movements: The Illustration of A Dynamic Approach to Framing

Konstantin V. Zhigadlo

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ kzhigadlo@hse.ru

Abstract. There is a diversity of approaches to the use of frame analysis in political studies of social movements. In this study, the concept of framing is considered as an analytical tool for considering the processes associated with civic activism of social movements' representatives and their subjective coverage of these processes within the framework of positioning themselves in social media. The study presents the so-called “dynamic approach” to framing as the most adequate to the subject of research. It is presented in application to the case of the modern Russian political movement “Future. Society” and the campaigns of its activists to protect the Bitsevsky forest from development in 2022–2023. This example describes various opportunities provided to researchers by frame-analytical optics for working with the analysis of social movements. In particular, it can deepen the understanding of the reasons for the emergence of new social movements in modern Russian public space, their gaining popularity and support among the Internet audience and the mobilization of their activists. In addition, the study suggests that researchers consider a number of new questions about the essence of frames and their connection with narratives and storytelling.

Keywords: frames, framing, frame analysis, social movements, social media, civil activism

For citation: Zhigadlo, K.V. (2023). The frame analysis of social movements: The illustration of a dynamic approach to framing. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 879–891. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-879-891>

Введение

Понятия фрейма и фреймирования многозначны и глубоко укоренены в социальных науках. Базовая концепция фрейма как особого метакоммуникативного определения ситуации была введена в оборот Г. Бейтсоном в 1950-е гг. и получила развитие в 1970-е гг. в трудах И. Гоффмана. Конкретно в политических науках она сегодня тесно ассоциирована с так называемой фрейм-аналитической оптикой. Разные политологи используют последнюю как в исследованиях принятия политических решений, так и в изучении социальных движений [Snow, Benford 1988]. В случае с последними это представляется актуальным и если отталкиваться от идеи экзистенциальных оснований политического в понимании К. Шмитта, который видел ядро политического в противостоянии и различении друга и врага [Шмитт 2007], и если, в соответствии с подходом А. Магуна, рассматривать в качестве политического «сферу коллективного единства людей» [Магун 2011]. И то и другое сполна проявляется в самой идее социального движения. С одной стороны, оно возникает как реакция на определенные события, не устраивающие тех, кто это движение представляет, и связанные с деятельностью тех, кому они оппонируют. С другой стороны, социальное движение всегда

связано с групповыми интеракциями: движение потому и оказывается социальным, что осуществляется за счет какого-то коллектива, — получается, для его осуществления необходимо объединение людей, единство. А в роли маркеров, помечающих определенные враждебные или объединяющие отношения групп между собой и с остальным социумом, выступают фреймы.

Цель данной статьи заключается в попытке обоснования релевантности и перспективности применения в анализе социальных движений фрейм-аналитической оптики — в частности, того, что ряд исследователей называет «динамическим подходом» к фреймированию — на примере изучения одного конкретного кейса известного в современном российском публичном пространстве политического движения под названием «Общество. Будущее» и его кампании по защите Битцевского леса в 2022–2023 гг. Эмпирическую базу исследования составили посты в Telegram на каналах самого движения «Общество. Будущее» и его лидера Романа Юнемана в период с апреля 2022 г. по конец апреля 2023 г. (на момент написания статьи), содержащие упоминания Битцевского леса.

Фреймирование как аналитический инструмент в политических исследованиях: подходы и трактовки

В данной работе мы сосредоточимся конкретно на политологическом определении фреймирования, используемом в анализе политики. Такое определение используют и развивают в своей работе Д. Яноу и М. Ван Хульст, приводящие оригинальную трактовку фреймирования как процесса, включающего в себя элементы селективного отбора и уделяющие особое внимание связи фреймирования с повествованием (storytelling) [Яноу, Ван Хульст 2011]. Следует отметить, что эти авторы говорят о политике конкретно как о «policy» (или «public policy»), т.е. о публичной политике, осуществляемой органами власти и доступной анализу экспертами через исследования нарративов и официальных документов. При этом они не заостряют внимание на анализе политики как «politics», т.е. как на взаимодействии «игроков», вовлеченных в борьбу за власть, отмечая, что используемый ими подход может применяться в том числе и в электоральных исследованиях, и в исследованиях социальных движений. Что интересно, для исследователей последней категории фрейм чаще всего понимается как существительное, тогда как для исследователей публичной политики фрейм — это в большей степени глагол (to frame). Такое различие имеет вполне определенный смысл: если концепт «фрейм» отсылает к статичным и дефинитивным способам обращения с интересующим исследователя предметом, то понятие фреймирования отсылает к описаниям процессуально-ориентированным, так как framing — форма глагола, указывающая на продолжительный характер действия.

При этом две приведенные трактовки не являются взаимоисключающими, а лишь акцентируют внимание на принципиально разных аспектах. Более того, некоторые исследователи [Schön, Rein 1994] смешивают эти подходы и фреймирование, таким образом, стыкуется со смыслообразованием (sense-making),

а характер фреймов декларируется как социально сконструированный. В комбинации с социально сконструированными фреймами процессуально ориентированный подход к фреймированию позволяет использовать фрейм-аналитическую оптику и в отношении идентичностей, которые могут развиваться и меняться с течением времени. А вместе с идентичностями меняются и развиваются и сами фреймы. В одной своей совместной работе Райн и Шён резонно констатируют такое устройство мира политического, при котором все время возникает необходимость в новых фреймах: изменяются политическая ситуация и стандарты объяснения, а объяснения, предлагаемые старыми фреймами, утрачивают актуальность и, соответственно, полезность [Rein, Schön 1996].

Важен и коммуникативный аспект: согласно подходу Гоффмана, фреймы не создаются сознательно, а развиваются и применяются участниками тех или иных взаимодействий именно в процессе коммуникации. Этот подход Гоффман рассматривал именно относительно социальных движений: как уже отмечалось выше, за основу он брал концепцию Бейтсона, которая говорит о так называемой «метакоммуникации», выражающейся в подаче участниками интеракций друг другу сигналов о том, как может быть фреймировано то или иное действие. Для иллюстрации Бейтсон использовал пример с кусающими друг друга обезьянами, укусы которых в разных ситуациях могут быть то игровыми, то боевыми, и ситуативный характер которых обезьянами понимается с помощью определенных сигналов, подаваемых ими друг другу.

Фреймы социальных движений

В 1980-е гг. социологи, психологи и политологи стали чаще оперировать понятием фреймов в исследованиях социальных движений: использование этой концепции позволило им четче объяснять развитие и успешность одних движений и превосходство их над другими в привлечении и мобилизации сторонников [Snow, Benford 1988]. В этой связи особенно интересно рассмотрение ситуации конфликта, в обстоятельствах которого социальные группы могут по-своему определять ситуацию и в соответствии с этим корректировать свои позиции для расширения возможностей по созданию альянсов. Пример такой ситуации конфликта можно представить следующим образом: то или иное организованное движение, занимаясь своей общественно-политической деятельностью, уже исходит из предпосылки конфликта или даже нескольких конфликтов. Так, к конфликту с официальными властями может прибавляться конфликт с другими социальными движениями, причем как с конкретными оппонентами других взглядов, так и с конкурентами со схожими взглядами. В более глобальном смысле можно представить все это как конфликт с действующей системой в целом, как борьбу с текущими социальными проблемами как таковыми. Речь необязательно о каких-то антиобщественных движениях, но и просто о тех, кто занимается чем-то принципиально новым, бросая вызов прежде всего неудовлетворительной для них повседневности, и в этой

борьбе выбирающих в качестве врагов тех, кто ответственен за причины этой неудовлетворительности.

В исследованиях социальных движений, имеющих дело с изучением упомянутых конфликтных ситуаций, исследователи зачастую выстраивают своего рода таксономию фреймов. Из-за этих построений могут утрачиваться такие исходные для гоффмановской концепции элементы, как понимание непреднамеренности создания фреймов и невозможность универсализации фреймов, обусловленная их ситуативным характером. Непреднамеренность ставится под сомнение в связи с тем, что социальные движения все время заняты проработкой всевозможных своих коммуникаций и, соответственно, намеренно могут фреймировать себя и свои действия определенным образом. В современном мире этому активно способствуют политтехнологии, о чем подробнее будет пояснено ниже. У создаваемых движениями фреймов могут быть обнаружены те или иные устойчивые черты, которые могут составлять определенную совокупность. Здесь, правда, встает вопрос о том, что фреймирование социальных движений может осуществляться не только ими самими, но и извне — обществом, масс-медиа и т.д., однако в данной работе мы сосредоточимся прежде всего на фреймировании, которое осуществляется самими социальными движениями и связанными с ними персоналиями, отложив этот вопрос до будущих исследований. В этой связи представляется важным рассмотрение идеи М. Райна о «ценностно-критическом анализе» фреймов. Ценности (и шире идеологии) часто лежат в основе мотивации сторонников того или иного социального движения к деятельному участию в нем. А также ценности неразрывно связаны со смыслами и идеями. Таким образом, неразрывно связано с фреймированием социальных движений оказывается не только смыслообразование, но и анализ ценностей и идей вкуче с их интерпретацией. Интерпретативный политический анализ уже использовался рядом исследователей в связке с анализом фреймов [Yanow, 2003, 2007], в том числе фреймов общественных движений, при котором исследователи стремятся идентифицировать те или иные группы с мобилизацией оппозиционных сил.

Динамический подход к фреймированию

Перейдем к предметному рассмотрению динамического подхода к фреймированию. Согласно Яноу, этот подход фокусируется именно на процессе фреймирования, принимая во внимание социальные и политические аспекты этого процесса [Yanow 2000]. В совместном исследовании [Яноу, Ван Хульст 2011] авторы применяют динамический подход к фреймированию в принятии политических решений на примере выборов мэра в нидерландском городе Утрехт в 2007 г. Однако при описании самого подхода авторы делают оговорку о том, что выстроенная ими теория может быть применима и к другим кейсам, в том числе к социальным движениям. Авторы формулируют четыре аспекта фреймирования в политике:

- 1) работа по производству значений;
- 2) реализация посредством процессов отбора, категоризации и именования (релевантных объектов, ситуаций, акторов и их действий);
- 3) импликация через повествование (storytelling; для удобства использования данного понятия в дальнейшем будем прибегать к устоявшейся в современном русском языке транслитерации — сторителлинг);
- 4) модусы фреймирования, проявляющиеся в механике конструирования смыслов (конкретные общественные проблемы и значения, идентичности авторов нарративов, их взаимоотношения и процесс их взаимодействия; есть и более конкретно поименованные модусы, сформулированные Д. Лакоффом и выстраивающиеся в единую систему — это «герой», «жертва», «преступление», «виновник» и «спасение») [Лакофф 2014].

Дадим отдельные пояснения к первому и третьему аспектам, представляющим для нас особую значимость конкретно в связи с тематикой данной работы.

Сущность фреймирования как работы по производству значений заключается в следующем: это процесс, в ходе которого акторы одновременно создают значения ситуаций и регулируют свое поведение в этих ситуациях сообразно присвоенным им значениям. При этом закладываются условия возможности будущих действий акторов. Таким образом, фреймирование предполагает две операции, которые совершаются синхронно: организацию прошлого опыта и ориентирование будущих действий [Snow, Benford 1988]. В случае с фреймированием социальных движений некоторые исследователи выделяют и третью операцию, которую можно обозначить как «призыв к оружию» (т.е. призыв к каким-либо активным действиям) [Snow, Benford 1988]. Производное от процесса фреймирования в таком случае — это одновременно модель мира и модель действия для акторов в этом мире, т.е. акторы сами создают социально-политический мир, в котором они действуют (и на который воздействуют), отбирая и используя релевантные для них вещи и отбрасывая или игнорируя другие, нерелевантные.

По определению Райна и Шёна, создавая этот мир, акторы совершают «нормативный скачок» [Rein, Schön 1977] от того, что есть, к тому, что должно быть, и возможным такой скачок становится именно благодаря их работе по производству значений (смыслообразованию). При этом важно отметить, что значения и смыслы не находятся в самих вещах, а проявляются в ходе взаимодействия акторов с ними. Акторы действуют по отношению к вещам сообразно тем значениям, которые сами им приписывают на основе тех смыслов, которые они хотели бы сделать общепризнанными [Яноу, Ван Хульст 2011]. При этом речь может идти о довольно абстрактных сущностях: «борьба с государством», «борьба с номенклатурой», «борьба с системой». Наконец, существенно и то, что вся эта работа невозможна без взаимодействий проводящих ее акторов с другими акторами: чтобы фреймирование имело успешные последствия в реальном мире, эта работа должна открывать новые возможности действий для других, а для этого необходима определенная свобода выбора сценариев дальнейшего развития ситуации. Поскольку

в данной работе речь идет о социальных движениях, в основе которых лежат определенные ценности и которые стремятся продвигать эти ценности в массы различными путями, производство смыслов и работа с ними, в том числе посредством донесения их до других акторов и — шире — до больших масс, являются первостепенными.

Нарративы и сторителлинг в контексте фрейм-аналитической оптики

От смыслообразования естественен переход к повествованию, или сторителлингу. Сторителлинг продолжает процесс фреймирования посредством увязки в единый нарратив результатов совершенных ранее операций смыслообразования, отбора, категоризации и именованя релевантных элементов. Этот нарратив становится возможен благодаря определенному сюжету и должен стать «внутренне согласованным, хорошо распознаваемым паттерном» [Rein, Schön 1977]. Правильно рассказанные истории с «правильным» посылом могут оказывать убеждающее воздействие, необходимое акторам и социальным движениям для привлечения и мобилизации сторонников. Причем аспект внешней коммуникации акторов и движений является важной частью как смыслообразования, так и самого сторителлинга (и, соответственно, фреймирования в целом): эти процессы невозможны без донесения смыслов и сюжета до аудитории.

Социальное движение так или иначе подразумевает коллективное действие, для которого нужны основания. Этим основанием может являться интерпретация разработанных смыслов и сюжета, и для успешной реализации действия она должна быть понятна и убедительна для аудитории, на поддержку которой идет расчёт. Нередко акторам для этого необходимо умолчание нежелательных (для их концепции) аспектов. Давший одно из определений фреймирования Р. Энтман справедливо писал, что фреймирование — «это не только то, каким образом что-то преподносится в прессе, но также и умолчание об отдельных сторонах некоего события, явления или личности» [Казаков 2014]. А иногда понятность и убедительность интерпретации обеспечивается благодаря так называемым «блокирующим движениям» [Abolafia 2004], выражающимся, помимо всего прочего, в дискредитации других историй и их авторов, т.е. других акторов. В этих проявлениях заключается социально-политический характер фреймирования. Согласно Яноу и Ван Хульсту, рассмотрение фреймирования как социально-политического процесса предполагает внимание к акторам именно как к авторам историй, к используемым ими способам говорения (а в случае с текстами — стилям письма), комбинациям элементов других историй и механике их опровержения, к новым описаниям старых проблем и предложениям новых решений. При этом необходимо учитывать, что какие-то другие рассказчики делают параллельно то же самое и с ними тоже должна выстраиваться определенная коммуникация — например, поддержка, или, напротив, противостояние.

Иллюстрация: «Общество. Будущее» и кампания по защите Битцевского леса (Москва, 2022–2023)

Рассмотрев наиболее важные аспекты фреймирования в политике, формируемые конкретно в рамках выбранного нами для целей исследования динамического подхода, мы можем перейти непосредственно к применению этого подхода к фреймированию конкретного социального движения. Для этой цели было выбрано политическое движение «Общество. Будущее», лицом и основателем которого является молодой независимый политик Роман Юнеман, участвовавший в выборах в Московскую городскую Думу VII созыва в 2019 г. и занявший 2-е место, проиграв 84 голоса кандидату от мэрии Москвы. Мы специально не рассматриваем ту избирательную кампанию, поскольку речь в таком случае шла бы не столько о социальном движении, сколько о конкретном политике и его участии в электоральных процессах. Однако отметим тот факт, что данная избирательная кампания была подробно описана проводившим ее политтехнологом в публицистической книге-пособии для тех, кто хочет заниматься политикой, что само по себе может считаться элементом фреймирования. Также отметим содержащуюся в книге апелляцию к методу SWOT-анализа при работе с Романом Юнеманом как кандидатом на выборную должность¹.

Деятельность «Общества. Будущее» сосредоточена по разным направлениям, от просветительского (лекции и видеоролики на тему истории и политики) до гуманитарного. Пример последнего — материальная помощь жителям новых регионов РФ, присоединенных в ходе СВО и пострадавших от ведения боевых действий. Одним из важных направлений деятельности движения, на примере которого удобно рассмотреть, как работает динамический подход к фреймированию, является районный экоактивизм, в частности кампания по защите Битцевского леса. Эта кампания ведется активистами «Общества. Будущее» уже не один год и заключается в защите леса от вырубке для застройки. Разберем данный кейс с точки зрения четырех описанных выше аспектов фреймирования в политике:

1. Производство значений в случае с данной кампанией заключается в формировании акторами определенной картины, распространяемой посредством медиа на аудиторию движения для совершения следующего «нормативного скачка»: некие силы (в данном случае — например, подрядчики Департамента капитального ремонта) занимаются в Битцевском лесу (район Чертаново) благоустройством без проектной документации, игнорируя пожелания и законные требования большинства местных жителей с попустительством местных органов власти, что приводит к вырубке леса и таким небезопасным последствиям строительных работ, как потоп², а активисты движения, в свою очередь, пытаются им помешать, используя исключительно легальные методы борьбы (мирные демонстрации, жалобы и обращения в надлежащие инстанции, суд) — это пример

¹ См.: Дубравский П.В. Миссия: выборы. Н. Новгород: Черная Сотня; Листва, 2021. С. 11.

² Телеграм-канал Романа Юнемана. URL: <https://t.me/big3russia/3205> (дата обращения; 5.10.2023).

одной ситуации из общего хода кампании. Другие примеры — выставление на особо охраняемых территориях леса будок, где прохожим разъясняется необходимость урбанизации этой территории, и последовавшие за этим асфальтирование лугового ландшафта, уничтожение подлеска, работа в «заповедных» территориях и т.д.

Все вышеперечисленное относится к состоянию, предшествующую «нормативному скачку», т.е. к условному status quo. А на достижение того, что должно быть, т.е. ситуации оставления Битцевского леса застройщиками, направлены и сами по себе протестные действия акторов движения как экоактивистов, и медийное освещение всей этой кампании. В рамках последнего представителями движения и их лидером Романом Юнеманом создаются определенные смыслы и значения, что, в свою очередь, открывает новые возможности действий для других акторов, будь то сторонники движения и кампании, их противники или иные, формально незаинтересованные лица. Такая работа над смыслообразованием, согласно Яноу и Ван Хульсту, и является залогом успеха фреймирования: на примере анализируемого кейса это отчетливо проявилось, когда кампания, будучи сугубо локальной, но реальной и продолжительной, послужила прообразом для вымышленного сюжета художественного фильма «Непослушная». Причем задействованы в фильме были атрибуты именно этой конкретной кампании, а не какой-то другой похожей или просто вымышленной: так, в картине и в ее официальном трейлере использован логотип «Сохраним Битцевский лес»³, а сюжет перекликается с реальными событиями кампании, о чем сообщил Роман Юнеман, который выразил недовольство тем, что создатели фильма не спросили у авторов логотипа разрешение на его использование, но порадовался такому популярному освещению проблемы⁴. Эта ситуация наглядно свидетельствует о том, что успешные фреймы, созданные социальным движением, во-первых, в какой-то момент начинают жить своей жизнью, а во-вторых, способствуют рождению новых фреймов извне. То есть движения не только фреймируют себя сами, но и оказываются фреймированы другими так, как им самим нужно, без прямого расчета на такой результат.

2. Отбор, категоризация и именование: то, что авторы отбирают для фреймирования собственного движения (определенные события и персоналии), они особым образом именуют и категориально описывают. Так, действия местных властей и застройщика акторы характеризуют как «крупнейшую градостроительную ошибку»⁵, совершающих ее других акторов как «благоустроителей»⁶ (явно в ироническом и, в данном случае, враждебном смысле), а самих себя как «защитников»⁷ леса. Это лишь часть примеров используемых представи-

³ Трейлер х/ф «Непослушная». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K2koCwuAAJk> (дата обращения; 5.10.2023)

⁴ Телеграм-канал Романа Юнемана. URL: <https://t.me/big3russia/3205> (дата обращения; 5.10.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

телями «Общества. Будущее» характерных слов-маркеров, с помощью которых аудитории в социальных сетях доносятся смыслы о том, кто в обозначенной ситуации прав и кто виноват, кто «хороший», а кто «плохой», и как нужно поступить. С помощью таких слов обозначаются не только какие-то конкретные события и персоналии, а целые их категории, под которые, в соответствии с логикой социального конструктивизма, попадают, условно говоря, «свои», «чужие» и совершаемые «чужими» «ошибки».

3. Сторителлинг в данном случае охватывает все медийное освещение кампании самими представителями движения. Складывая в единый стройный нарратив результаты своей работы по производству смыслов и значений и операций отбора, категоризации и именованию, акторы создают для своей аудитории «правильную» историю, способную оказать убеждающее воздействие на тех, кто поддерживает или потенциально может поддержать кампанию и движение в целом. То, что фрейм в дальнейшем находит свое отражение в популярной культуре, свидетельствует об успешности сторителлинга.

4. Модусы фреймирования: исходя из описания предыдущих аспектов, нетрудно определиться с тем, как в механике смыслообразования, осуществляемого акторами движения, проявляются вышеупомянутые описанные Д. Лакоффом модусы. Так, «герои» здесь — активисты социального движения, «жертва» — граждане, чье мнение, права и законные требования игнорировались, «преступление» — неправомерная застройка территории Битцевского леса, «виновники» — это компания-застройщик, подрядчик и местные органы власти, а «спасение» заключается в легальных (что немаловажно) действиях активистов движения: от мирных демонстраций протеста до использования определенных правовых рычагов воздействия вроде обращений, жалоб, суда и т.д. Все эти действия вместе формируют «защиту» пострадавших, их прав и важной для них территории, переходя на более абстрактный и в то же время глобальный уровень — защиту экологии.

Заключение

Приведенный в статье пример того, как динамический подход к фреймированию проявляется во фрейм-анализе социальных движений, свидетельствует и об уместности, и об обширных перспективах использования фрейм-аналитической оптики в исследованиях сферы politics в целом. Этот пример может быть полезен исследователям по ряду причин.

Во-первых, данный подход предполагает (и обеспечивает) такое ментальное упрощение, благодаря которому возможно более глубокое понимание причин появления и популяризации новых социальных движений как таковых. Принимая во внимание описанные здесь модусы фреймирования, можно легко представить любые общественные отношения, возникающие по поводу поддержки того или иного движения, как связанные с ситуациями, где есть «жертвы», нуждающиеся в «спасении» от «преступлений», совершаемых некими «виновниками», и «спасение» это исходит от тех, кто представляет собой социальное движение,

т.е. «героев». При некоторых допущениях такой подход может быть связан с областью современного мифотворчества, качественные исследования на тему которого также представляют собой перспективное направление.

Во-вторых, такое точечное использование фрейм-аналитической оптики может указать ее сторонникам на новые развилки внутри самой теории фреймов как инструмента социологического анализа не только политики, но и культуры, и повседневного мира в целом, благодаря чему могут повыситься ее ценность и интерес к ней у исследователей разных профилей.

Наконец, описанный в статье пример может вывести специалистов, работающих с теорией фреймов, на некоторые существенные вопросы относительно самой сущности фреймов. Например, возможно ли существование авторского права на фрейм? И какие возможности фреймирования разных политических субъектов или процессов извне, в частности в социальных сетях, масс-медиа и поп-культуре, может открывать самим этим субъектам и участникам процессов как творцам собственных новых фреймов? Последнее может относиться и к иной, более обширной исследовательской проблематике: какие бывают способы и какими могут быть результаты внешних воздействий на конкретный нарратив — как в сфере politics, так и в сфере policy? Эти вопросы, как и многие другие, тем или иным образом затрагивающие тему фреймирования, ждут своего исследователя.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 05.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Дубровский П.В. Миссия: выборы. Н. Новгород: Черная Сотня; Листва, 2021.
- Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 4. С. 85–90. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2014-14-4-85-90>
- Лакофф Д. Фрейминг демократов // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 313–318.
- Лопатин С.В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 68–75. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.6876>
- Магун А.В. Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007.
- Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. № 1–2. С. 87–113.
- Abolafia M.Y. Framing moves: interpretive politics at the Federal Reserve // Journal of Public Administration Research and Theory. 2004. Vol. 14, no. 3. P. 349–370. <https://doi.org/10.1093/jopart/muh023>
- Bateson G. A theory of play and fantasy // Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 177–193.

- Dewulf A., Gray B., Lewicki P., Aarts L., Noelle, Bouwen R., van Woerkum C. Disentangling approaches to framing in conflict and negotiation research: a meta-paradigmatic perspective // *Human Relations*. 2009. Vol. 62, no. 2. P. 155–193. <http://dx.doi.org/10.1177/0018726708100356>
- Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*, 1993. Vol. 43, no. 4. P. 51–58. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. New York: Harper and Row, 1974.
- Rein M., Schön D.A. Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice // *Knowledge and Policy*. 1996. Vol. 9, no. 1. P. 85–104. <http://dx.doi.org/10.1007/BF02832235>
- Rein M., Schön D.A. Problem setting in policy research // *Using social research in public policy making* / ed. by C.H. Weiss. Lexington: Lexington Books, 1977. P. 235–251.
- Ricoeur P. *Lectures on Ideology and Utopia* / ed. by G.I. Taylor. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1986.
- Schön D.A. Generative metaphor: a perspective on problem-setting in social policy // *Metaphor and thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 254–283. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139173865.011>
- Schön D.A., Rein M. *Frame reflection: toward the resolution of intractable policy controversies*. New York: Basic Books, 1994.
- Snow D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // *International Social Movement Research*. 1988. Vol. 1. P. 197–217.
- Snow D.A., Rochford E.B. Jr., Worden S.K., Benford R.D. Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51, no. 4. P. 464–481. <http://dx.doi.org/10.2307/2095581>
- Yanow D. Accessing local knowledge: policy analysis and communities of meaning // *Deliberative policy analysis: understanding governance in the network society* / ed. by M.A. Hajer and H. Wagenaar. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 228–246. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490934.010>
- Yanow D. *Conducting interpretive policy analysis*. Newbury Park: Sage, 2000. <http://dx.doi.org/10.4135/9781412983747>
- Yanow D. Interpretation in policy analysis: on methods and practice // *Critical Policy Analysis*. 2007. Vol. 1, no. 1. P. 109–121. <http://dx.doi.org/10.1080/19460171.2007.9518511>

References

- Abolafia, M.Y. (2004). Framing moves: interpretive politics at the Federal Reserve. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 14(3), 349–370. <http://dx.doi.org/10.1093/jopart/muh023>
- Bateson G. (1972). A theory of play and fantasy. In G. Bateson (Ed.), *Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology*. (pp. 177–193). Chicago: University of Chicago Press.
- Dewulf, A., Gray, B., et al. (2009). Disentangling approaches to framing in conflict and negotiation research: a meta-paradigmatic perspective. *Human Relations*, 62(2), 155–193. <https://doi.org/10.1177/0018726708100356>
- Dubrovsky, P.V. (2021). *Mission: Elections*. N. Novgorod: Chernaya Sotnya; Listva (In Russian).
- Entman, R.M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Goffman, E. (1974). *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. New York: Harper and Row.
- Kazakov, A.A. (2014). Framing of media texts as a tool for influencing the audience *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 14(4), 85–90. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2014-14-4-85-90>

- Lakoff, D. (2014). Framing Democrats. *Political Linguistics*, 4(50), 313–318. (In Russian).
- Lopatin, S.V. (2019). Political framing as a strategy for manipulating political consciousness. *Discourse-Pi*, 1(34), 68–75. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.6876>
- Magun, A.V. (2011). *Unity and loneliness: The course of political philosophy of the New Time*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Rein, M., & Schön, D.A. (1977). Problem setting in policy research. In C.H. Weiss (Ed.), *Using social research in public policy making* (pp. 235–251). Lexington: Lexington Books.
- Rein, M., & Schön, D.A. (1996). Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice. *Knowledge and Policy*, 9(1), 85–104. <http://dx.doi.org/10.1007/BF02832235>
- Ricoeur, P. *Lectures on Ideology and Utopia*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1986.
- Schmitt, K. (2007). *The theory of the partisan*. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Schön, D.A. (1979). Generative metaphor: a perspective on problem-setting in social policy. In A. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought* (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139173865.011>
- Schön, D.A., & Rein, M. (1994). *Frame reflection: toward the resolution of intractable policy controversies*. New York: Basic Books.
- Snow, D.A., & Benford, R.D. (1988). Ideology, frame resonance, and participant mobilization. *International Social Movement Research*, 1, 197–217.
- Snow, D.A., Rochford, E.B. Jr., Worden, S.K., & Benford, R.D. (1986). Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation. *American Sociological Review*, 51(4), 464–481. <http://dx.doi.org/10.2307/2095581>
- Yanow, D. (2000). *Conducting interpretive policy analysis*. Newbury Park: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781412983747>
- Yanow, D. (2003). *Accessing local knowledge: policy analysis and communities of meaning*. In M.A. Hajer & H. Wagenaar (Eds.), *Deliberative policy analysis: Understanding governance in the network society*. (pp. 228–246). New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490934.010>
- Yanow, D., & Van Hulst, M. (2011). The political/process promise of policy framing. *The Russian Sociological Review*, 1–2, 87–113. (In Russian).
- Yanow, D. (2007). Interpretation in policy analysis: on methods and practice. *Critical Policy Analysis*. 1(1), 109–121. <http://dx.doi.org/10.1080/19460171.2007.9518511>

Сведения об авторе:

Жигadlo Константин Викторович — аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, преподаватель департамента политики и управления, приглашенный преподаватель факультета креативных индустрий, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: kzhigadlo@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-5138-3601)

About the author:

Konstantin V. Zhigadlo — graduate student of Doctoral School of Political Science, Lecturer of Department of Politics and Governance, Visiting Lecturer of Faculty of Creative Industries, intern of Politics & Psychology Research Laboratory, Higher School of Economics (e-mail: kzhigadlo@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-5138-3601)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-892-916
EDN: WEPJVV

Научная статья / Research article

Влияние групп интересов на внешнеполитический курс США при Д. Трампе: опыт когнитивного анализа

Н.А. Скляр

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

✉ niknikic@mail.ru

Аннотация. Значительные изменения во внешнеполитическом курсе США, которые сначала декларировались во время предвыборной кампании, а затем начали последовательно реализовываться Дональдом Трампом и его администрацией, шли во многом в разрыв с устоявшейся и в целом достаточно стабильной и преемственной внешнеполитической стратегией, что сделало данный казус предметом многочисленных анализов и исследований. Рассматривается тема влияния групп интересов на внешнеполитический курс США при Д. Трампе через призму нескольких подходов — теории групп интересов, сетевого подхода, когнитивного анализа (с использованием методики когнитивного картирования). По итогам проведенного исследования были получены практические результаты в виде когнитивных карт ключевых спикеров администрации Д. Трампа, а также выявлены ограничения используемой методологии в рамках проведенного анализа.

Ключевые слова: группы интересов, внешняя политика США, Дональд Трамп, сетевой подход, когнитивное картирование

Для цитирования: Скляр Н.А. Влияние групп интересов на внешнеполитический курс США при Д. Трампе: опыт когнитивного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 892–916. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-892-916>

© Скляр Н.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Influence of Interest Groups on U.S. Foreign Policy under D. Trump: An Experience of Cognitive Analysis

Nikita A. Sklyarov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ niknikic@mail.ru

Abstract. Significant changes in U.S. foreign policy, which were first declared during the election campaign and then began to be consistently implemented by Donald Trump and his administration, were in many ways a break with the established and successive foreign policy strategy, which has made this case the subject of numerous analyses and studies. This study attempts to examine the influence of interest groups on U.S. foreign policy under D. Trump through the prism of several approaches — interest group theory, network approach, cognitive analysis (using cognitive mapping methodology). As a result of the conducted research, practical results in the form of cognitive maps were obtained, and the limitations of the used methodology within the framework of the analysis of this case study were revealed.

Keywords: interest groups, U.S. foreign policy, Donald Trump, network approach, cognitive mapping

For citation: Sklyarov, N.A. (2023). The influence of interest groups on U.S. foreign policy under D. Trump: An experience of cognitive analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 892–916. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-892-916>

Введение

После победы на выборах кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа произошли кардинальные изменения во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. США заморозили переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) со странами Европейского Союза¹, вышли из Торгового соглашения между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона (ТТП)², отменили ядерную сделку с Ираном, заключенную предыдущей администрацией³, пересмотрели Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)⁴, признали Иерусалим столицей Израиля и совершили еще целый ряд действий, ставящих под сомнение или пересматривающих основные внешнеполитические приоритеты, провозглашаемые предыдущей администрацией Б. Обамы.

¹ США реанимируют Трансатлантическое партнерство // Новая Газета. 25.04.2017. URL: http://www.ng.ru/world/2017-04-25/7_6981_usa.html (дата обращения: 30.10.2022).

² The United States Officially Withdraws from the Trans-Pacific Partnership // Office of the United States Trade Representative 2017. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/january/US-Withdraws-From-TPP> (accessed: 16.10.2022).

³ США вышли из ядерной сделки с Ираном и вернули санкции. Что дальше? // ТАСС 05.11.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4580506> (дата обращения: 25.10.2022).

⁴ США, Канада и Мексика договорились о замене НАФТА // Русская служба BBC 1.10.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45703429> (дата обращения: 15.10.2022).

Кроме того, риторика руководящих должностных лиц, ответственных за принятие внешнеполитических решений, по целому ряду направлений диаметрально противоположна высказываниям Барака Обамы, Джона Керри, и других лиц предыдущей команды. Так, например, Б. Обама, комментируя результаты референдума по выходу Великобритании из ЕС, осудил Брекзит и заявил, что Великобритания будет «в конце очереди на подписание торгового соглашения с США»⁵, в то время как Дональд Трамп всячески подчеркивал, что «Брекзит является позитивным событием»⁶ и «США будут готовы подписать торговое соглашение с Великобританией в случае ее выхода из Европейского Союза»⁷. Можно привести еще целый ряд подобных расхождений.

Данные отличия между курсами двух администраций и позициями их представителей являются плодотворным полем для проведения научных исследований, нацеленных на выявление, во-первых, причин таких различий и, во-вторых, на разработку научного инструментария, позволяющего предсказывать и прогнозировать развитие схожих ситуаций.

Влияние групп интересов на внешнеполитический курс США анализируется с использованием разных научных подходов целым рядом исследователей как в России, так и за рубежом.

Влияние групп интересов и групп давления на внешнюю политику США изучают, М. Кох [Koch 2015], Л.Р. Якобс [Jacobs 2014], М. Гроссманн [Grossmann 2012], Д. Миршаймер [Mearsheimer 2007] и др. В России данная тема также активно исследуется целым рядом исследователей — И. Лошкаревым [Лошкарев 2017], А.А. Гришановым, М.А. Сучковым, А.А. Сушенцовым [Гришанов 2013; Сучков 2013; Сушенцов 2018], Пареньковым [Пареньков, Сушенцов, Лошкарев, 2018] и др. Также есть большое количество исследований групп интересов в США.

Основоположником теории заинтересованных групп является американский политолог Артур Бентли, который ввел термин «группа» как базовую единицу общества [Bentley 1967]. Развивая это направление, Д. Трумэн выделил отдельную категорию «политические группы» [Truman 1968]. М. Олсон использовал экономический подход при анализе групп интересов для понимания логики действий групп интересов [Olson 1965]. Были выделены отличия между партиями и группами интересов [Wilson 1990; Джордан 1997; Schattschneider 1948]. Политический аспект деятельности групп интересов подробно рассматривался рядом исследователей [Berry 2009; Sekwat 1998; Harris 1986].

⁵ Британия в случае Brexit не сможет быстро подписать торговые соглашения с США — Обама // Россия Сегодня. 22.04.2016. URL: <https://1prime.ru/News/20160422/825033503.html> (дата обращения: 30.10.2022).

⁶ Donald Trump on EU: 'Brexit is a good thing' // BBC 2016. URL: <https://www.bbc.com/news/av/uk-scotland-36617669/donald-trump-on-eu-brexit-is-a-good-thing> (accessed: 16.10.2022).

⁷ Donald Trump criticizes Theresa May for 'how badly' Brexit talks have gone // The Guardian March 14, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/mar/14/trump-brexit-theresa-may-uk-criticism-talks-latest-news> (accessed: 16.10.2022).

Принимая во внимание тот факт, что США имеют развитое гражданское общество и являются сложноорганизованной системой с большим количеством социальных групп, имеющих различные (а зачастую и прямо противоположные) интересы, а также то, что их политическая модель предполагает активное участие различных групп в политике (легальный лоббизм, система представительства интересов), одной из ключевых составляющих методологического аппарата данного исследования будет являться теория групп интересов.

В самом широком смысле *группа интересов* — это объединение людей для удовлетворения и отстаивания значимых для данной группы интересов и потребностей. Группы интересов способны различными способами оказывать влияние на принятие решений [Зудин 2009].

В основе группы интересов лежит определенный интерес, связанный с какой-либо сферой жизнедеятельности индивида. Такой сферой может быть как интерес развития семьи (клановая группа), повышение эффективности организации (корпоративная группа), так и разработка и открытие новых месторождений газа или расширение сельскохозяйственных угодий (отраслевые группы).

Существует две основные модели групп интересов: неокорпоративистская (Австрия, Швеция) и плюралистическая (США, Великобритания) [Зудин 2009].

Исходя из специфики темы исследования, необходимо оговорить основные характеристики плюралистической модели групп интересов. Плюралистическая модель групп интересов базируется на расширенном понимании частной сферы при четкой функциональной дифференциации государства и экономики.

Основные характеристики данной модели: высокая автономия участников, наличие многочисленных, но относительно слабых и конкурирующих между собой ассоциаций бизнеса, полицентричная и децентрализованная система представительства интересов, политические партии, не отличающиеся высокой внутренней дисциплиной (возможность для бизнеса продвигать интересы, не прибегая к сотрудничеству ассоциаций и политических партий), контрастный режим публичности (в зависимости от отрасли), невысокий уровень бюрократизации, ориентация на открытое соперничество при продвижении интересов. Специфика данной модели обусловлена условиями развития США как системы [Зудин 2009].

Учитывая специфику данного исследования и контекст американской политической системы для анализа влияния групп интересов на выработку и реализацию внешнеполитического курса США, необходимо обратиться к сетевому подходу в государственном управлении.

Политические сети имеют ряд характеристик, отличающих их от других форм управленческой деятельности:

- Сети являются структурой управления публичными делами, связывающей государство и группы интересов. Данную структуру можно описать как определенное количество государственных учреждений и групп интересов, имеющих общий интерес.
- Цель существования политической сети заключается в выработке соглашений, приемлемых для всех участников, в процессе обмена имеющимися у акторов ресурсами. Иными словами, участники сети заинтересованы друг в друге.

- Важной составляющей сети является общий кооперативный интерес. Это отличает отношения в сети от рыночных отношений.
- Каждый участник может воздействовать на процесс выработки решений, так как сети присущи не вертикальные (иерархические) отношения, а горизонтальные.

Преимущества данного подхода:

1. Концепция политических сетей акцентирует внимание на отношениях между современным обществом и государственным управлением. Концепция политических сетей относится к концепциям среднего уровня, т.е. в ней раскрываются не отношения между собственно обществом и государством, а между управленческими структурами и общественными и бизнес-ассоциациями.
2. Концепция политических сетей рассматривает государство и его институты как важный, но не единственный субъект, участвующий в выработке решений. В противоположность идее относительной независимости государства в политике в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними. Кроме того, сетевой подход предполагает иной тип управления — «руководство», понимаемое как коллективное управление в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы.
3. В сетевом подходе утверждается, что идеи, верования и ценности являются конструктивными для логики взаимодействия внутри сети [Сморгунов, Альгин, Барыгин 2006].

В приложении к исследовательскому вопросу данной работы сетевой подход позволяет рассмотреть принятие политических решений не как итоговый «продукт», созданный в ходе деятельности властной иерархии, а как процесс, в котором участвуют группы интересов, включенные в процесс выработки и принятия политических решений благодаря связи с конкретными представителями государственных институтов.

В связи с необходимостью ответа на *исследовательский вопрос (какие группы интересов влияют на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений в США?)* была определена конкретная методика.

В статье будет проводиться анализ текстов (в понятие текст включаются выступления, статьи и интервью анализируемых спикеров) лиц, принимающих непосредственное участие в выработке и принятии внешнеполитических решений. Такой анализ позволит зафиксировать наличие принципиальных различий в позициях данных лиц (на языке используемого подхода это называется «когнитивные карты») по внешней политике США, что будет говорить, исходя из логики сетевого подхода, о наличии разных сетей, непосредственно влияющих на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений.

Концептуальная структура, которой пользуется политик для описания и анализа ситуаций, является рабочей системой, в рамках которой данное лицо

рассматривает конкретную анализируемую проблему или ситуацию в целом [Коктыш 2019]. Выявив эту концептуальную структуру, мы можем моделировать позицию сети как по данному конкретному вопросу, так и в целом на ценностном уровне. Исходя из логики данного подхода, можно анализировать политический текст не с точки зрения его непосредственного содержания: того, какие в тексте упоминаются исторические события, какие перечисляются акторы и какие разбираются действия. Текст можно рассмотреть с целью извлечения той концептуальной системы, которая стоит за текстом [Коктыш 2014]. По Р. Аксельроду, когнитивная карта представляет собой совокупность утверждений, связанных между собой каузальными связями. Посредством подобных каузальных связей выстраиваются цепочки последовательных утверждений, которые и формируют «картину мира» лица, принимающего решения по конкретной проблеме⁸.

В соответствии с логикой сетевого подхода лица, принимающие решения по внешнеполитическим вопросам, встроены в определенные сети групп интересов и тем самым они, непосредственно влияя на процесс принятия решений, представляют интересы сети. Поэтому анализ когнитивных карт данных лиц позволит ответить на два вопроса:

- 1) сколько сетей оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений (исходя из тезиса о том, что лица, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений, могут являться представителями какой-либо одной сети, консолидированную позицию которой они представляют);
- 2) какие онтологические интеграторы и ценности присущи каждой из обнаруженных сетей.

Практическая часть исследования

Для ответа на данные вопросы в исследовании в качестве первого этапа были выполнены следующие дополнительные действия: осуществлен отбор тем, по которым будут строиться когнитивные карты, определен круг лиц, чьи высказывания по выбранным темам будут анализироваться, осуществлен поиск высказываний в сети Интернет выбранных лиц по выбранным темам с соблюдением ряда критериев, подсчитано общее количество высказываний данных лиц по выбранным темам, отобраны тексты, содержащие интеграторы, подсчитано количество высказываний каждого из лиц.

Отбор тем для анализа высказываний осуществляется в соответствии со следующими критериями: актуальность в рамках существующего общественно-политического дискурса, тематическая близость (подбор тем, касающихся разных

⁸ *Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Петров К.Е., Чимирус Е.С., Орлова А.С.* БРИК — политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России // Аналитический доклад / под ред. В. Сергеева; ИМИ МГИМО МИД РФ. Москва, 2010. 80 с. URL: https://mgimo.ru/files2/y02_2011/180840/ad-24.pdf (дата обращения: 04.10.2022).

регионов и разных сфер деятельности может осложнить анализ), сочетание нескольких сфер (пересечение экономики, политики и т.п.), часто комментируются выбранными спикерами.

Определение круга лиц, чьи высказывания будут анализироваться, обусловлено принятой методологией. Так как именно лица, влияющие на принятие внешнеполитических решений, представляют консолидированную позицию социальной сети, будут анализироваться тексты государственных чиновников, имеющих такое влияние.

Поиск высказываний в сети Интернет осуществляется в соответствии со следующими критериями: использование только достоверных источников (официальные сайты, сайты крупнейших новостных агентств), соответствие определенному временному интервалу, соответствие анализируемой теме, наличие интеграторов текста.

Интеграторы являются элементами текста, играющими ключевую роль в его построении. При отсутствии интегратора тексты теряют смысл, поэтому уместно сравнивать интегратор с цементом или клеем, соединяющим разрозненные элементы текста. Интеграторами могут быть идеи, концепты, метафоры, сравнения⁹.

Следующим этапом в исследовании были осуществлены данные дополнительные действия: из найденных текстов были вычленены необходимые фрагменты, включающие интеграторы, необходимые для построения когнитивных карт, на основе вычлененных интеграторов были построены когнитивные карты (карта) выбранных спикеров, проведен анализ когнитивных карт выбранных спикеров, на основе данного анализа определены сеть (сети), влияющие на процесс выработки и принятия политических решений в США.

Таким образом, по нашему мнению, использование данной методики позволяет понять основные ценностные и онтологические интеграторы групп интересов, влияющих на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений в составе сетей.

В рамках исследования были выбраны следующие темы: позиция США по НАТО, позиция США по выходу Великобритании из Европейского Союза, Европейский Союз.

Выбор первой темы был обусловлен тем, что еще в период предвыборной кампании Д. Трамп актуализировал дискуссию о заинтересованности США в существовании альянса НАТО в его нынешнем виде. На том этапе такая постановка вопроса вызвала шквал критики и непонимания, так как даже сама постановка такого вопроса шла вразрез с политикой США на данном направлении, осуществлявшейся многие десятилетия. После его победы на выборах президента США данная дискуссия вышла на международный уровень, вызвав значительную тревогу и неопределенность у членов альянса. Данная позиция зачастую вызывает

⁹ Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Петров К.Е., Чимириц Е.С., Орлова А.С. Новое пространство мировой политики: взгляд из США // Аналитический доклад / под ред. В. Сергеева; ИМИ МГИМО МИД РФ. Москва, 2011. 130 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d60/d6064bd254321e4e7541c4dd79c6cadd.pdf> (дата обращения: 04.10.2022).

прямо противоположные оценки у разных комментаторов, экспертов и политиков, поэтому анализ данной темы может стать одним из важных показателей наличия или отсутствия расхождений по данному вопросу среди лиц, влияющих на процесс принятия и выработки внешнеполитических решений и, соответственно, проверить наличие сетей, за которыми могут стоять данные лица.

Выбор второй темы обусловлен схожими причинами. Тема выхода из ЕС являлась очень актуальной и широко обсуждаемой. Европейский Союз, являясь одним из ключевых партнеров США на международной арене, заинтересован в сохранении своего единства, поэтому позиция ключевых внешнеполитических стейкхолдеров США по данному вопросу является важным показателем приоритетов, ценностей и интересов, из нее можно вычленировать интеграторы сети.

Третья тема тесно связана со второй, чем в значительной степени был обусловлен ее выбор. На фоне приостановки и перезапуска переговоров по ТТИП, взаимных ограничений, критики, постоянных переговоров данная тема потенциально является богатой на поиск важных для данного исследования интеграторов.

В соответствии с описанной методикой следующим этапом является определение лиц, которые будут анализироваться в рамках данного исследования. Как было упомянуто, так как именно лица, влияющие на принятие внешнеполитических решений, представляют консолидированную позицию социальной сети, будут анализироваться высшие политические деятели американской политики, имеющие такое влияние (табл. 1).

Отбор текстов выбранных спикеров был осуществлен в рамках следующего временного интервала: с занятия должности (в случае президента Дональда Трампа и вице-президента Майка Помпео также включается период предвыборной кампании) — по апрель 2019 г. (в дальнейшем возможно расширение временных сроков, что требует дополнительного времени и ресурса).

Таблица 1

**Статус высших должностных лиц США,
делавших внешнеполитические заявления в 2018–2019 г.**

Спикер	Должность
Дональд Трамп	Президент
Майк Пенс	Вице-президент
Майк Помпео	Государственный секретарь
Джон Болтон	Советник президента по национальной безопасности

Источник: составлено автором.

Table 1

Status of senior US officials who made foreign policy statements in 2018–2019

Спикер	Должность
Donald Trump	President
Mike Pence	Vice President
Mike Pompeo	Secretary of State
John Bolton	National Security Advisor

Source: compiled by the author.

Далее был осуществлен поиск публикаций и выступлений спикеров. По итогам данного этапа исследования было собрано 70 высказываний по трем темам (табл. 2). Можно отметить, что было собрано большое количество высказываний, относящихся к выбранным темам, что позволяет произвести анализ по вычлениению интеграторов и построению когнитивных карт всех четырех спикеров. Такое количество собранных высказываний также выступает подтверждением тезиса об актуальности выбранных тем, а также того, что данные темы занимали важное положение в общественно-политическом дискурсе в данный период времени. Еще один важный вывод по итогам первичного сбора высказываний заключается в том, что они распределены по всему временному периоду анализа, что позволяет получить более объективную картину, свободную от конъюнктуры конкретной политической ситуации.

Таблица 2

Общее количество высказываний высших должностных лиц США по анализируемым темам в 2018–2019

Спикер	Количество высказываний	Высказывания, содержащие интеграторы
Дональд Трамп	31	19
Майк Пенс	16	12
Майк Помпео	15	9
Джон Болтон	8	5
Общее количество высказываний	70	46

Источник: составлено автором.

Table 2

Total number of statements by senior US officials on the analyzed topics in 2018–2019

Speaker	Statements count	Statements which contain integrators
Donald Trump	31	19
Mike Pence	16	12
Mike Pompeo	15	9
John Bolton	8	5
Total number of statements	70	46

Source: compiled by the author.

Отобранные тексты содержат интеграторы, которые необходимы для построения когнитивных карт выбранных спикеров. Исходя из полученных результатов можно сказать, что наиболее активным спикером по анализируемым темам выступает Дональд Трамп (43 % текстов), на втором месте стоит Майк Пенс (27 %), третьим является Майк Помпео (20 %) и последним Джон Болтон (10 %).

После составления когнитивных карт спикеров по выбранным темам необходимо перейти к завершающему этапу исследования, позволяющему дать ответ на исследовательский вопрос работы об определении сетей, непосредственно влияющих на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений в США.

Определение таких сетей будет осуществляться на основе сопоставления интеграторов когнитивных карт спикеров друг с другом. Такое сопоставление позволяет выявить различия в дискурсе и, как следствие, определить базовые расхождения в представлениях о внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов у спикеров.

Исходя из выявленных расхождений устанавливается количество сетей, которые оказывают влияние на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений в США.

Сравнение когнитивных карт спикеров по теме «отношение США к НАТО»

Когнитивные карты спикеров по данной теме получились различными как по размеру, так и по содержанию. Так, когнитивная карта Д. Трампа содержит 13 интеграторов (рис. 1).

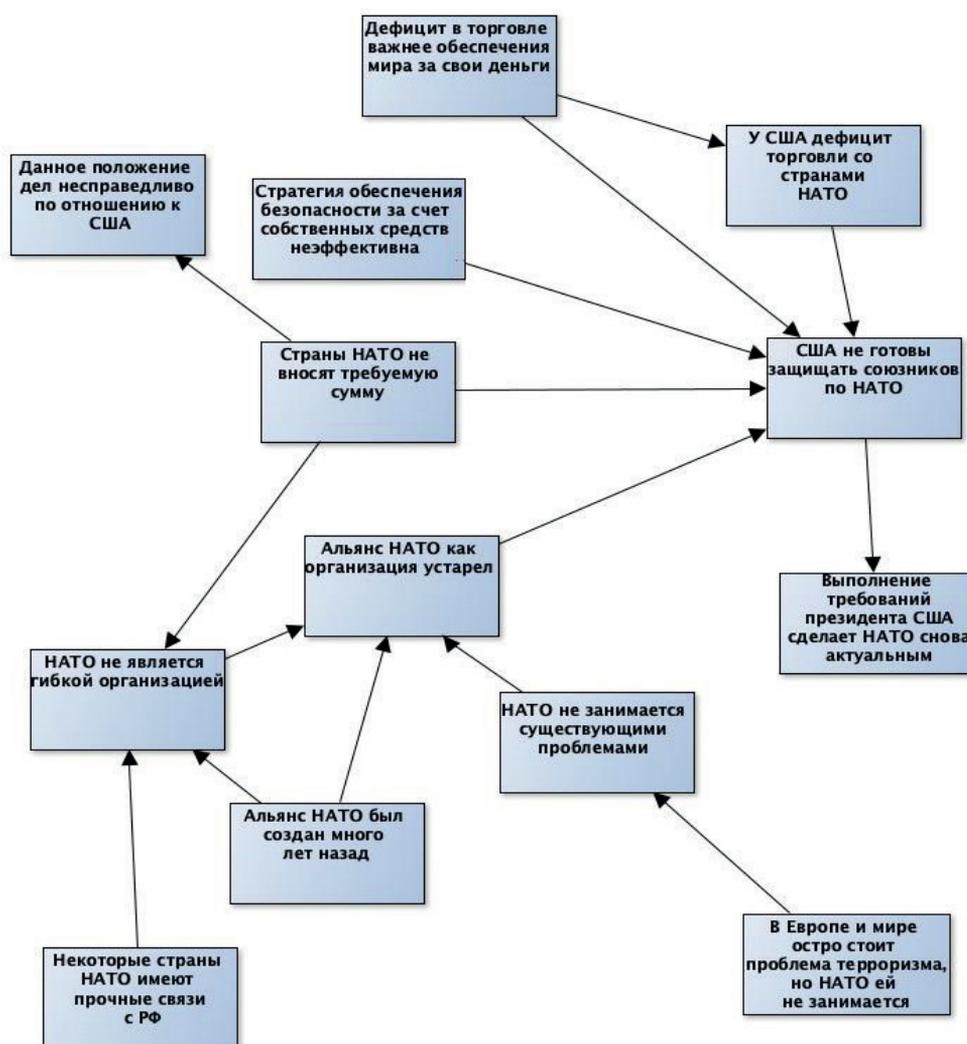

Рис. 1. Когнитивная карта Д. Трампа

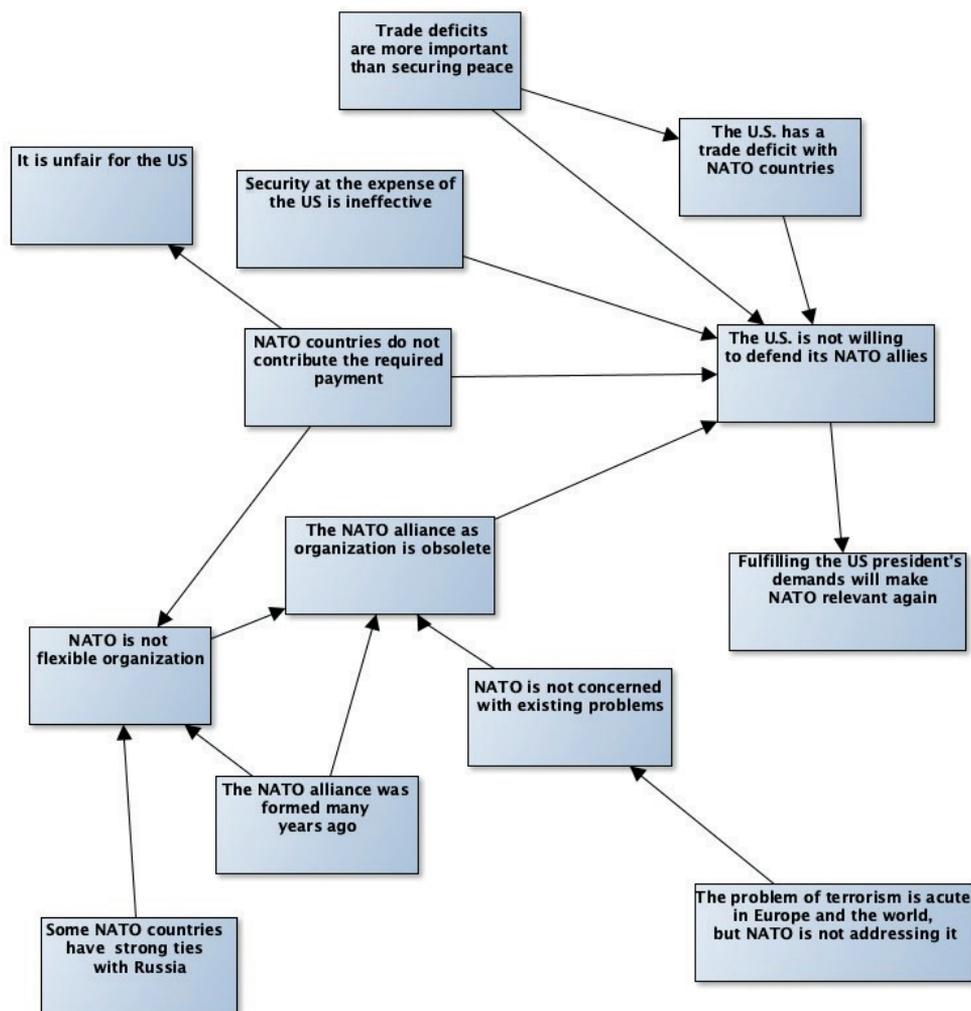

Figure 1. Cognitive map of D. Trump

Когнитивная карта базируется на одном ключевом интеграторе — США не готовы защищать НАТО, если не будет изменено существующее положение вещей в организации.

Основной вывод, который можно сделать по итогам построения когнитивной карты, — в ней полностью доминирует внутривнутриполитическая повестка. Кроме того, все интеграторы так или иначе связаны с экономикой, — нет интеграторов, обосновывающих ценность НАТО как форпоста «свободных» стран, имеющих общие цели и ценности с США.

В когнитивной карте Майка Пенса содержится 11 интеграторов (рис. 2).

Ключевой интегратор спикера по данной теме следующий: США в любой ситуации будут защищать союзников и следовать пункту 5 договора о Североатлантическом Альянсе. Примечательно, что данный интегратор содержится практически во всех текстах М. Пенса, что говорит о принципиальной важности для спикера данного тезиса. Спикер дополнительно подкрепляет данный тезис ссылками на то, что, по его словам, и президент, и народ США поддерживают НАТО.

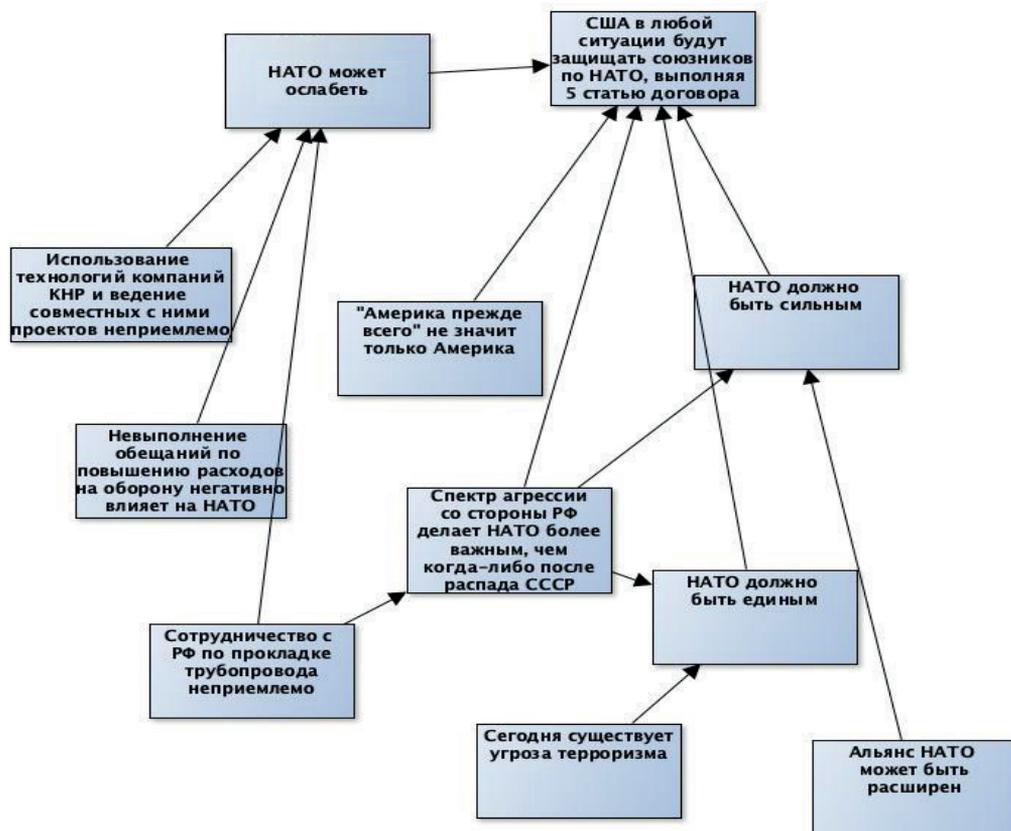

Рис. 2. Когнитивная карта Майка Пенса

В когнитивной карте Майка Пенса по данной теме доминирует внешнеполитическая тематика — важность альянса обосновывается «агрессией» со стороны России и угрозой, которую представляет для стран — членов альянса терроризм.

В отношении темы взносов стран-членов 2 % ВВП на оборону, которая является ключевой в дискурсе Д. Трампа по данной теме, Майк Пенс также делает акцент на важность повышения взносов союзниками по альянсу, однако важно отметить, он связывает необходимость повышения выплат с тезисом «НАТО может ослабеть», в то время как Трамп связывает данное требование с тезисами «США не готовы защищать союзников по НАТО» и «Данное положение дел несправедливо для США».

Кроме того, важно отметить совпадение по времени между выступлениями Д. Трампа и М. Пенса, когда первый резко выступает с угрозами и требованиями к НАТО, повторяя интеграторы, представленные в его когнитивной карте, второй через короткий промежуток времени выступает с заверениями о том, что США всегда будут привержены альянсу и готовы его защищать при любом раскладе, используя во многом диаметрально расходящуюся с позицией Д. Трампа аргументацию, что видно по самым первым выступлениям по данной теме на Республиканском национальном конвенте.

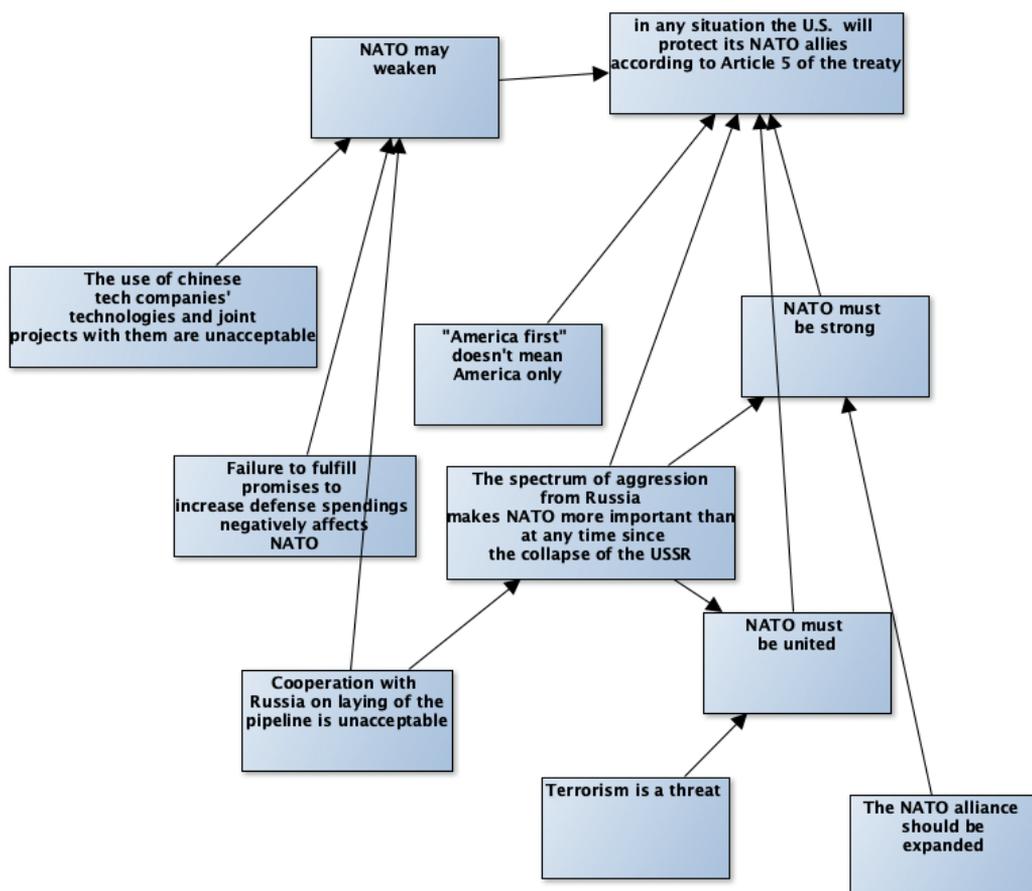

Figure 2. Mike Pence Cognitive Map

В когнитивной карте Майка Помпео содержится 16 интеграторов (рис. 3). Примечательно, что когнитивная карта данного спикера получилась самой объемной, хотя он занял пост государственного секретаря только с начала 2018 г.

Ключевые интеграторы, содержащиеся в когнитивной карте спикера, следующие:

- НАТО работает в американских интересах;
- Альянс НАТО должен быть адаптирован к новым вызовам;
- Альянс НАТО сейчас более необходим, чем когда-либо.

Важность НАТО обосновывается, как и в когнитивной карте Майка Пенса, существованием угрозы со стороны России («Россия пытается дестабилизировать НАТО»). Кроме того, упоминается важность адаптации альянса к новым вызовам.

В отличие от когнитивной карты по данной теме Д. Трампа у М. Помпео отсутствует тезис о том, что США могут выйти из НАТО и отказаться соблюдать 5-ю статью договора в случае невыполнения их требований. Увеличение взносов на оборону связывается, как в карте М. Пенса, с угрозой со стороны России и, как следствие, необходимостью для НАТО «быть сильными».

Таким образом, можно сделать вывод, что между когнитивными картами Д. Трампа, с одной стороны, и М. Пенса и М. Помпео — с другой, существуют значительные расхождения.

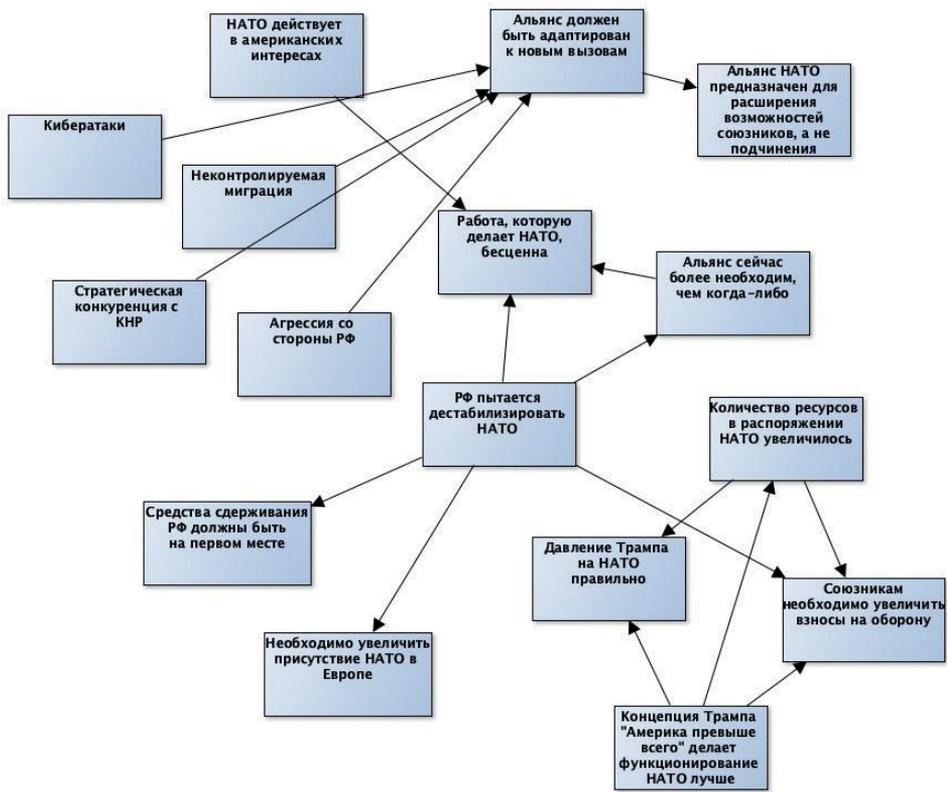

Рис. 3. Когнитивная карта Майка Помпео

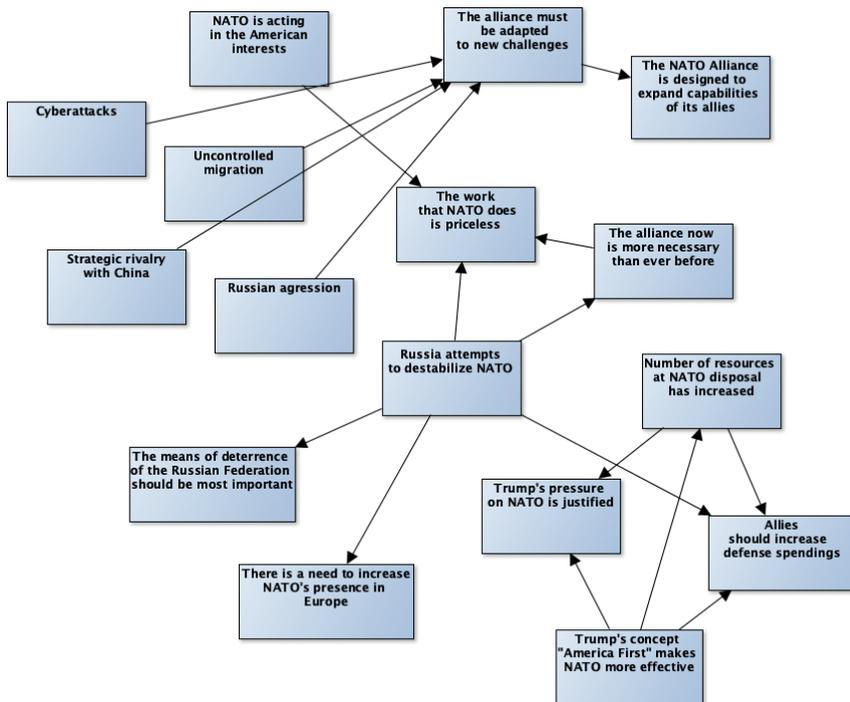

Figure 3. Mike Pompeo Cognitive Map

Сравнение когнитивных карт спикеров по теме отношения США к выходу Великобритании из Европейского Союза

Когнитивные карты спикеров по данной теме получились схожими по ключевым интеграторам. При этом по итогам анализа не было найдено текстов Майка Пенса по данной теме.

Когнитивная карта Д. Трампа по данной теме получилась на порядок меньше, чем по предыдущей (рис. 4).

Три ключевых интегратора, содержащихся в когнитивной карте спикера:

- США готовы заключить большое торговое соглашение с Великобританией в случае выхода Великобритании из Европейского Союза;
- для Великобритании будет лучше, если она выйдет из ЕС;
- Брекзит является позитивным событием.

В целом можно сказать, что в данной карте спикера также доминирует экономическая повестка. Трамп подчеркивает, что ЕС является жестким в отношении торговли партнером США, из чего следует, что Великобритании необходимо выйти из ЕС, что будет экономически выгодно для США и Великобритании.

В когнитивной карте Майка Помпео по данной теме, несмотря на ее небольшой размер, содержатся схожие интеграторы (рис. 5).

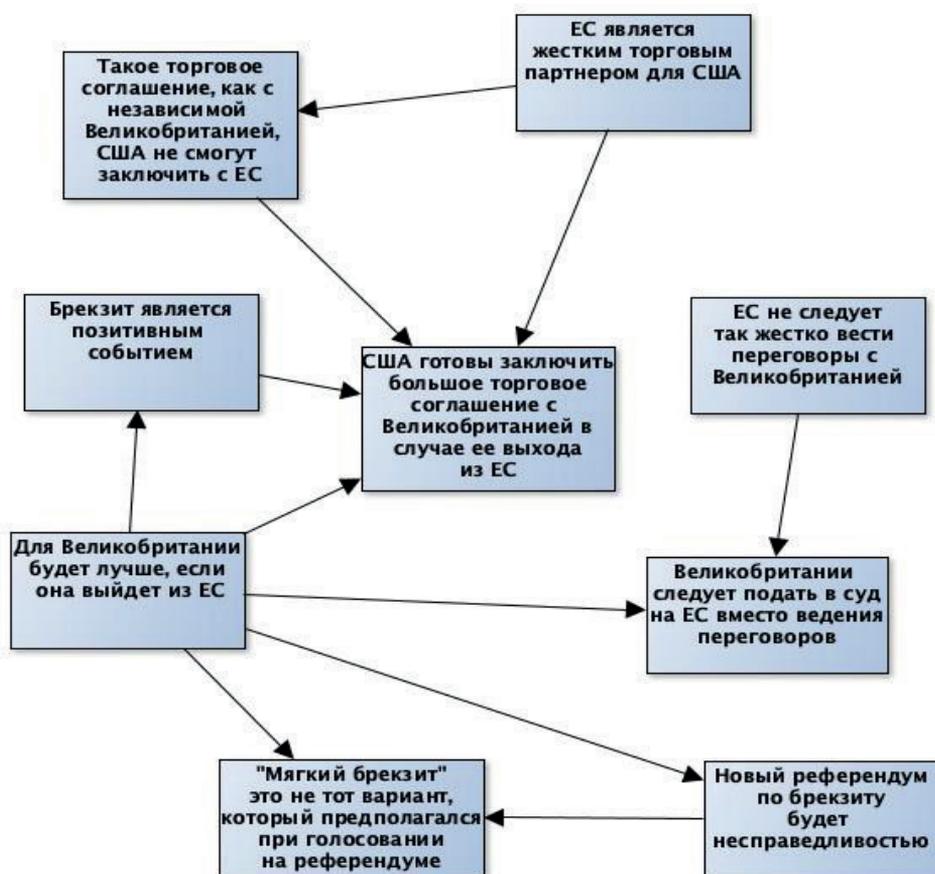

Рис. 4. Когнитивная карта Д. Трампа

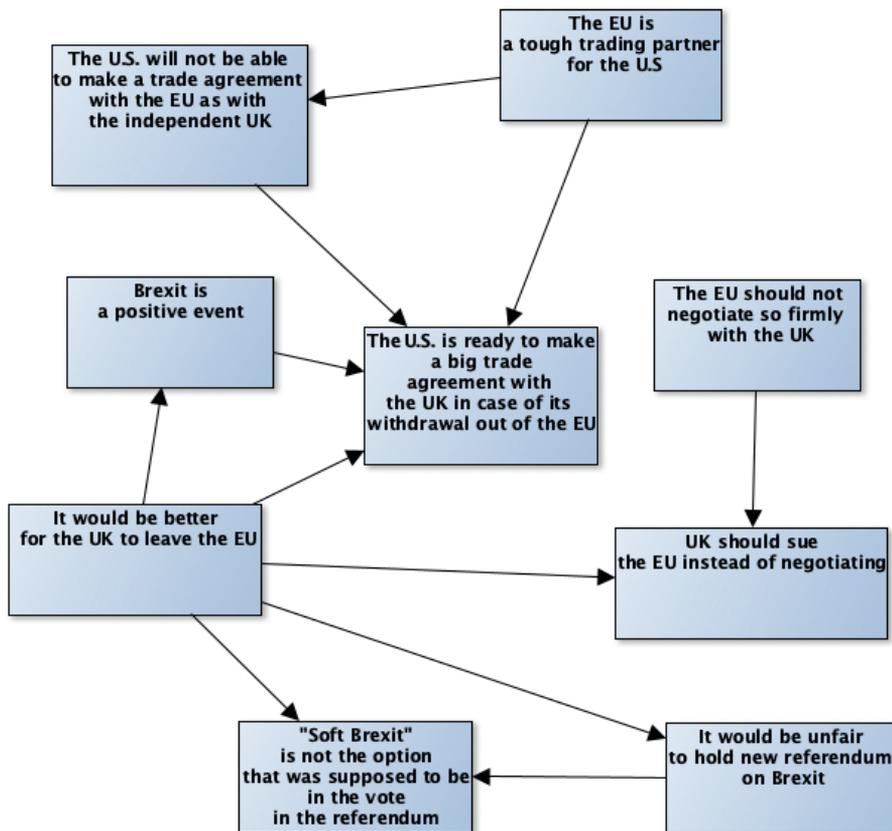

Figure 4. Cognitive Map of D. Trump

Рис. 5. Когнитивная карта М. Помпео

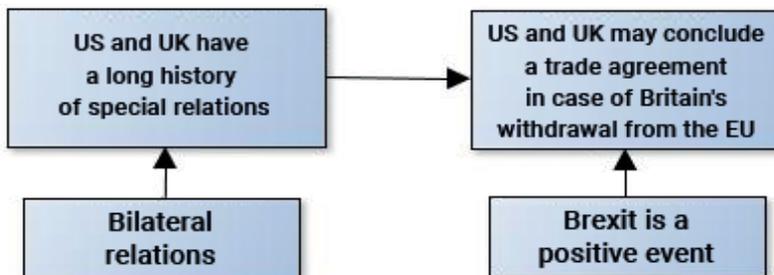

Figure 5. Cognitive map of M. Pompeo

Брексит также оценивается как позитивное событие, а также есть тезис о том, что США и Великобритания могут заключить торговое соглашение в случае выхода последней из Европейского Союза благодаря наличию между странами истории особенных двусторонних отношений.

Карта состоит всего из четырех интеграторов, поэтому не представляет возможным сделать больше выводов о позиции спикера по данной теме.

Когнитивная карта Джона Болтона по данной теме состоит из семи интеграторов (рис. 6).

Ключевым интегратором в когнитивной карте спикера является следующий: «США могут подписать торговое соглашение с Великобританией». К нему так или иначе сходятся все каузальные связи.

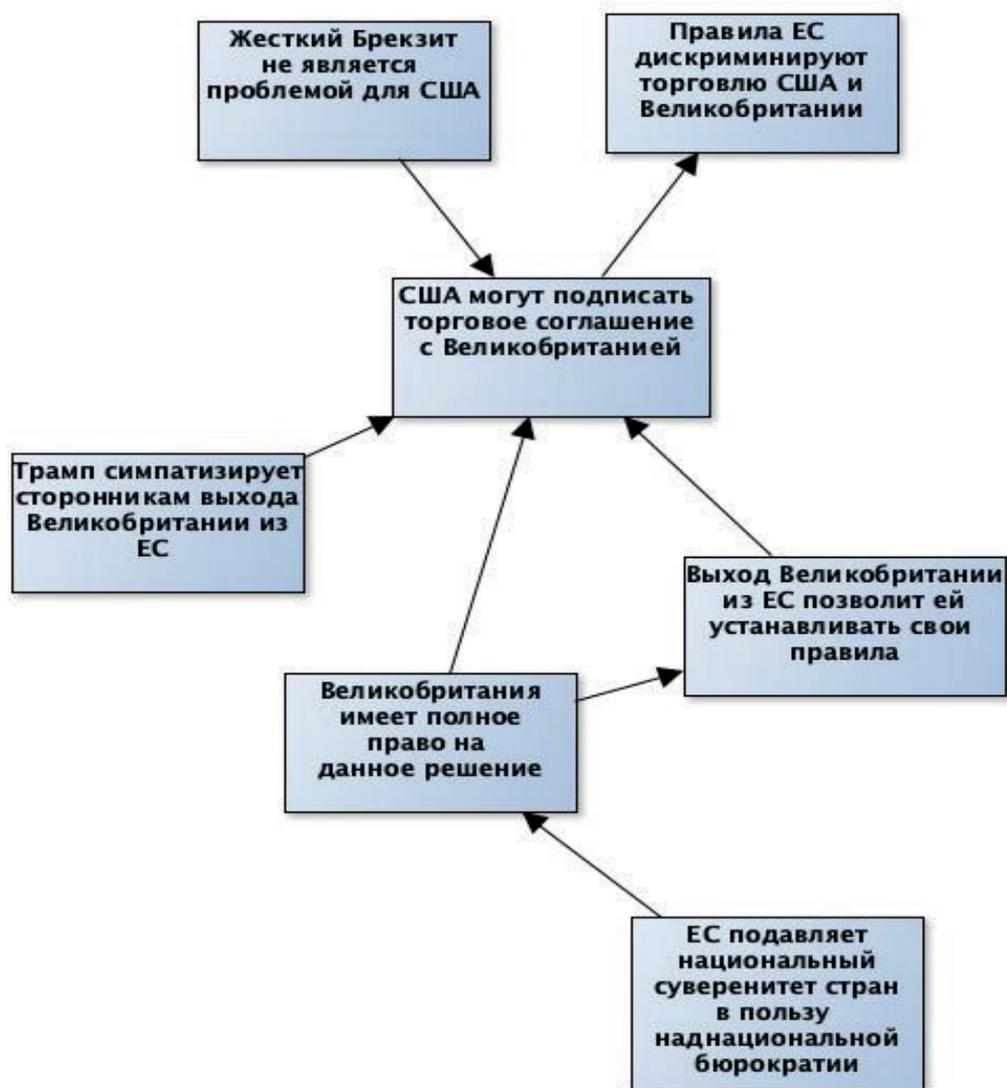

Рис. 6. Когнитивная карта Д. Болтона

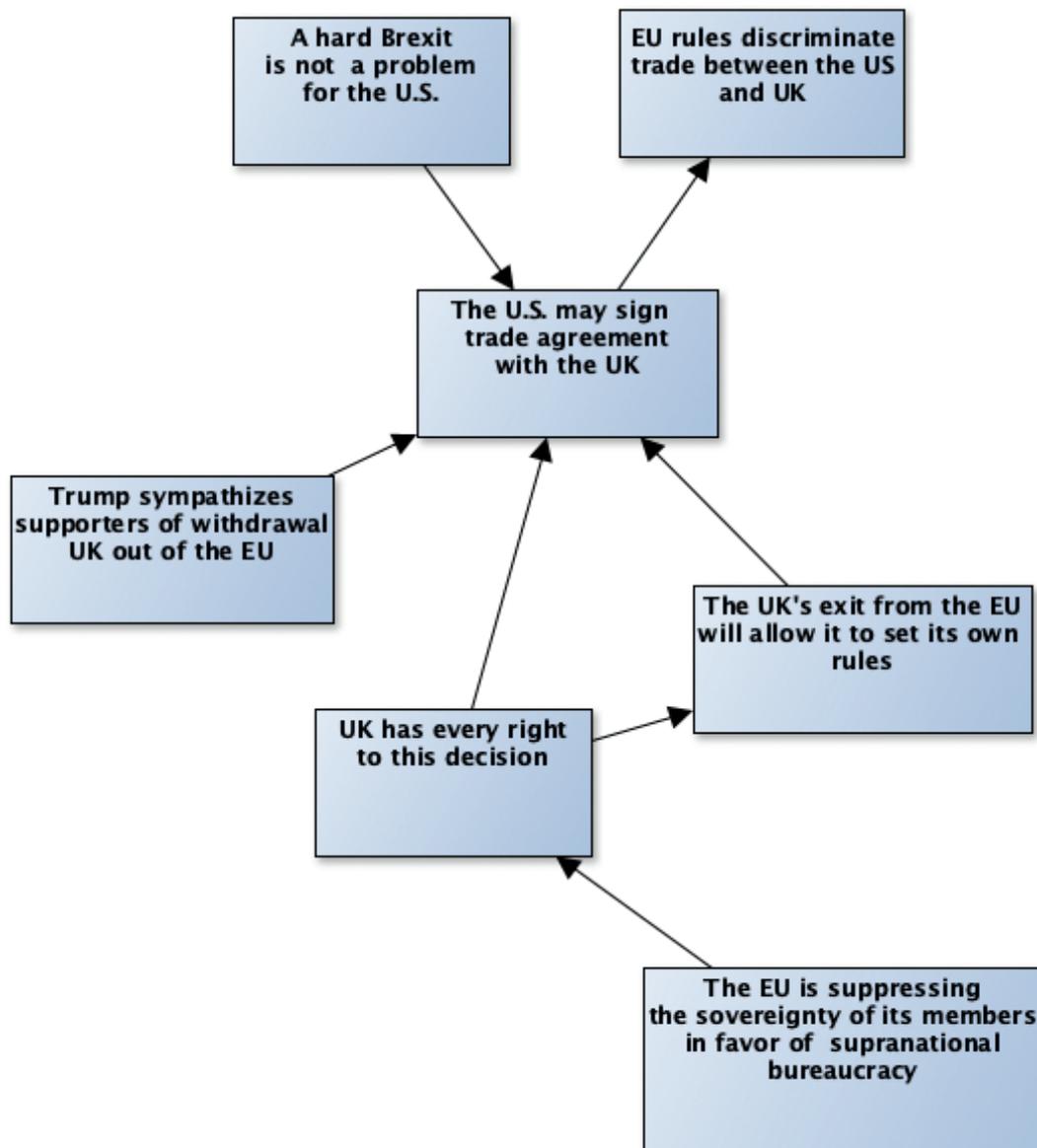

Figure 6. Cognitive map of D. Bolton

В когнитивной карте Д. Болтона интеграторы полностью схожи с теми, которые представлены в карте Д. Трампа. В карте данного спикера, так же как у Трампа, содержатся интеграторы, которые подчеркивают необходимость выхода Великобритании из ЕС для подписания торгового договора с США. Кроме того, спикер дополняет аргументацию о разумности выхода Великобритании из ЕС тем, что «ЕС подавляет национальный суверенитет стран в пользу наднациональной бюрократии».

Таким образом, по итогам сопоставления когнитивных карт спикеров по данной теме можно сделать вывод, что принципиальных расхождений между спикерами, в отличие от предыдущей темы, не зафиксировано.

Сравнение когнитивных карт спикеров по теме отношения США к Европейскому Союзу

Когнитивная карта Дональда Трампа по данной теме содержит один ключевой интегратор: «Для США необходимо поменять условия торговли с Европейским Союзом» (рис. 7).

Тезис «Европейский Союз — один из противников США» связан каузальными связями с ключевым тезисом. Кроме того, в когнитивной карте спикера в таком качестве ЕС приравнены к Китаю и РФ как противникам США.

Данные тезисы структурируют дискурс Д. Трампа по данной теме. Можно отметить, что в данной теме в когнитивной карте спикера также доминирует экономическая тематика.

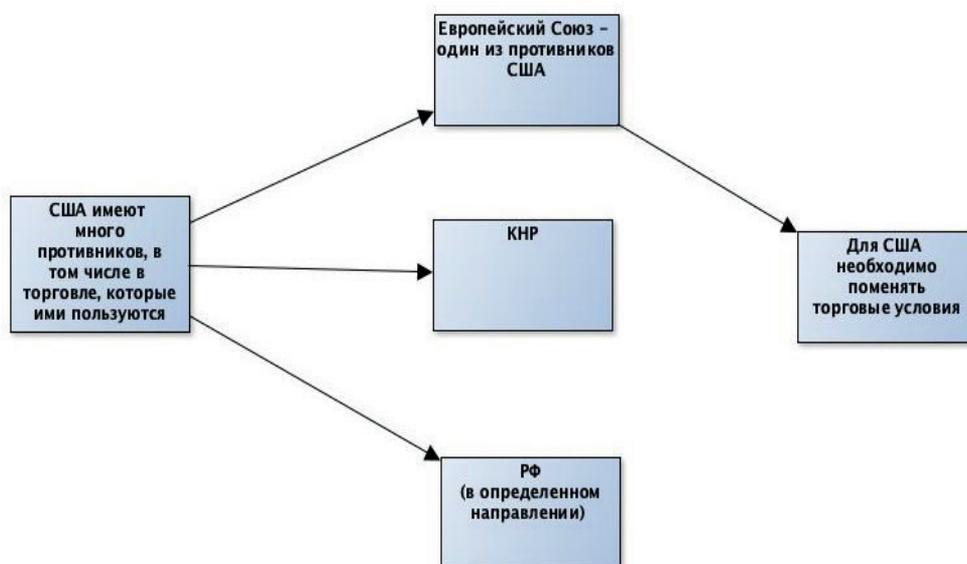

Рис. 7. Когнитивная карта Д. Трампа

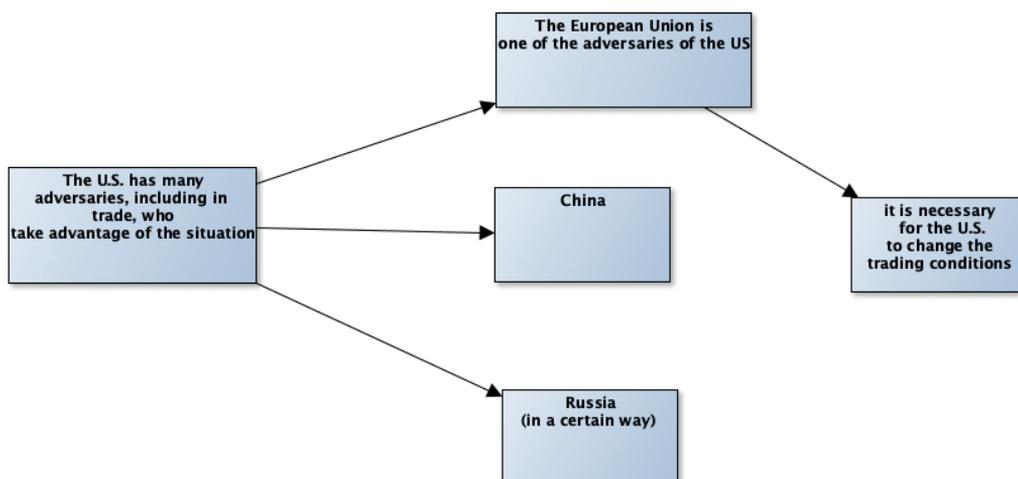

Figure 7. Cognitive Map of D. Trump

Когнитивная карта Майка Пенса по данной теме имеет один ключевой интегратор: «США твердо привержены продолжению сотрудничества и партнерства с Европейским Союзом» (рис. 8)

Обосновывается данный интегратор наличием общего наследия, ценностей и «целей по достижению мира и процветания через демократию, свободу и верховенство закона». В когнитивной карте спикера отсутствуют интеграторы, связанные с экономической сферой — приверженность США сотрудничеству с ЕС обосновывается наличием общих смыслов и целей.

Сюжет, связанный с санкциями против Ирана, носит актуально-политический характер и не является достаточным основанием для сравнения когнитивных карт спикеров.

Таким образом, можно отметить кардинальное различие в интеграторах когнитивных карт Д. Трампа и М. Пенса по данной теме.

У М. Помпео и Д. Болтона за анализируемый период не набралось достаточно текстов для построения карты.

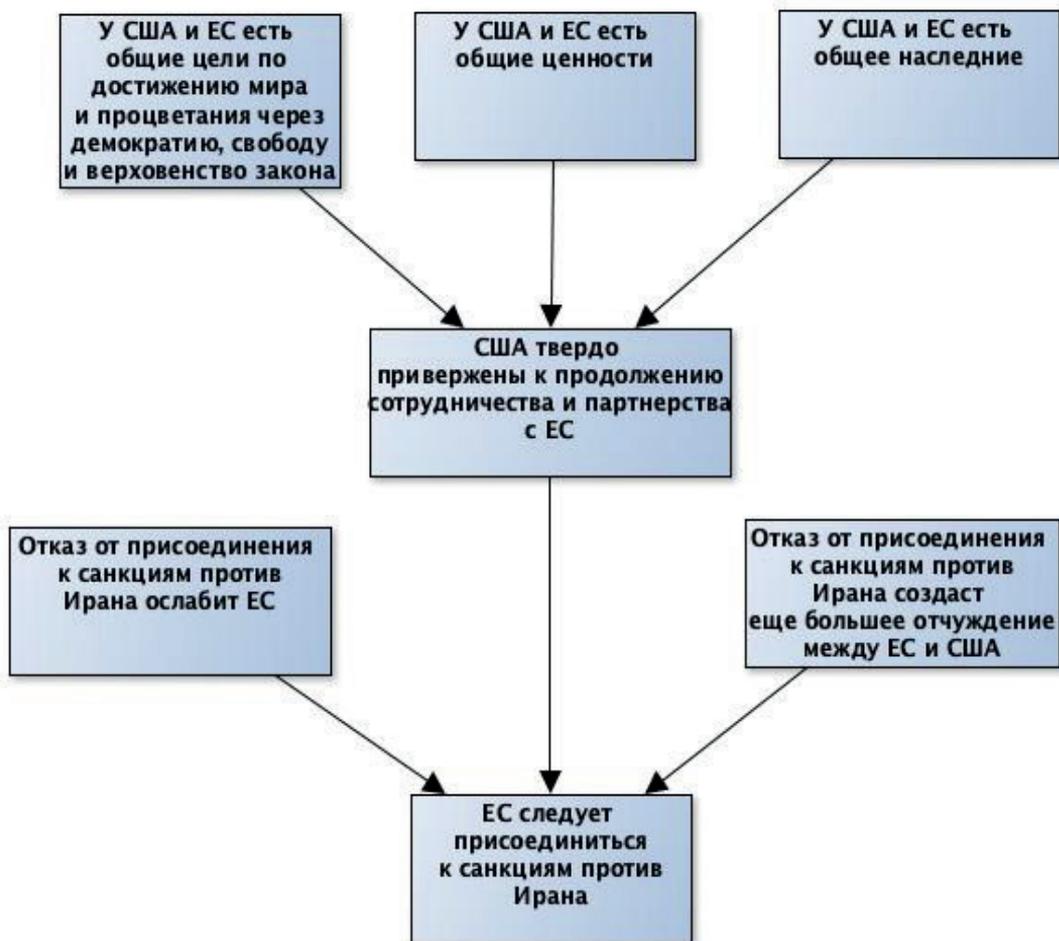

Рис. 8. Когнитивная карта М. Пенса

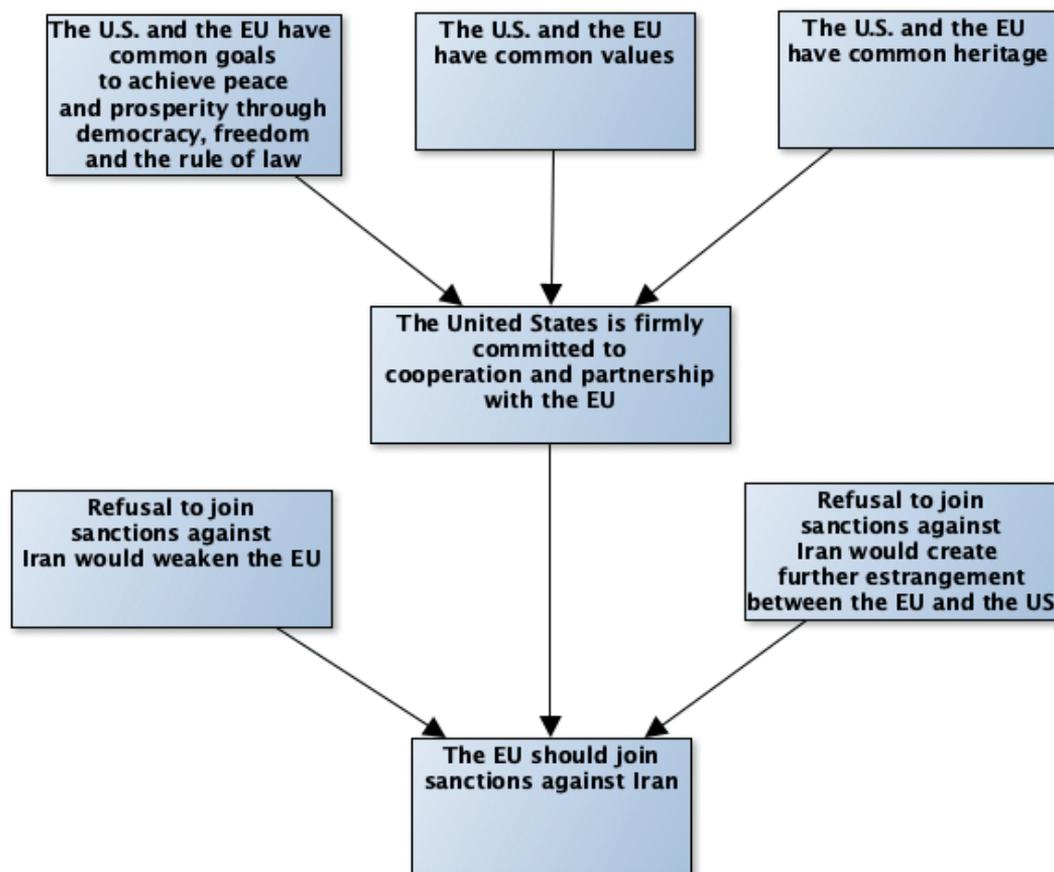

Figure 8. Cognitive map of M. Pence

Заключение

Подводя итоги, исходя из проведенного сопоставления когнитивных карт спикеров по трем темам, можно сделать вывод о наличии двух сетей групп интересов, оказывающих влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в США через ключевых чиновников, непосредственно участвующих в данном процессе.

Условно эти сети групп интересов можно назвать «сеть Дональда Трампа» и «сеть Майка Пенса». «Сеть Дональда Трампа» представлена непосредственно президентом США и его советником по национальной безопасности Джоном Болтоном. «Сеть Майка Пенса» представлена непосредственно Майком Пенсом, а также Майком Помпео.

Характеристики «сети Дональда Трампа»:

- доминирование внутривнутриполитической повестки над внешнеполитической;
- доминирование экономической аргументации (логика экономических выгод-издержек при принятии решений);
- восприятие существующих наднациональных институтов как инструментов достижения собственных целей.

Характеристики «сети Майка Пенса»:

- доминирование внешнеполитической повестки;
- доминирование ценностной аргументации над экономической.

В соответствии с представленной в работе методологией принятие политических решений в значительной степени определяются не политическими институтами, а сетями. Ключевую роль играют элитные сети, которые представляют определенную часть групп интересов, наиболее влиятельных. (В первую очередь данный тезис работает именно применительно к внешней политике, то есть непосредственно относится к теме исследования.)

Проведенный анализ говорит о том, что в определенных ситуациях сетевой подход сталкивается с объективными ограничениями. Когнитивные карты всех спикеров, которые были проанализированы в рамках данного исследования, радикально противоречат позиции вашингтонского истеблишмента США по данным вопросам, причем различия между партиями не играют принципиальной роли. В соответствии с логикой сетевого анализа у Трампа должна быть сеть в истеблишменте, разделяющая его позицию, и след этой сети должен присутствовать в информационном поле. Однако, по доступным нам источникам, мы ничего такого не обнаруживаем. Мэйнстримная позиция по всем анализируемым темам в рассматриваемый период была противоположна позиции Трампа и членов его кабинета (несмотря на отличие между позициями Д. Трампа и М. Пенса, они действуют в рамках единой внешнеполитической стратегии). С точки зрения сетевого анализа объяснить данную ситуацию затруднительно.

Сетевой подход оправдывает себя, когда он применяется как инструмент анализа сложившихся систем. В момент резких кардинальных политических перемен, которые в США на данный момент происходят, политические акторы, которые берут на себя инициативу осуществлять такие перемены, могут действовать автономно. Они ориентируются при этом на поддержку не столько сетей, сколько электоральных групп. Эти группы голосуют на выборах, а в остальное время они диффузны — это некое слабоорганизованное множество, они не консолидированы, в отличие от сетей. Но на выборах они проявляют свою силу, и в периоды перемен лидеры, которые берут на себя инициативу производить перемены, имеют возможность действовать автономно от сетей, так как при переменах происходит смена или перестройка этих сетей. Именно в этот момент такие лидеры ориентируются не на интересы сети, а на интересы электоральных групп, которые дают им легитимность. Описанная ситуация относится непосредственно к Д. Трампу.

Это, однако, не означает, что сети теряют свое значение — приобретая легитимность на выборах и заняв позицию в системе власти, такие автономные игроки вынуждают сети приспособляться к себе и меняться, принуждают сети к перестройке. В дальнейшем такие лидеры могут опираться на перестроившиеся сети, но пока процесс перестройки таких элитных сетей не завершен. Анализ когнитивных карт показал наличие резкого противоречия между когнитивными картами Д. Трампа и позицией представителей нынешнего

политического истеблишмента США (М. Пенс в данном случае занимает промежуточную позицию).

Д. Трамп рассчитывал на то, что в случае успеха его курса элитные сети перестроятся и появятся те, кто будут поддерживать его позицию. Но на момент исследования опора шла именно на избирателей в том, что касается внешней политики. Важная роль экономической повестки в когнитивных картах Д. Трампа может в том числе объясняться именно тем, что ключевой акцент был сделан на запрос избирателей.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Гришанов А.А.* Роль заинтересованных групп в процессе построения ближневосточной политики США // *Политика и Общество*. 2013. №4. С. 507–514. <http://doi.org/10.7256/1812-8696.2013.04.17>
- Джордан Г.* Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 1. С. 35–36.
- Зудин А.Ю.* Ассоциации — бизнес — государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада. М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009.
- Зудин А.Ю.* Ассоциации в системе отношений бизнеса и государства. «Классические» и современные формы в странах Запада // *Прогнозис*. 2009. Т. 18, № 2. С. 241–287.
- Коктыш К.Е.* «Молчаливое знание» белорусов и перспективы постсоветской интеграции // *Россия и мир: анатомия современных процессов*. М.: Международные отношения, 2014. С. 495–513.
- Коктыш К.Е.* Теория метафоры и политические институты. М.: МГИМО-Университет, 2019.
- Лошкарёв И.Д.* Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // *Вестник МГИМО*. 2017. №3 (54). С. 238–249. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-238-248>
- Лошкарёв И.Д.* Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США: теоретические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 3. С. 76–83. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-76-83>
- Пареньков Д.А., Сушенцов А.А., Лошкарёв И.Д.* Влияние этнонациональных лобби на внешнюю политику США: исторический опыт украинской диаспоры // *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. №2 (59). С. 165–184. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-165-184>
- Сморзунов Л.В., Альгин А.П., Барыгин И.Н.* Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2006.
- Сучков М.А.* Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе // *Вестник МГИМО*. 2013. №3 (30). С. 18-24. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-18-24>

- Сушенцов А.А. Перспективы российского лоббизма в США // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 24 (4). С. 163–167. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-163-167>
- Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge, 1967.
- Berry J. *The Interest Group Society*. New York: Longman, 2009.
- Grossmann M. Interest group influence on US policy change: An assessment based on policy history // *Interest Groups & Advocacy*, 2012. 1 (2). P. 171–192.
- Harris F. *America's Democracy: the Ideal and the Reality*. Glenview: Scott Foresman & Co, 1986.
- Jacobs L.R. Who Influences U.S. Foreign Policy? // *American Political Science Association*, 2014. 99 (1). P. 107–123.
- Koch M. *A Liberal Perspective: The Role of Interest Groups in US Foreign Policy Towards Iran*. European Consortium for Political Research. 2015. URL: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=25490&EventID=94> (accessed: 04.02.2022).
- Mearsheimer J. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Olson M. *The logic of collective action. Public goods and the theory of groups*. Harvard University Press, 1965.
- Schattschneider E. Groups versus Political Parties // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1948. 259. September. P. 17–23.
- Sekwat A. *Interest Groups* // *International Encyclopedia of Public Policy and Administration*. Boulder: Westview Press, 1998.
- The Politics of Interests: Interest Groups Transformed* / ed. by M.Petracca. Boulder: Westview Press, 1992.
- Truman D. *The Governmental Process*. Publisher, 1968.
- Wilson G. *Interest groups*. Blackwell Pub, 1990.

References

- Bentley, A. (1967). *The process of government*. Cambridge, 1967.
- Berry, J. (2009). *The interest group society*. New York: Longman.
- Grishanov, A.A. (2013). The role of interest groups in the process of building U.S. Middle East policy. *Politics and Society*, (4), 507–514. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2013.04.17>
- Grossmann, M. (2012). Interest group influence on US policy change: An assessment based on policy history. *Interest Groups & Advocacy*, 1(2), 171–192.
- Harris, F. (1986). *America's democracy: The ideal and the reality*. Glenview: Scott Foresman & Co.
- Jacobs, L.R. (2014). Who influences U.S. foreign policy? *American Political Science Association*, 99(1), 107–123.
- Jordan, G. (1997). Pressure groups, parties, and social movements: Is there a need for new distinctions? *World Economy and International Relations*, (1), 35–36. (In Russian).
- Koch, M. A (2015). Liberal perspective: The role of interest groups in US foreign policy towards Iran. *European Consortium for Political Research*. Retrieved October 10, 2022, from <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=25490&EventID=94>
- Koktysh, K.E. (2014). “Silent knowledge” of Belarusians and prospects of Post-Soviet Integration. In *Russia and the World: Anatomy of Modern Processes* (pp. 495–513). Moscow: Publishing house “International relations”. (In Russian).
- Koktysh, K.E. (2019). *Metaphor theory and political institutions*. Moscow: MGIMO-University Publishing House. (In Russian)
- Loshkarev, I.D. (2017). Resources of Influence of the Polish Diaspora in the USA on American Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 3(54), 238–249. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-238-2483>

- Loshkarev, I.D. (2017). Resources of Ethnic Lobbyism in U.S. Foreign Policy: Theoretical Aspects. *World Economy and International Relations*, 61(3), 76–83. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-76-83>
- Mearsheimer, J. (2007). *The Israel lobby and U.S. foreign policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Olson, M. (1965). *The logic of collective action. Public goods and the theory of groups*. Harvard University Press.
- Parentov, D.A., Sushentsov, A.A., & Loshkarev, I.D. (2018). The influence of ethno-national lobbies on US foreign policy: Historical experience of the Ukrainian diaspora. *MGIMO Review of International Relations*, 2(59), 165–184. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-165-184>
- Petracca, M. (Ed.). (1992). *The Politics of interests: Interest groups transformed*. Boulder: Westview Press.
- Schattschneider, E. (1948). *Groups versus political parties. annals of the American academy of political and social science*, 259, September, 17–23.
- Sekwat, A. (1998). *Interest groups. International encyclopedia of public policy and administration*. Boulder: Westview Press.
- Smorgunov L.V., Algin A.P., & Barygin, I.N. (2006). *State Policy and Management*. Moscow: ROSSPEN (In Russian)
- Suchkov, M.A. (2013). The influence of lobby groups on the formation of U.S. foreign policy in the South Caucasus. *MGIMO Review of International Relations*, 3(30), 18–24. (In Russian) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-18-24>
- Sushentsov, A.A. Prospects for Russian lobbyism in the United States. (2018). *MGIMO Review of International Relations*. 24(4), 163–167. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-163-167>
- Truman, D. (1968). *The governmental process*. Publisher.
- Wilson, G. (1990). *Interest groups*. Blackwell Pub.
- Zudin, A.Y. (2009). Associations in the system of relations of business and state. “Classical” and modern forms in the Western countries. *Prognosis*, 2(18), 241–287. (In Russian).
- Zudin, A.Y. (2009). *Associations — business — state. “Classical” and Modern Forms of Relations in Western Countries*. Moscow: HSE Publishing house. (In Russian)

Сведения об авторе:

Скляр Никита Анатольевич — аспирант кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: niknikic@mail.ru) (ORCID: 0009-0007-2881-2878)

About the author:

Nikita A. Sklyarov — Postgraduate student, Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: niknikic@mail.ru) (ORCID: 0009-0007-2881-2878)

АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК THE POLICY ANALISYS

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927
EDN: VORMCO

Научная статья / Research article

От дистанционного национализма к экономическому: диаспоральная политика Индии

И.Д. Лошкарёв , А.О. Белякова , Т.С. Саакян

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
 ivan1loshkariov@gmail.com

Аннотация. Опираясь на обширный и недостаточно изученный в российском академическом поле эмпирический материал по диаспоральной политике Индии, авторы исследования дополняют корпус работ, посвященных анализу диаспор как негосударственных акторов мировой политики. Анализируется институционализация диаспоральной политики Индии с 1999 по 2023 г., в частности внесение изменений в законодательство о гражданстве и об избирательном праве, создание и реформы профильных министерств и структур в правительстве, специализированных фондов, установление особых календарных дат. Исследование опирается на неинституциональный анализ и раскрывает последовательность действий правительства Индии, которые ведут к изменению неформальных норм осуществления диаспоральной политики. Авторы приходят к выводу, что формирование подобной инфраструктуры, направленной на активизацию связи эмигрантов со страной происхождения и их приобщение к строительству национального государства, можно осмыслить в терминах «дистанционного национализма». Анализ экономического измерения диаспоральной политики Индии, в том числе мер по либерализации экономики для притока диаспоральных инвестиций, двусторонних соглашений об экономическом положении экспатов, поправок в бюджетное законодательство, а также выпуска диаспоральных облигаций, позволил авторам сделать вывод, что Индия фактически открыла диаспоре доступ не только к финансированию потребления домохозяйств и отдельных местных проектов, но и к обеспечению макроэкономической стабильности, что в целом нехарактерно для отношений государств и диаспор. Также осмысляются трансформации политики Индии в отношении диаспоры с момента прихода к власти правительства Н. Моди в 2014 г. Авторы делают вывод, что при правительстве Н. Моди диаспоральная политика стала утрачивать

© Лошкарёв И.Д., Белякова А.О., Саакян Т.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

автономию и низводиться до отдельных задач внешней и инвестиционной политики государства. Таким образом, одной из ключевых тенденций развития диаспоральной политики Индии является переход от практик «дистанционного национализма» к экономическому национализму, который подразумевает прямую связь между принадлежностью к диаспоральному сообществу и участием в развитии территории происхождения.

Ключевые слова: диаспоральная политика, индийская диаспора, дистанционный национализм, экономический национализм, негосударственные акторы

Для цитирования: Лошкарёв И.Д., Белякова А.О., Саакян Т.С. От дистанционного национализма к экономическому: диаспоральная политика Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 917–927. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927>

From Long-Distance to Economic Nationalism: India's Diaspora Politics

Ivan D. Loshkariov , Arina O. Beliakova , Tigran S. Saakian

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. Based on the vast empirical material of India's diaspora policy, which is understudied in the Russian academic field, the authors of the research enrich the scope of works dealing with the analysis of diasporas as non-state actors in the world politics. The study analyzes the institutionalization of India's diaspora policy between 1999 and 2015, particularly the amendments to the citizenship legislation and electoral legislation, the establishment and reforms of specialized ministries, governmental structures and funds, introducing special celebration days. The study is based on neo-institutional analysis and reveals the sequence of actions of Indian governments that lead to the transformation of informal norms for the implementation of diaspora policies. Authors argue that shaping such infrastructure aimed at reviving the ties between emigrants and their country of origin, as well as involving emigrants into building a nation-state might be perceived as “long-distance nationalism”. Having analyzed the economic dimension of India's diaspora policy, particularly the economic liberalization measures aimed at stimulating diaspora investment inflow, bilateral agreements on expatriates' economic condition as well as emitting diaspora obligations the authors conclude that not only has India provided its diaspora with the access to funding households' consumption and sporadic local projects, but also it has let the diaspora ensure the country's macroeconomic stability, which is uncharacteristic of relations between diasporas and their countries of origin. The study also elaborates on the directions in which India's diaspora policy has changed since N. Modi came to power. The authors come to the conclusion that since then diaspora policy has been losing its autonomy and has been reduced to accomplishing separate foreign and investment policy tasks. Thus, a major trend in India's diaspora policy is the transition from “long-distance nationalism” practices to economic nationalism that implies a direct link between affiliation with a diaspora community and contribution to the development of the country of origin.

Keywords: diaspora policy, Indian diaspora, long-distance nationalism, economic nationalism, non-state actors

For citation: Loshkariov, I.D., Beliakova, A.O., & Saakian, T.S. (2023). From long-distance to economic nationalism: India's diaspora politics. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 917–927. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927>

Введение

Классик конструктивизма в теории международных отношений М. Финнемор провозгласила в своей фундаментальной работе 1996 г.: «...диаспоры в основном побуждаются к действию под воздействием идентичности, они, главным образом, влияют на страны происхождения через внутреннюю политику; они часть более крупного международного сообщества и действуют как негосударственные акторы» [Finnemore 1996: 144]. Впоследствии этот тезис был раскрыт в работах многих исследователей: Й. Шеина, М. Коиновой, Ф. Адамсон и др. Сегодня диаспоры получили признание как объект международных исследований — прежде всего, в рамках неолиберальной и конструктивистской школы теории международных отношений [Shain 2003; Koinova 2013; Adamson 2007]. Воздействие таких общностей на покинутую Родину зависит от степени эмоциональной интенсивности диаспоральной идентичности, соотношения между диаспоральными активистами и пассивным меньшинством, особенностей политического устройства государств происхождения и т.д. [Baser 2015: 22; Sheffer 2003: 148–193].

Изучения заслуживают и реакции государств происхождения на многообразные и участвовавшие контакты участников диаспор и их родственников в странах происхождения, новые экономические и политические институты мира диаспор, а также процессы социальной и политической мобилизации, которые приобретают трансграничный характер [Ragazzi 2014]. Примерно с начала XXI в. государства начали налаживать взаимодействие со своими диаспорами различными способами: от практик «внешнего гражданства» до организации туристических поездок в праздничные дни. По мере ознакомления с феноменом диаспор государства осознали необходимость координации усилий и формирования отдельной отрасли государственной политики (англ. policy) — диаспоральной политики [Gamlen 2014; Délano 2019]. В России данная политика получила название поддержки соотечественников за рубежом.

Одним из пионеров диаспоральной политики сегодня остается Индия. Индийская диаспора насчитывает более 30 млн человек, что составляет существенный ресурс для дальнейшего развития Индии. **Цель данного исследования** — рассмотреть динамику изменений мотивов и институтов диаспоральной политики Индии.

Институциональное оформление диаспоральной политики Индии (1999–2015)

Диаспоральная политика подразумевает создание формальных политических институтов и статусов, которые позволяют государству вступать в диалог с диаспорой, а диаспорам — расширять и фиксировать свои возможности в стране происхождения [Gamlen 2014].

Нередко важным этапом в создании подобной институциональной инфраструктуры служит включение термина «диаспора» (или близкого по смыслу) в конституции государств. В Конституции Индии лишь в отдельных нормах

(статья 8 части II) отмечается, что на гражданство могут претендовать потомки тех, кто проживал на территории Индии в границах 1935 г., но только потомки во втором и третьем поколении¹. Чтобы исключить из-под действия этой нормы жителей Бангладеш, Пакистана и неконтролируемой территории Кашмира², закон «О гражданстве» 1955 г. и поправки к нему вопреки Конституции устанавливают принцип «права крови», предоставляя права на получение гражданства «лицам индийского происхождения».

Для разрешения противоречий и расширения возможностей сотрудничества с диаспорой власти Индии предложили формат «зарубежного гражданства». До 2015 г. существовало два статуса в рамках этого формата: «лица индийского происхождения» (англ. Person of Indian Origin, PIO) и «заморские граждане Индии» (англ. Overseas Citizen of India, OCI). Один статус был утвержден в 1999 г., другой — в 2005 г. Их ключевым отличием была необходимость регистрации, доступность для семьи заявителя и срок действия. В итоге за период 2005–2011 гг. статус OCI получили свыше 1 млн человек, а статус PIO в 1999–2011 гг. — всего 52 тыс. человек [Raj 2015: 166; Tigau et al. 2017: 194].

Еще один формальный институт — особые календарные даты. С 2003 г. 9 января, в память о возвращении в этот день в 1915 г. Махатмы Ганди на Родину из Южной Африки, в Индии отмечается «День индийской диаспоры», символизирующий значимость диаспоры в жизни и развитии страны. В этот день проводится конференция с участием руководства страны и награждение наиболее видных представителей диаспоры.

Для разработки конкретных аспектов диаспоральной политики в 2000 г. в Индии был учрежден правительственный комитет высокого уровня. В 2002 г. комитет выпустил доклад о необходимости выделения работы с диаспорой в отдельное направление государственной политики и важности сочетания политических и социальных инструментов вовлечения диаспоры. В соответствии с рекомендациями доклада уже в мае 2004 г. в Индии было создано Министерство по делам нерезидентов Индии (англ. The Ministry of Non-Resident Indians' Affairs), затем переименованное в Министерство по делам заморских индийцев (англ. The Ministry of Overseas Indian Affairs) [Pradhan 2020: 153–154; Галищева 2010]. Примечательно, что акцент в названии сместился с людей на процессы. Позиционируя себя как «министерство услуг», оно предоставляло информацию, выстраивало партнерские отношения и оказывало многоплановое содействие иностранным индийцам-нерезидентам и лицам индийского происхождения.

Индия также стала заключать со странами пребывания диаспоры соглашения о социальном обеспечении и трудовой мобильности, чтобы защитить права индийских мигрантов и лиц индийского происхождения

¹ The Constitution of India // Constitution of India. URL: <https://www.constitutionofindia.net/read/> (accessed: 16.04.2023).

² Другие нормативные акты также ограничивают получение гражданства Индии выходцами из Афганистана, Бутана, Ирана, Китая, Непала и Шри-Ланки.

и исключить двойные выплаты в социальные фонды. Помимо этого, были созданы Фонд социального обеспечения индийской общины (англ. Indian Community Welfare Fund) для предоставления услуг в странах пребывания, Ресурсный центр зарубежных работников (англ. Overseas Workers' Resource Centre) для помощи в переезде в Индию потенциальным репатриантам и их семьям, Центр содействия заморским индийцам (англ. Overseas Indian Facilitation Centre) для сопровождения инвестиционных проектов и установления связей В2В [Tigau et al. 2017].

Важной вехой в диаспоральной политике Индии стало предоставление гражданам-нерезидентам избирательных прав в 2011 г. Для более старых общин в диаспоре этот шаг не имел большого значения, но он восстановил канал взаимодействия с трудовыми мигрантами, выехавшими во второй половине двадцатого столетия и сохранившими индийское гражданство.

Создание такой институциональной инфраструктуры свидетельствовало о том, что Индия поддерживает практики принадлежности, рассматривающие лиц индийского происхождения как часть проекта строительства национального государства. В рамках этой стратегии сознательно размывались религиозные, этнические, кастовые и региональные различия и формировался «дистанционный национализм» — самосознание людей в эмиграции, которое «схлопывает» многоуровневые идентичности, активизирует связь людей с «землей предков» и отделяет их от политической нации страны пребывания [Jaffrelot 2007; Conversi 2012]. Как отмечал автор термина Бенедикт Андерсон, подобная идентичность маргинализирует мигрантов и их потомков, но позволяет им приобрести статус героя на территории происхождения [Anderson 1998].

Экономическое измерение диаспоральной политики Индии

Индийская диаспора играет огромную роль в жизни Индии и индийской экономики. Так, в 2021 г. объем финансовых перечислений мигрантов в Индию превысил 89 млрд долл. США, составив около 13 % всех мигрантских перечислений в мире и 3,2 % ВВП Индии³. Финансовое значение диаспоры для Индии возрастает: в 1990 г. зарубежные индийцы перевели в страну 2,3 млрд, в 2000 г. — 12,3 млрд, а в 2006 г. — уже более 23 млрд долл. США [Лунев 2008]. С. 2004 г. Индия занимает первое место в мире по объему перечислений, что способствует макроэкономической стабильности [Галищева 2012].

Для повышения деловой и инвестиционной привлекательности страны для диаспоры правительством были предприняты меры по либерализации экономики. По данным Резервного Банка Индии за 2010 г., из общего объема денежных

³ A Wan in a Pandemic. Migration and Development Brief 36, May 2022 // KNOMAD. URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/2022-07/migration_and_development_brief_36_may_2022_0.pdf (accessed: 16.04.2023).

переводов индийской диаспоры на долю инвестиций в недвижимость, ценные бумаги и паевые фонды приходилось не менее 7–8 % средств [Mishra 2016].

Помимо заключения соглашений об исключении двойного налогообложения с более чем 86 странами, в том числе странами с крупнейшими диаспорами, власти Индии в 2020 г. внесли поправку в бюджетное законодательство об освобождении индийских экспатов от уплаты налога с доходов, полученных за рубежом⁴.

С целью привлечения финансовых ресурсов извне индийское правительство также выступило с серией эмиссий государственных облигаций (1991, 1998, 2000), доступных исключительно представителями индийской диаспоры. Общая сумма привлеченных средств превысила 80 млрд долл. США, увеличив золотовалютные резервы страны в четыре раза и тем самым способствуя выходу из кризиса.

Однако в случае с Индией эмиссия данного типа ценных бумаг выступала скорее временным механизмом, не став постоянной практикой [Naujoks 2017: 96–97]. Поэтому вместе с диаспоральными облигациями правительство Индии пыталось наладить другие схемы привлечения капитала, прежде всего создавая условия для открытия нерезидентами банковских счетов в рупиях, а позднее и в иностранной валюте [Галищева 2012].

Таким образом, власти Индии рассматривают экономические контакты как один из основных способов поддержания общности государства происхождения и диаспоры. Фактически диаспоре был открыт доступ к обеспечению макроэкономической стабильности, что в целом нехарактерно для отношений государств и диаспор.

«Модификация» диаспоральной политики Индии (2014–2023)

После прихода к власти правительства Н. Моди в 2014 г. диаспоральная политика Индии значительно изменилась: новые власти взяли курс на оптимизацию работы государственных органов. Во-первых, в 2016 г. Министерство по делам заморских индийцев было расформировано, а его функции были переданы в МИД ввиду пересечения функций двух министерств. Во-вторых, в 2015 г. был распущен Глобальный консультативный совет лиц индийского происхождения при премьер-министре, который разрабатывал рекомендации по вопросам диаспоральной политики, в том числе по передаче знаний, навыков и инвестиций⁵. В-третьих, Индийский Совет по делам заморских работников был преобразован в Индийский центр

⁴ Indian expats won't pay tax here on overseas income // *The Times of India*. March 24, 2020. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/74783527.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 16.04.2023).

⁵ PM's Global Advisory Council of People of Indian Origin suspended // *The Economic Times*. January 09, 2015. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/pms-global-advisory-council-of-people-of-indian-origin-suspended/articleshow/45817558.cms> (accessed: 16.04.2023).

по миграции. Из консультативной структуры с размытыми полномочиями был создан «мозговой центр» по более узкой диаспоральной проблематике. Наконец, в 2015 г. статус «лиц индийского происхождения» был приравнен к статусу «заморского гражданина Индии», что устранило политическую и правовую двойственность статусов участников диаспоры. Данные меры способствовали оптимизации административного аппарата, разграничению сфер ведения и установлению четкой ответственности за взаимодействие с диаспорой.

Став премьер-министром, Н. Моди во время своих зарубежных поездках начал чаще выступать перед местной индийской общиной, настаивая на формуле «демократия, демография и спрос» (3D: democracy, demography, demand), в рамках которой диаспора может в большей степени обеспечить прогресс на двух последних направлениях [Srinivas 2019: 83–86].

Другое новшество возникло после перехода диаспоральной политики в ведение МИД Индии: оформилось более патерналистское отношение к диаспоре и стремление придать дополнительное идеологическое обоснование ее участию в экономическом развитии страны. В 2015 г. государственный секретарь МИД (позднее — министр) С. Джайшанкар сформулировал доктрину «пяти инструментов государства», согласно которой будут более активно использоваться новые нарративы, лексикон, восприятие, мягкая сила и диаспора для повышения роли Индии в международных делах. Заявления и документы индийских властей стали больше отождествлять индийцев и индуистов, формировать нарратив об Индии как *национальном индуистском государстве*, продвигать тезисы о «самой большой демократии в мире» и «восхождении Индии».

С одной стороны, эта новация позволила более четко выявить социальные границы диаспоры, дополнить светский национализм религиозным компонентом и усилить политическую мобилизацию под конкретные задачи. Но, с другой стороны, замена «индийского» на «индуистское» привела к появлению новых разделительных линий в диаспоре и к ориентации государственной политики на более «молодые» сегменты диаспоры: мигрантов в первом, втором и третьем поколении [Kinnvall 2021: 194–199; Ogden 2018].

Параллельно правительство Моди постепенно отходит от логики разделения представителей диаспоры и иностранцев. Представителям диаспоры предлагается инвестировать в Индию, посещать страну и т.д. *наравне* с другими иностранцами [Naujoks 2017].

В целом правительство Моди заметно интенсифицировало работу в рамках диаспоральной политики. Однако проведенные преобразования и внедряемые новации фактически выполняют две задачи: увеличить поток мигрантских перечислений и иных форм капитала в Индию, но при этом размыть политико-правовой статус участников диаспоры. Тем самым на институциональном уровне связь диаспоры со страной происхождения искусственно ослабляется и заменяется временными эффектами от политической мобилизации в рамках «индуистского национализма».

Заклучение

За последние десятилетия диаспоральная политика Индии приобрела ряд интересных черт. Во-первых, власти Индии предпринимают существенные попытки усилить интерес диаспоры к территории происхождения, активно работают с конструированием новой национальной и диаспоральной идентичности, но, при этом ограничивают политическое участие представителей диаспоры и перенаправляют их активность в экономическую сферу.

Во-вторых, ранняя диаспоральная политика Индии стремилась сконструировать идентичность диаспоры с учетом шаткого баланса «права земли» и «права крови», что позволяло ослабить значение религиозных, этнических, кастовых и региональных различий. При правительстве Н. Моди активизировались усилия по созданию индуистского националистического проекта, который включает, прежде всего, участников последних волн миграции из Индии. В новой конструируемой идентичности несколько парадоксально увязываются вопросы конструирования политической нации и экономической выгоды.

Наконец, в-третьих, диаспоральная политика Индии сначала резко выделилась в отдельную отрасль государственной политики, но при правительстве Н. Моди стала утрачивать эту автономию и все больше низводится до отдельных задач внешней и инвестиционной политики государства.

Таким образом, можно зафиксировать отход от практик «дистанционного национализма» и переход к экономическому национализму, который жестко увязывает вопросы участия в диаспоральном сообществе и развития территории происхождения.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Галищева Н.В.* Депозиты диаспоры — еще один двигатель экономики Индии // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 7. С. 54–59.
- Галищева Н.В.* Трансграничная миграция. Индийская диаспора: связи с родиной сохраняются // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 9. С. 39–45.
- Лошкарёв И.Д.* Роль диаспор в современной мировой политике // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. № 2 (41). С. 127–133. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126>
- Лунев С.И.* Роль государства в достижениях в сфере информационных технологий в Индии: опыт для России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 1. С. 38–51.
- Adamson F.B., Demetriou M.* Remapping the Boundaries of ‘State’ and ‘National Identity’: Incorporating Diasporas into IR Theorizing // *European Journal of International Relations*. 2007. Vol. 13, no. 4. P. 489–526. <http://doi.org/10.1177/1354066107083145>
- Anderson B.* *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. London-New York: Verso, 1998.
- Baser B.* *Diasporas and Homeland Politics: a Comparative Perspective*. London-New York: Routledge, 2015.

- Conversi D.* Irresponsible Radicalisation: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38, no. 9. P. 1357–1379. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698204>
- Délano Alonso A., Mylonas H.* The Microfoundations of Diaspora Politics: Unpacking the State and Disaggregating the Diaspora // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45, no. 4. P. 473–491. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409160>
- Finnemore M.* *National Interests in International Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.
- Gamlen A.* Diaspora Institutions and Diaspora Governance // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48, no. 1. P. 180–217. <http://doi.org/10.1111/imre.12136>
- Jaffrelot C., Therwath I.* The Sangh Parivar and the Hindu diaspora in the West: What Kind of “Long-Distance Nationalism”? // *International political sociology*. 2007. Vol. 1, no. 3. P. 278–295. <http://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2007.00018.x>
- Kinnvall C., Svensson T.* Differentiated Citizenship: Multiculturalism, Secularism and India’s Foreign Policy // *The Interface of Domestic and International Factors in India’s Foreign Policy* / ed. by J.D. Schmidt & S. Chakrabarti. London : Routledge, 2021. P. 191–211.
- Koinova M.* Four types of Diaspora Mobilization: Albanian Diaspora Activism for Kosovo Independence in the US and the UK // *Foreign Policy Analysis*. 2013. Vol. 9, no. 4. P. 433–453. <http://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2012.00194.x>
- Mishra A.* Diaspora, Development and the Indian State. The Round Table // *The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 105, no. 6. P. 701–721. <http://doi.org/10.1080/00358533.2016.1246859>
- Naujoks D.* Paradigms, Policies, and Patterns of Indian Diaspora Investments // *Routledge handbook of the Indian diaspora* / ed. by R. Hegde & A. Sahoo. London: Routledge, 2017. P. 90–103.
- Ogden C.* Tone Shift: India’s Dominant Foreign Policy Aims Under Modi // *Indian Politics and Policy*. 2018. Vol. 1, no. 1. P. 3–23. <http://doi.org/10.18278/inpp.1.1.2>
- Pradhan R., Mohapatra A.* India’s Diaspora Policy: Evidence of Soft Power Diplomacy under Modi // *South Asian Diaspora*. 2020. Vol. 12, no. 2. P. 145–161. <https://doi.org/10.1080/19438192.2020.1712792>
- Ragazzi F.A.* Comparative Analysis of Diaspora Policies // *Political Geography*. 2014. Vol. 41. P. 74–89. <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004>
- Raj D.S.* The Overseas Citizen of India and Emigrant Infrastructure: Tracing the Deterritorializations of Diaspora Strategies // *Geoforum*. 2015. No. 59. P. 159–168. <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.015>
- Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // *International Organization*. 2003. Vol. 57, no. 3. P. 449–479. <http://doi.org/10.1017/S0020818303573015>
- Sheffer G.* *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Srinivas J.* Modi’s Cultural Diplomacy and Role of Indian Diaspora // *Central European Journal of International & Security Studies*. 2019. 13 (2). P. 74–90.
- Tigau C., Pande A., Yuan Y.* Diaspora Policies and Co-Development: A Comparison between India, China and Mexico // *Migration Letters*. 2017. Vol. 14, no. 2. P. 189–203. <http://doi.org/10.33182/ml.v14i2.326>

References

- Adamson, F.B., & Demetriou, M. (2007). Remapping the boundaries of ‘state’ and ‘national identity’: Incorporating diasporas into IR theorizing. *European Journal of International Relations*, 13(4), 489–526. <http://doi.org/10.1177/1354066107083145>
- Anderson, B. (1998). *The spectre of comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the world*. London-New York: Verso.

- Baser, B. (2015). *Diasporas and homeland politics: A comparative perspective*. London-New York: Routledge
- Conversi, D. (2012). Irresponsible radicalisation: Diasporas, globalisation and long-distance nationalism in the digital age. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(9), 1357–1379. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698204>
- Délanon Alonso, A., & Mylonas, H. (2019). The Microfoundations of diaspora politics: Unpacking the state and disaggregating the diaspora. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(4), 473–491. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409160>
- Finnemore, M. (1996). *National Interests in International Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press
- Galishcheva, N.V. (2010). Transboundary migration. The Indian diaspora: Close links with the motherland are preserved. *Asia and Africa Today*, (9), 39–45. (In Russian).
- Galishcheva, N.V. (2012). Deposits of Diaspora Is Another Engine of the Economy of India. *Asia and Africa Today*, (7), 54–59. (In Russian).
- Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217. <http://doi.org/10.1111/imre.12136>
- Jaffrelot, C., & Therwath, I. (2007). The Sangh Parivar and the Hindu diaspora in the West: what kind of “long-distance nationalism”? *International political sociology*, 1(3), 278–295. <http://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2007.00018.x>
- Kinnvall, C., & Svensson, T. (2021). Differentiated citizenship: Multiculturalism, secularism and India’s foreign policy In J.D. Schmidt & S. Chakrabarti (Eds.), *The Interface of Domestic and International Factors in India’s Foreign Policy* (pp. 191–211). London: Routledge.
- Koinova, M. (2013). Four types of diaspora mobilization: Albanian diaspora activism for Kosovo independence in the US and the UK. *Foreign Policy Analysis*, 9(4), 433–453. <http://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2012.00194.x>
- Loshkariov, I.D. (2015). The role of diasporas in the current world politics. *MGIMO Review of International Relations*, 2(41), 120–126. (In Russian) <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126>
- Lunev, S. (2008). The role of a state in the development of the innovation technologies in India: Experience for Russia. *Public Administration Issues*, (1), 38–51. (In Russian).
- Mishra, A. (2016). Diaspora, development and the Indian State. The round table. *The Commonwealth Journal of International Affairs*, 105(6), 701–721. <http://doi.org/10.1080/00358533.2016.1246859>
- Naujoks, D. (2017). Paradigms, policies, and patterns of Indian diaspora investments. In R. Hegde & A. Sahoo (Eds.), *Routledge handbook of the Indian diaspora* (pp. 90–103). London: Routledge.
- Ogden, C. (2018). Tone shift: India’s dominant foreign policy aims under Modi. *Indian Politics and Policy*, 1(1), 3–23. <http://doi.org/10.18278/inpp.1.1.2>
- Pradhan, R., & Mohapatra, A. (2020). India’s diaspora policy: Evidence of soft power diplomacy under Modi. *South Asian Diaspora*, 12(2), 145–161. <http://doi.org/10.1080/19438192.2020.1712792>
- Ragazzi, F. (2011). A comparative analysis of diaspora policies. *Political Geography*, 41, 74–89. <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004>
- Raj, D.S. (2015). The overseas citizen of India and emigrant infrastructure: Tracing the deterritorializations of diaspora strategies. *Geoforum*, (59), 159–168. <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.015>
- Shain, Y., & Barth, (2003). A. Diasporas and international relations theory. *International Organization*, 57(3), 449–479. <http://doi.org/10.1017/S0020818303573015>
- Sheffer, G. *Diaspora politics: At home abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- Srinivas, J. (2019). Modi's cultural diplomacy and role of Indian diaspora. *Central European Journal of International & Security Studies*, 13(2), 74–90.
- Tigau, C., Pande, A., & Yuan, Y. (2017). Diaspora policies and co-development: A comparison between India, China and Mexico. *Migration Letters*, 14(2), 189–203. <http://doi.org/10.33182/ml.v14i2.326>

Сведения об авторах:

Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669)

Белякова Арина Олеговна — преподаватель кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-8510-7406)

Саакян Тигран Сасунович — аспирант, МГИМО МИД России (e-mail: saakyan.ts@mail.ru)

About the authors:

Ivan D. Loshkariov — PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669)

Arina O. Beliakova — Lecturer at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-8510-7406)

Tigran S. Sakian — Postgraduate student, MGIMO University (e-mail: saakyan.ts@mail.ru)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-928-939
EDN: UHQСJM

Научная статья / Research article

Сложности сотрудничества в космическом пространстве: политическая практика и перспективы

С.В. Соловьев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ stanlysolovyev@gmail.com

Аннотация. Вопрос формирования политико-правового режима использования космического пространства приобретает все большую актуальность. Исследование призвано дополнить корпус научных работ, посвященных данной проблематике, представив полную информацию о процессе формирования первого в истории международного режима использования космоса. В хронологической последовательности рассматривается процесс регулирования и институционализации первой в мире неформальной системы, определившей взаимодействие участников космической гонки, а также проводится детальный анализ проблематики процесса оформления полноценного международного режима, что позволяет автору сделать вывод о неэффективности сложившейся в настоящее время системы точечных международных договоров и в то же время необходимости изменения подходов к формализации. В дополнение в представленном исследовании предложены потенциально возможные сценарии формирования политико-правового космического режима. Автор оценивает вероятность установления военной гегемонии на фоне милитаризации космического пространства, проводит анализ перспектив для формирования кодифицированного режима мирного соразвития на фоне отсутствия работоспособных инициатив в части космической дипломатии, а также рассматривает возможность приватизации космоса в условиях свободной конкуренции и вероятность сохранения современного режима.

Ключевые слова: космическое пространство, милитаризация космоса, космический режим, освоение космоса, космическая гонка, контроль вооружений

Для цитирования: Соловьев С.В. Сложности сотрудничества в космическом пространстве: политическая практика и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 928–939. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-928-939>

© Соловьев С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Complexities of Cooperation Over Outer Space: Political Practice and Prospects

Stanislav V. Solovyev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ stanlysolovyev@gmail.com

Abstract. The formation of the political and legislative regime concerning use of outer space becomes every day more relevant. The research is intended to further expand current studies devoted to this issue by providing thorough information on the formation of the world's first international legal framework for outer space territories use. The author examines in chronological order the regulatory and institutionalization process of the world's first informal system that determined interaction among the participants of the space race. At the same time, this study provides a detailed analysis of the problems related to the formation of a comprehensive international regime, allowing author to make a conclusion about the ineffectiveness of the current system based on targeted international treaties and the necessity of modifying the formalisation approaches. In addition, article proposes potential scenarios for the formation of a political and legal outer space regime. The author assesses the possibility of establishing military hegemony alongside militarisation of outer space, analyses prospects for a codified peaceful co-development regime in the absence of workable space diplomacy initiatives, as well as considers the possibility of privatisation of space under free competition and the probability of preserving the current regime.

Keywords: outer space, militarization of space, space regime, space exploration, space race, arms control

For citation: Solovyev, S.V. (2023). The complexities of cooperation over outer space: Political practice and prospects. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 928–939. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-928-939>

Введение

В конце первой половины XX в. космос становится новым рубежом на пути развития всего человечества. Заняв передовую позицию в области научно-технического прогресса, изучение космического пространства со временем также превратилось в одно из ведущих направлений международно-политических исследований.

Вместе с тем необходимо отметить, что до настоящего времени космос продолжает оставаться наименее регулируемой частью международных отношений, так как процесс оформления политико-правового режима использования космоса все еще далек от завершения [Антонов 2012: 190]. С момента принятия основополагающих космических актов прошло уже более половины века, однако процесс формирования космического режима продолжает сталкиваться с новыми вызовами, без надлежащего регулирования которых дальнейшее развитие космической политики не представляется возможным [Gallagher 2010: 15; McDougall 1985: 109].

В данной статье предпринимается попытка описать ключевые международные политические проблемы, оказывающие влияние на процесс оформления первого в истории человечества полноценного международного режима использования космического пространства.

Милитаризация космоса как инструмент недопущения новой гонки вооружений

С наибольшей долей вероятности одной из ключевых проблем человечества в ближайшем будущем станет стремительная милитаризация космоса [Colin 2012: 230]. Данная тенденция связана, в первую очередь, с тем, что на смену гонке вооружений между США и СССР пришло многополярное наращивание космического военного потенциала [Эйзенхауэр 2006: 56]. Наблюдается динамичный рост космических возможностей Китайской Народной Республики, ставшей с недавнего времени новым участником процесса милитаризации космического пространства. Несмотря на экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, в 2022 г. Китай удвоил количество космических запусков и вывел на орбиту Земли 150 новых спутников, доведя общую численность своей космической группировки до 650 единиц¹. Из 150 запущенных спутников 45 единиц предназначались для военного использования. Более того, Китай вернул на повестку дня вопрос, который на протяжении последнего десятилетия все остальные участники космической гонки старались избегать по целому ряду причин (от экономических до технологических) — создание новых национальных орбитальных комплексов. Очевидно, это предложение выдвинуто в контексте замены на околоземной орбите Международной космической станции (МКС), чей ресурс будет окончательно выработан к 2030 г.

В 2022 г. Пекин закончил основные работы и успешно запустил собственную орбитальную станцию с символическим названием «Небесный дворец»², став, таким образом, обладателем самой «свежей» и технологически продвинутой орбитальной станции с постоянным присутствием персонала. Важно отметить, что станции, находящиеся под непосредственным национальным контролем, независимо от действующих международных договоренностей о размещении оружия на орбите, повышают риск расширения в дальнейшем космического военного потенциала стран-обладательниц³. Таким образом, космическая отрасль — важнейший элемент общей национальной стратегии Китая.

¹ Wolfe F. DoD Space Policy Director Lays Out China's Military Space Developments // *Via Satellite*, 2022. URL: <https://www.satellitetoday.com/government-military/2022/12/07/dod-space-policy-director-lays-out-chinas-military-space-developments/> (accessed: 07.04.2023).

² Гурьянов Н. «Альтернатива США». Что дает миру китайская космическая станция // *РИА Новости*, 2022. URL: <https://ria.ru/20221104/kosmos-1829008297.html> (дата обращения: 07.04.2023).

³ Степанов А. Китайская военно-космическая программа — набор командной высоты // *РСМД*. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/space/kitayskaya-voenno-kosmicheskaya-programma-nabor-komandnoy-vysoty/> (дата обращения: 09.04.2023).

Приоритеты этой стратегии отражены в «Белой книге о космической деятельности Китая» [Gallagher 2019: 9].

В соответствии с опубликованной в декабре 2016 г. Правительством КНР позицией китайская сторона придерживается принципа использования космического пространства *исключительно в мирных целях* и выступает против любых попыток использования космического пространства в качестве нового театра боевых действий или места для развязывания гонки вооружений. Китайское Правительство также выражает намерение продолжить курс независимой политики, сочетая подобный подход с открытостью к международному сотрудничеству [Lu 2020: 517]⁴.

Данная формулировка сохраняется в положениях обновленной в 2021 г. «Белой книги», согласно которой Китай продолжает выступать за использование космического пространства *исключительно в мирных целях*, но в то же время выражает намерение повысить уровень участия в обсуждении международных вопросов и разработке соответствующих механизмов в области управления космической средой и повышения эффективности комплексного управления космическими кризисами, признавая тем самым необходимость формирования нового международного режима⁵.

Однако подобная пацифистская риторика идет вразрез с некоторыми положениями опубликованной в 2019 г. Государственным советом Китайской Народной Республики «Стратегии национальной обороны Китая в новую эпоху», согласно которой космическое пространство является критически важной областью в международной стратегической конкуренции, а его безопасность обеспечивает стратегическую гарантию национального и социального развития⁶.

Успехи Пекина в данном направлении побудили к действию другие космические державы. В конце 2022 г. Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) объявило о подписании контрактов на разработку технических эскизов новых орбитальных станций⁷. Роскосмос в рамках Международного военно-технического форума «Армия-2022» также представил свой макет новой отечественной орбитальной станции с ожидаемой датой запуска головного модуля до 2030 г.⁸

⁴ White paper on China's space activities in 2016 (December 28, 2016) // The State Council of The People's Republic of China. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/12/28/content_281475527159496.htm (accessed: 06.04.2023).

⁵ China's Space Program: A 2021 Perspective (January 28, 2022) // The State Council of The People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202201/28/content_WS61f35b3dc6d09c94e48a467a.html (accessed: 09.04.2023).

⁶ China's National Defense in the New Era (24 July, 2019) // The State Council of The People's Republic of China. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/4846443.html (accessed: 06.04.2023).

⁷ Pethokoukis J. The US Wants to Build a Fleet of Space Stations. What Will We Do With Them? // The American Enterprise Institute, 2022. URL: <https://www.aei.org/articles/the-us-wants-to-build-a-fleet-of-space-stations-what-will-we-do-with-them/> (accessed: 08.04.2023).

⁸ Роскосмос презентовал новую Российскую орбитальную станцию на «Армии-2022» // Роскосмос. 2022. URL: <https://www.roscosmos.ru/38095/> (дата обращения: 08.04.2023).

Усиление военно-политической конфронтации нашло свое отражение в основных стратегических документах вышеупомянутых стран. Законодательные акты и доктрины космических держав, в первую очередь США, переориентировались с мирного соразвития на достижение военного превосходства посредством установления контроля за космическим пространством, и в частности за орбитой [Фененко 2008: 26–27; Фененко 2010: 95–96].

Для США беспрепятственный доступ к космосу и свобода деятельности в космическом пространстве представляют жизненно важный интерес [Кокошин 2016: 30]. С избранием республиканца Дональда Трампа космическая идея США получила новую жизнь. Произошли изменения в подходах к использованию космического пространства и оценке его значимости.

В стратегии национальной безопасности США (2017 г.) отмечается необходимость разработки новых концепций для «поддержки способностей к ведению нерегулярной войны», в том числе и в космосе. Подобная мера вызвана необходимостью защиты критически важных составляющих космической архитектуры США от любого вмешательства и своевременного реагирования на внешние угрозы⁹.

В дополнение к вышеупомянутой Стратегии в течение президентского срока Д. Трампа были приняты четыре Директивы по космической политике (Space Policy Directive 1–4)¹⁰. В соответствии с Директивой № 4 был создан новый вид вооруженных сил — Космические силы Соединенных Штатов. Главная цель космических сил — обеспечить и расширить американское доминирование в космической сфере¹¹.

Обновленная в 2022 г. Стратегия национальной безопасности подчеркивает намерение американских властей сохранить за Америкой статус «лидера» в космической политике. Документ также отражает необходимость военного сдерживания России в космическом пространстве, возглавив работу по обновлению системы управления космическим пространством, созданию системы координации космического движения и формированию космических норм контроля над вооружениями, направленных на защиту интересов США в космосе¹².

В свою очередь, Российская Федерация продолжает занимать одну из лидирующих позиций в космической гонке [Кокошин 2013: 30]. Вместе с тем с 2015 г. государственный интерес к космосу, как одному из стратегически важных направлений, неустойчив. Это заметно при проведении

⁹ National Security Strategy (December, 2017) // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 08.04.2023).

¹⁰ National Space Policy of the United States of America (December 9, 2020) // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf> (accessed: 08.04.2023).

¹¹ Space Policy Directive-4: Establishment of the United States Space Force (February 19, 2019) // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/text-space-policy-directive-4-establishment-united-states-space-force/> (accessed: 08.04.2023).

¹² National Security Strategy (October, 2022) // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.04.2023).

сравнительного анализа положений Стратегий национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 гг. Особо примечательным является то, что в указанных документах закрепляются ключевые «прогнозы» развития ситуации в космической сфере. Так, например, Стратегия национальной безопасности 2015 г. предусматривает развитие новых высокотехнологичных отраслей и укрепление позиций в области освоения космоса для поддержания глобальной и региональной стабильности ввиду активизации военной деятельности стран НАТО, а также на случай размещения иными государствами оружия в космосе¹³. В Стратегии национальной безопасности 2021 г. отмечается факт активного освоения космического и информационного пространства как новой сферы ведения военных действий¹⁴. Таким образом, космос фактически признается местом для прямой военной конфронтации сторон.

Тем не менее в соответствии с утверждением Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. Россия выступает против гонки вооружений и намерена уделять приоритетное внимание продвижению международного сотрудничества. На первом (промежуточном) этапе предполагается добиться принятия всеми государствами обязательства не размещать вооружения в космосе первыми. На втором — разработать и заключить комплексный международный договор по космической проблематике¹⁵.

Современные проблемы космической дипломатии

Милитаризация не единственная помеха на пути формирования нового космического режима. На данный момент также наблюдается утрата значимости площадок и органов, занимающихся регулированием международных отношений в космической сфере [Анненков 2001: 143]. Ключевой площадкой для поиска и принятия международного консенсуса является ООН, в частности Конференция по разоружению (КР), а также Комитет по использованию космического пространства в мирных целях.

На начальном этапе освоения космоса Советскому Союзу и Соединенным Штатам, как ключевым акторам в космической сфере, потребовалось более половины века, чтобы выработать первую в истории систему (в значительной части неформальную), определившую взаимодействие в космосе. Ключевыми

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).

документами, установившими очертания первого космического режима можно назвать Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г., Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., Конвенцию о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г., а также Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.¹⁶

С ухудшением двусторонних отношений в конце 1970-х гг. прогресс в части формализации вопросов освоения космоса существенно замедлился. Значительно усложнил космическую дипломатию переход к многополярному миру, результатом которого стала утрата Россией (в роли правопреемника СССР) и США статуса единственных превалирующих участников космического диалога [Erickson 2005: 35].

В связи с существенным расширением состава «космического клуба» в последнее время значительно выросла необходимость формализации сформированной ранее системы, способной обеспечить мирное сосуществование и соразвитие всех участников космической гонки [Wolter 2006: 97; Богатуров 2011: 6]. В то же время действующие механизмы ООН, дополнительно замедленные необходимостью соблюдения консенсуса, при растущем количестве активных участников и, как следствие, разногласий между ними, не в полной мере отвечают сегодняшним требованиям, снижая эффективность космической дипломатии [Johnson-Freese 2007: 143–144].

В качестве примера в международной практике можно выделить несколько значимых инициатив, которые, несмотря на дипломатические усилия, так и не были согласованы или, тем более, имплементированы, что дополнительно подтверждает тезис о некотором затруднении в части достижения сторонами консенсуса о будущем космического режима.

Одним из наиболее известных примеров столь сложного переговорного процесса является Резолюция ООН о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве (PAROS), которую сторонам так и не удалось согласовать по причине отсутствия поддержки со стороны США.

В рамках Конференции по разоружению странам-участницам также не удалось достичь консенсуса в отношении российско-китайской инициативы по созданию «Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве». Обсуждение документа велось в умеренном темпе до 2014 г., пока инициатива не была окончательно признана неактуальной ввиду отсутствия у сторон договоренности по вопросу определения термина «космическое оружие».

¹⁶ Status of international Agreements relating to Activities in Quarter Space // United Nations Office for Quarter Space Affairs. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (accessed: 06.04.2023).

Еще одной несостоявшейся, но тем не менее вызывающей интерес инициативой стала выработка США и странами ЕС Международного кодекса поведения в космосе. Ключевой проблемой проекта являлось то, что он создавался без участия ряда космических держав, а именно России, Китая и некоторых развивающихся стран, поэтому позиции сторон в отношении многих положений расходились.¹⁷ По аналогии с предыдущей инициативой разные версии документа неоднократно обсуждались «на полях» ООН до 2015 г., когда США прекратили поддержку.

Потенциальные направления развития космического режима

Анализируя сложившийся «дипломатический тупик» и необходимость актуализации космических соглашений, можно предположить четыре возможных сценария формирования политико-правового космического режима.

Первым и наиболее вероятным сценарием видится постепенная приватизация космоса в условиях свободной конкуренции. Рассматривая процесс освоения космоса через «трагедию общин» и принимая при этом во внимание активное привлечение частного сектора к космической политике в течение последних нескольких лет, ряд авторов предполагает повышение уровня конкуренции бизнеса с государствами и, как следствие, развитие многостороннего «космического» капитализма [Dolman 2022: 171; Hardin 1968: 1243–1248].

Вторым возможным сценарием является установление военной гегемонии. Однако в связи с необходимостью выделения больших объемов целевого финансирования, особенно в период экономической нестабильности и сокращения периодичности экономических кризисов, становится очевидным, что всеобъемлющее космическое превосходство не сможет быть установлено каким-либо государством единолично. Кроме того, достижение гегемонии в космосе так или иначе требует обеспечения похожих результатов на Земле, поэтому попытка установления космического превосходства неизбежно приведет к военному конфликту. В этой связи можно предположить, что обеспечение подобной степени превосходства будет возможно исключительно в рамках союзов или коалиций, но, поскольку глобальная конфронтация не входит в список интересов ни одной из сторон, развитие истории по такому сценарию маловероятно [Moltz 2014: 149; Bowen 2020: 3].

Третий сценарий освоения космоса заключается в продолжении развития современного режима в виде точечных соглашений, ограниченных по сфере применения и направленных на решение уже возникших проблем и разногласий. Такой подход представляется достаточно гибким и позволяет привлечь всех участников освоения космоса. Ожидается, что по мере продвижения человека

¹⁷ Draft International Code of Conduct for Outer Space Activities // European Union, 2014. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/space_code_conduct_draft_vers_31-march-2014_en.pdf (accessed: 14.04.2023).

в космическом пространстве режим будет дополняться новыми соглашениями, в том числе неформальными. Данная модель основана на идее «мягкого управления», согласно которой выработка ролей и ожиданий от них во многом оказывает благоприятное влияние на акторов внутри системы, побуждая их следовать общим устоявшимся нормам во избежание группового порицания и иных ограничений [Vasella 2007: 86].

Последний и наиболее предпочтительный сценарий предусматривает развитие комплекса кодифицированных норм в рамках международного режима. Предполагается, что достижение подобного формата потребует проведения официальных переговоров, с последующим заключением обязательных к выполнению соглашений и формированием исполнительных организаций, наделенных необходимыми для этого ресурсами и полномочиями [Gallagher 2005: 35]. Практическим примером для создания подобной системы может послужить подписанное в январе 1998 г. «Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения». В отличие от формирующегося в настоящее время режима, направленного в первую очередь на реакционное точечное решение проблем, формат сотрудничества в рамках МКС фактически представляет собой международную организацию, основанную на многостороннем взаимодополняющем международном сотрудничестве в соответствии с множеством заключенных договоров. Подобная практика может быть применена в отношении всех аспектов космической деятельности, однако достижение столь амбициозной цели потребует титанических дипломатических усилий [Macauley 2010: 225; Moltz 2006: 115]. Из-за повышенной международной напряженности этот сценарий может быть реализован позже в текущем или последующих десятилетиях.

Заключение

С начала XXI в. режим, регулирующий использование космического пространства, кардинально изменился. К освоению космоса подключилось множество государств, имеющих собственные цели, амбиции и видение будущего режима. Новый виток международной напряженности перезапустил гонку вооружений, в том числе и в космическом пространстве.

Космос в ближайшей перспективе с большой долей вероятности станет новым театром военных действий, что также подтверждает наблюдающаяся на протяжении последних лет тенденция к пересмотру положений внутренних актов и стратегических доктрин ведущих государств. Происходит постепенное смещение акцента с мирного освоения космоса в сторону достижения военного превосходства посредством установления контроля за космическим пространством и, в частности, за орбитой.

Одновременно процесс формирования международного режима в сфере использования космоса находится в упадке из-за отсутствия актуальных площадок и механизмов для выработки международного консенсуса по вопросам использования космического пространства в мирных и военных целях. В этой связи становится очевидной необходимость перевода многих неформальных правил и договоренностей в формальное русло, а также перехода к широкой дискуссии о будущем космоса — не только с учетом мнения космических держав, но и государств, пока косвенно затронутых милитаризацией космоса.

Таким образом, на сегодняшний день перспектива формирования первого в истории человечества полноценного режима использования космического пространства в ближайшем будущем не predetermined. Важнейшим направлением развития оказываются не только меры в отношении деэскалации международной напряженности и предотвращения неконтролируемой милитаризации космоса, но и согласование процедур учета мнений и принятия обязывающих решений, без которых любой международный режим может дезинтегрироваться.

Поступила в редакцию / Received: 21.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Анненков В.И.* Военный космос: аспекты разоружения: учебное пособие. М.: Науч. книга, 2001.
- Антонов А.И.* Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4. С. 190–197.
- Богатуров А.Д.* Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера. М.: Ленанд, 2011.
- Кокошин А.А.* Россия и международная безопасность в космосе. М.: Красанд, 2013.
- Кокошин А.А., Бартнев В.И., Веселов В.А.* О новых приоритетах военно-технической политики США. М.: Издательство УРСС, 2016.
- Фененко А.В.* Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 26–41.
- Фененко А.В.* Теория и практика международной космической безопасности // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2. С. 94–116.
- Эйзенхауэр С.* Партнеры в космосе: американо-российское сотрудничество после «холодной войны». М.: Наука, 2006. 290 с.
- Bowen B.E.* War in Space: Strategy, Spacepower, Geopolitics. Edinburgh University Press, 2020.
- Colin G.S.* Airpower for Strategic Effect. Air University Press, 2012.
- Dolman E.C.* Astropolitik. Classical Geopolitics in the Space. Frank Class Publisher, 2022.
- Erickson M.* Into the unknown together: the DOD, NASA and early spaceflight. Air University Press Maxwell Air Force Base, 2005.
- Gallagher N.* China on Arms Control, Nonproliferation, and Strategic Stability. Center for International and Security Studies at Maryland, 2019.

- Gallagher N. Space Governance and International Cooperation // *Astropolitics*. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 256–279.
- Gallagher N. *Towards a Reconsideration of the Rules for Space Security*. Space Policy Institute, George Washington University, 2005.
- Hardin G. The Tragedy of the Commons // *Science*. 1968. Vol. 162, no. 3859. P. 1243–1248. <http://doi.org/10.1126/science.162.3859.1243>
- Johnson-Freese J. *Space as a Strategic Asset*. Columbia University Press, 2007.
- Lu Z. Chinese Space and Security Policy: An Overview // *Handbook of Space Security*. 2020. 2nd ed. P. 515–526. http://doi.org/10.1007/978-3-030-23210-8_133
- Macaulay M.K. *Earth Observations and Space Strategy // Space Strategy in the 21st Century*. 2010. P. 205–219.
- McDougall W.A. *The Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age*. New York: Basic Books, 1985.
- Moltz J.C. *Crowded Orbits: Conflict and Cooperation in Space*. Columbia University Press, 2014.
- Moltz J.C. Preventing Conflict in Space: Cooperative Engagement as a Possible U.S. Strategy // *Astropolitics The International Journal of Space Politics and Policy*. 2006. № 4 (2). P. 121–129. <http://doi.org/10.1080/14777620600910563>
- Vasella D., Kellenberger J., Wasescha L., Weck R., Brunschwig M. *Booklet № 1 Soft Governance*. Geneva Foundation for Governance and Public Policy, 2007.
- Wolter D. *Common Security in Outer Space and International Law*. United Nations Institute for Disarmament Research, 2006.

References

- Annenkov, V.I. (2001). *Military space: Aspects of disarmament*. Moscow: Science Book. (In Russian).
- Antonov, A.I. (2012). International legal regulation of outer space military activities. *MGIMO Review of International Relations*, (4), 190–197. (In Russian).
- Bogaturov, A.D. (2011). *Russia's international relations in the "New Political Spaces": Space. Subpolar zones. Air and maritime spaces. The global information sphere*. Moscow: Lenand. (In Russian).
- Bowen, B.E. (2020). *War in space: Strategy, spacepower, geopolitics*. Edinburgh University Press.
- Colin, G.S. (2012). *Airpower for strategic effect*. Air University Press.
- Dolman, E.C. (2022). *Astropolitik. classical geopolitics in the space*. Frank Class Publisher.
- Eisenhower, S. (2006). *Partners in space: US-Russian cooperation after the Cold War*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Erickson, M. (2005). *Into the unknown together: The DOD, NASA and early spaceflight*. Air University Press Maxwell Air Force Base.
- Fenenko, A.V. (2008). Competitiveness in space and international security. *International Trends*, 6, 26–41. (In Russian).
- Fenenko, A.V. (2010). Theory and practice of international space security. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 94–116. (In Russian).
- Gallagher, N. (2005). *Towards a reconsideration of the rules for space security*. Space Policy Institute, George Washington University.
- Gallagher, N. (2010). Space governance and international cooperation. *Astropolitics*, 8(2), 256–279.
- Gallagher, N. (2019). *China on arms control, non-proliferation, and strategic stability*. Centre for International and Security Studies at Maryland.
- Hardin, G. (1968). The tragedy of the commons. *Science*, 162(3859), 1243–1248. <http://doi.org/10.1126/science.162.3859.1243>
- Johnson-Freese, J. (2007). *Space as a strategic asset*. Columbia University Press.

- Kokoshin, A.A. (2013). *Russia and international security in space*. Moscow, Korsand. (In Russian).
- Kokoshin, A.A., Bartenev, V.I., & Veselov, V.A. (2016). *US new military-technical policy priorities*. Moscow: URSS Publisher. (In Russian).
- Lu, Z. (2020). Chinese space and security policy: An overview In K.U. Schrogl (Ed.), *Handbook of Space Security* (pp. 515–526). Springer, Cham. http://doi.org/10.1007/978-3-030-23210-8_133
- Macauley, M.K. (2010). Earth observations and space strategy. In M.K. Macauley (Ed.), *Space Strategy in the 21st Century* (pp. 205–219). Routledge.
- McDougall, W.A. (1985). *The heavens and the Earth: A political history of the space age*. New York: Basic Books.
- Moltz, J.C. (2006). Preventing conflict in space: Cooperative engagement as a possible U.S. strategy. *Astropolitics*, 4(2), 121–129. <http://doi.org/10.1080/14777620600910563>
- Moltz, J.C. (2014). *Crowded orbits: Conflict and cooperation in space*. Columbia University Press.
- Vasella, D., Kellenberger, J., Wasescha, L., Weck, R., & Brunschwig, M. (2007). *Soft Governance*. Geneva Foundation for Governance and Public Policy.
- Wolter, D. (2006). *Common security in outer space and international law*. United Nations Institute for Disarmament Research,

Сведения об авторе:

Соловьев Станислав Викторович — преподаватель кафедры политической теории, соискатель, МГИМО МИД России (e-mail: stanlysolovyev@gmail.com) (ORCID: 0009-0007-1236-2710)

About the author:

Stanislav V. Solovyev — Lecturer at the Department of Political Theory, Postgraduate student, MGIMO University (e-mail: stanlysolovyev@gmail.com) (ORCID: 0009-0007-1236-2710)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952
EDN: UGROOQ

Научная статья / Research article

Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации

О.В. Бахлова , И.В. Бахлов , Е.Г. Уляшкина

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация*

 olga.bahlova@mail.ru

Аннотация. Патриотическая проблематика сегодня превращается в фокус общественно-политических дискуссий и управленческих практик. Многослойные вызовы и детерминанты мирополитического развития актуализируют взаимосвязь внутренних и внешних задач, корреспондирующих с обеспечением национальной безопасности, формированием идентичности и достижением общенациональной консолидации. Патриотическое воспитание обретает принципиальное значение как одно из магистральных направлений на этом пути. Его конституирование как автономной сферы государственной политики предполагает необходимость совершенствования сложившихся ранее механизмов и нормативной базы. Дополнительные возможности и инструменты имеются также в плоскости интеграционного взаимодействия Российской Федерации с ее ближайшим союзником — Республикой Беларусь. Основа — совокупность проинтеграционных факторов, стимулирующих гуманитарное измерение. Институционализация политики патриотического воспитания рассматривается как динамичный процесс формализации и упорядочения соответствующих ожиданий и намерений, облакаемых в нормы национального права и интеграционные установления. Проанализированы нормативный и организационный элементы, характеризующие ее состояние и потенциал в рамках Союзного государства. Акцентировано отсутствие конкретных интеграционных предписаний в данной области, что вытекает в том числе из особенностей институционального дизайна стран-участниц и аморфности модели российско-белорусской интеграции, не имеющей четких концептуальных параметров и методологических оснований. Создание союзной системы патриотического воспитания во многом зависит от совершенствования общей интеграционной системы, в том числе посредством углубления ее институционализации и внедрения интеграционного права.

© Бахлова О.В., Бахлов И.В., Уляшкина Е.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гуманитарное измерение союзного строительства, интеграционная система, патриотическое воспитание, Союзное государство Беларуси и России, традиционные ценности

Для цитирования: Бахлова О.В., Бахлов И.В., Уляшкина Е.Г. Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 940–952. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

The Patriotic Education Policy Within the Framework of Belarus and Russia Union State: The Potential for Institutionalization

Olga V. Bakhlova , Igor V. Bakhlov , Ekaterina G. Uliaskina

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

 olga.bahlova@mail.ru

Abstract. Patriotic issues have been becoming now the focus of socio-political discussions and management practices. Multilayered challenges and determinants of world political development actualize the interrelation of internal and external tasks corresponding to ensuring national security, identity formation and achieving national consolidation. Patriotic education is gaining fundamental importance as one of the main directions on this path. Its constitution as an autonomous sphere of state policy implies the need to improve the previously established mechanisms and regulatory framework. Additional opportunities and tools are also available in the sphere of integration cooperation between the Russian Federation and its closest ally, the Republic of Belarus. The basis is a set of pro-integration factors that stimulate the humanitarian dimension. The institutionalization of the patriotic education policy is considered as a dynamic process of formalization and ordering of the corresponding expectations and intentions, clothed in the norms of national law and integration institutions. The normative and organizational elements characterizing its state and potential within the Union State are analyzed. The incompleteness of legislative institutionalization in the domestic dimension and the absence of specific integration regulations in this area are emphasized, which follows, among other things, from the institutional design peculiarities of the participating countries and the amorphous model of Russian — Belarusian integration, which does not have clear conceptual parameters and methodological foundations. The creation of a union system of patriotic education largely depends on the improvement of the overall integration system, including by deepening its institutionalization and the introduction of integration law.

Keywords: humanitarian dimension of union building, integration system, patriotic education, the Union State of Belarus and Russia, traditional values

For citation: Bakhlova, O.V., Bakhlov, I.V., & Uliaskina, E.G. (2023). The patriotic education policy within the framework of Belarus and Russia Union state: The potential for institutionalization. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 940–952. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952>

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

Введение

Современное мироустройство переживает трансформацию, в рамках которой политический, экономический, геостратегический, идеологический аспекты выступают созависимыми детерминантами государственного курса во внутренней и внешней плоскостях. Текущие тенденции, включая реструктуризацию мировых центров силы и влияния, макрорегионализацию, эскалацию «гибридной войны», побуждают к внедрению гибких принципов и подходов в сфере политического управления разноуровневыми процессами. Они, в свою очередь, предполагают опору власти на обширную ресурсную базу, в том числе нематериального свойства. В развернувшейся новой глобальной конфронтации мы наблюдаем не только битву армий, военно-промышленного комплекса и высоких технологий. Идет, по сути, сражение и за ценности, которые трактуются каждой стороной по-своему. Констатируется развитие «неоглобальности» в локализованных динамичных социально-политических системах с доминированием политического, «ценностного» императива [Евстафьев, Цыганова 2023: 298]. Нормативные ресурсы, ресурсы убеждения в подобном разрезе являются многоплановыми и вместе с тем подразумевающими некие пределы. В международном контексте это, помимо прочего, государственные границы. Однако вызовы и угрозы, истолкованные как экзистенциальные, могут превратить их в более прозрачные и подвижные — не только в представлении правящих элит, но и в восприятии граждан.

Одна из линий размежевания в глобальной политике в ценностном плане — между либерально-демократическими и традиционными (духовно-нравственными) ценностями. Как минимум она артикулирована в политическом дискурсе, особенно официальном, и сюжетах масс-медиа. Импонирует точка зрения А.А. Гиринского, трактующего традиционные ценности «... как особый подход к пониманию динамики общественного развития и, в конечном счете, как по-настоящему целостное мировоззрение...» [Girinsky 2023: 24–25]. В российском нормативном поле дано определение данного понятия и закреплен достаточно развернутый перечень¹. В него включены, в частности, патриотизм и служение Отечеству. В ситуации общемировой нестабильности и конфликтности, при несомненных внутренних сложностях, диспропорциях и пр., они могут и должны выступать своего рода субстанциональной основой общенациональной консолидации. Акцентируем важность их осмысленной и непротиворечивой интерпретации и воплощения в жизнь. Тем более в России нет согласия по вопросу

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

о государственной идеологии, хотя рассуждения на этот счет становятся одним из трендов политического дискурса.

Учитывая специфику внешней среды и конфигурацию международных партнерств России, общность социокультурных параметров, что весьма актуально для консолидации на ценностной платформе, видится насущным обретение соответствующей субъектности Союзным государством Беларуси и России (СГБР, Союзное государство). Его страны-участницы испытывают мощное давление извне. В них сохраняются и серьезные внутренние риски. Российская Федерация (РФ) и Республика Беларусь (РБ) имеют сходное видение перспектив развития, что склоняет их к дальнейшему укреплению интеграционных взаимосвязей. Лидеры обоих государств заявляют о приверженности одним и тем же духовно-нравственным ценностям. Можно говорить о сходстве подходов РФ и РБ к вопросам нормативного регулирования политики патриотического воспитания. Содержательно позиции стран комплементарны прежде всего по таким сюжетам, как военно-патриотическое воспитание граждан, сохранение и укрепление исторической памяти, традиционных ценностей. Смысловые характеристики в их нормативных правовых актах (НПА) и концептуально-стратегических документах во многом близки, что позволяет допускать наличие политико-правовых предпосылок для становления союзной программы патриотического воспитания. Полагаем, что принятие специальных законов может существенно упорядочить и гармонизировать нормативный элемент национальных систем патриотического воспитания, на перспективу — обеспечить благоприятную базу для сближения позиций РФ и РБ в формате Союзного государства.

Цель исследования — определение контуров создания союзной системы патриотического воспитания, потенциала институционализации политики патриотического воспитания в формате СГБР в целом.

Теоретико-методологические основы исследования

Исследование опирается на положения нового институционализма [March, Olsen 1984] и отчасти нового политического институционализма [Hysing, Olsson 2018]. Сделан акцент на результатах (проектах, соглашениях и пр.), достигнутых в ходе взаимодействия органов государственной власти РФ и РБ и союзных органов. При этом учитывались также перспективы становления «расширенного и всеобъемлющего политического агентства», институциональные противоречия, комбинация ресурсов и возможностей, движение к совокупному эффекту изменений. Применительно к СГБР институционализация подразумевает упорядочивание сложившихся ранее социально-политических отношений, их формализацию, приведение в систему, обеспечивающую удовлетворение потребностей субъектов и агентов интеграции, вытекающих из совокупности их внутренних и внешних побуждений. На данном этапе внимание сосредоточено на нормативном и организационном элементах, создаваемых и трансформируемых в общем русле официальных коммуникаций и имеющих конституирующее

значение для углубления двусторонней интеграции в условиях ухудшающейся международной обстановки.

Исследуемая сфера характеризуется мощным аксиологическим компонентом. Вспомним об аргументации, используемой Т. Парсонсом в его многомерной модели социального действия, — об укорененности норм в культурных образцах, взаимосвязанности институтов и их происхождении из системы ценностей, разделяемых членами общества, различных стадиях институционализации, когда необходимо добиться взаимопроникновения и включения ценностных образцов в единую систему [Parsons 1990: 320], в нашем случае — формирующуюся интеграционную. СГБР в этом смысле понимаем как сложную систему, состоящую из сообщества, режима, власти и политического проекта. По утверждению П. Солдатоса, режим системы охватывает ценности, основополагающие нормы и властные структуры [Soldatos 1989].

Продолжая данную логику, артикулируем установки неофедералистской школы в теории интеграции о политическом сообществе, контролирующем в том числе фокусы политической идентификации. Обратимся к парадигме «политического объединения» А. Этциони, где к идентификационным рычагам интегрирования отнесены пропаганда, ценности, символы [Etzioni 2001]. М. Арах подчеркивает значимость равновесного соотношения факторов функционального и идентификационного характера в процессе углубления и расширения интеграции [Арах 1998]. В рассматриваемом ракурсе вызывает интерес концепция «сообществ безопасности» (транзакционализм) К. Дойча [Deutsch 2015], обосновывающей идею коллективной идентичности на уровне элит и населения. В ценностном измерении анализируемой проблематики обращение к ней весьма актуально для всего региона Содружества Независимых Государств и непосредственно для территории Союзного государства.

Вопросы вероятных трансформаций в области идентичности и политической идентификации, сопрягаемых с интеграцией, интерпретированы также в духе неофункционализма, с акцентом на прагматическом аспекте интеграционных ожиданий населения и элит. Показательны термины «перемещение лояльности» и «многовекторная (новая и традиционная) лояльность». Новая лояльность адресуется уже интеграционному объединению, способному удовлетворить потребности соответствующих субъектов. Осознание национальными акторами преимуществ интеграции и переориентация лояльности составляют содержание одной из стадий «перелива» [Haas 1964]. Данные соображения отчасти применимы к исследованию механизмов институционализации политики патриотического воспитания в формате СГБР. Оговоримся, что неофункционализму присуща концентрация на экономике, не политике. Фокусируясь на специфике российско-белорусской интеграции, поясним, что стимулирование «новой» — «союзной» лояльности и идентичности коррелирует с успешным решением социально-экономических задач внутри объединения, что повышает «спрос на интеграцию».

Возможности институциональных изменений в формате СГБР как интеграционного сообщества могут быть исследованы и с позиции дискурсивного

институционализма — в контексте логики взаимодействия представителей политической элиты по поводу тех или иных идей в рамках координационного дискурса, а также сообщения выработанных в элитной среде идей населению и получения от него обратной связи в рамках коммуникационного дискурса [Романова, Мазаник 2022: 83]. Полагаем, что обеспечение баланса между координационным и коммуникационным дискурсом будет способствовать повышению общественной поддержки союзного строительства и достижению нормативного патриотического консенсуса на уровне СГБР.

Отметим артикуляцию в дискурсивных практиках СГБР принципиальных в данном проблемном поле политических концептов. Примечательна в первую очередь идея «общего Отечества» — «от Бреста до Владивостока». О ней довольно часто рассуждает Президент РБ А.Г. Лукашенко². Неоднократно он апеллировал и к идее «славянского единства». Президент России, в свою очередь, оперирует понятием «триединства» русских, белорусов и украинцев³. Оставляя за скобками дискуссии о степени вероятности воплощения в реальной действительности подобного единства в той или иной политико-правовой форме, подчеркнем необходимость и сложность солидарной верификации на союзном уровне соответствующей терминологии («Отечество», «Родина» и пр.).

Концепт «патриотизм» уже не мыслится исключительно во внутригосударственных рамках — он постепенно внедряется в интеграционную повестку. Вместе с тем в рассматриваемой плоскости, помимо интеграционных стимулов, есть и объяснимые ограничители объективного и субъективного характера и разного масштаба. В частности, акцентируются опасения по поводу перспективы «превращения русской цивилизации в империю» [Лишуан 2023]. Неслучайно белорусской стороне присуще осторожное и порой негативное (в большей степени заметное ранее) отношение к идее «Русского мира»⁴. Естественным ограничителем в любом интеграционном процессе для разных сфер является суверенитет государства. Одно из вероятных решений дилеммы — восприятие концепции «позитивного суверенитета», типичной для федералистской теории интеграции. Оно

² См., например: Логинов В. Два государства, но Отечество у нас общее // Известия. 27.06.2023. URL: <https://iz.ru/1535657/valentin-loginov/dva-gosudarstva-no-otechestvo-u-nas-obshchee> (дата обращения: 04.06.2023); Лукашенко заявил, что белорусы и россияне сохраняют общее Отечество // РИА Новости. 01.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200901/lukashenko-1576571353.html> (дата обращения: 04.06.2023).

³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ При этом наблюдается некоторые подвижки в официальном дискурсе. См., например: Лукашенко призвал не навязывать Белоруссии идею «русского мира» // РИА Новости. 01.03.2019. URL: <https://ria.ru/20190301/1551483401.html> (дата обращения: 04.06.2023); Лукашенко: русское — не только российское, это и наше // Белта. 31.03.2023. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-russkoe-ne-tolko-rossijskoe-eto-i-nashe-558469-2023/> (дата обращения: 04.06.2023).

предполагает в том числе укрепление института союзного гражданства как значимого конструкта политики патриотического воспитания, недостаточно имплементированного.

Патриотическое воспитание осмысливается как многоуровневый комплекс мер с участием государственных и негосударственных институтов. В теоретическом дискурсе преобладающим признается государствоцентричный вектор — формально задаваемая государством логика патриотической деятельности. Артикулируется инструментальная функция патриотизма в политических практиках [Ваеккен 2021]. Аргументируются мнения, что эффективность патриотических мероприятий коррелирует с консолидацией официальных проектов и общественных инициатив [Волков, Вагина 2022].

Вопросы патриотического воспитания в рамках Союзного государства обычно рассматриваются через призму интересов национального уровня, но не интеграционного [Звездкин 2021; Узгорок 2021]. Однако авторы новейших публикаций, посвященных анализу состояния и перспектив российско-белорусской интеграции, все чаще фокусируются на возможностях широкого социально-политического консенсуса — не только между элитными группами, но и обществами, гражданами, народами РФ и РБ на фоне нарастающих вызовов и угроз. В качестве стимулирующих его предпосылок видятся общее историческое прошлое, морально-нравственные и культурные ценности, геостратегические и экономические потребности [Мухаева 2023; Стоппе 2022]. Подчеркивается влияние внешнего фактора [Лешенюк 2023]. В то же время политика патриотического воспитания по-прежнему не воспринимается как одно из магистральных направлений союзного строительства. Теоретики и практики склонны к размышлениям о вероятности получения новых интеграционных эффектов в экономической и военно-политической областях.

Главные источники исследования — НПА РФ и РБ, интеграционные акты, соглашения, иные документы Союзного государства, материалы официальных сайтов органов государственной власти РФ и РБ и органов СГБР.

Ключевые методы — традиционный анализ документов, методы институционального, сравнительного и многоуровневого системного анализа. Благодаря им были вычленены ключевые смысловые блоки нормативных предписаний национального и союзного уровней, установлено их соотношение, уточнены организационные параметры политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства с учетом подходов стран-участниц к выстраиванию интеграционного взаимодействия.

Потенциал политики патриотического воспитания на союзном уровне: нормативный и организационный аспекты

В российско-белорусских отношениях реализуются множество межгосударственных договоров и соглашений, интеграционных актов, документов концептуально-стратегического и программного характера.

Ценностный компонент как фундамент политики патриотического воспитания выступает средоточием гуманитарного измерения СГБР, распространяющегося прежде всего на социальную, культурную и образовательную области. Документы учредительного характера (как действующие, так и прекратившее свое действие) предполагают наличие соответствующих установок. Однако аксиологический аспект в них нельзя отнести к доминирующим. Особенно это свойственно Договору от 8 декабря 1999 г. и пакету решений от 4 ноября 2021 г. Обращает на себя прагматичная трактовка приоритетных направлений развития Союзного государства.

В документах учредительного характера не выявляется стержневого молодежного вектора как центрального в национальной политике патриотического воспитания. Это касается и такого интеграционного инструмента, как союзные программы. Заключены и действуют отдельные межгосударственные договоренности в данной области. Внедряются проекты в плоскости молодежной интеграции с патриотической составляющей. Например, предусмотрено проведение конкурса молодых литераторов «Мост дружбы», хотя в 2023 г. ему не уделяется должного внимания. Организуются фестивали «Творчество юных», «Молодежь за Союзное государство», Белорусско-Российский молодежный форум и др. Значимы международный молодежный патриотический проект «Дорогами Памяти и Славы», международный исторический проект «Цифровая звезда», запущенный по инициативе Молодежной палаты при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России и др. Информационные ресурсы СГБР содержат довольно большое количество материалов на указанный счет. Так, на Информационно-аналитическом портале Союзного государства имеется раздел «Молодежная территория», на официальном сайте Постоянного Комитета — «Белорусско-российское сотрудничество» (вкладки «Культура и общество» и «Гуманитарное измерение»). Репрезентативны материалы официального сайта Парламентского Собрания (разделы «Структура и состав», «Парламентская деятельность», «Молодежная палата» и др.).

Непосредственно о патриотизме как общей ценности в документах интеграционного уровня не говорится, как, собственно, нет «расшифровки» традиционных ценностей. Нормативно не закрепляется и понятие «патриотическое воспитание». Отчасти эти пробелы компенсируются дискурсивными практиками представителей политического сообщества СГБР и отдельными интеграционными решениями. Показателен План мероприятий по развитию сотрудничества в 2023–2024 гг. между Министерством просвещения РФ и Министерством образования РБ⁵. Отсутствие формально закрепленных определений не означает отказа от патриотической деятельности в формате СГБР. Вместе с тем оно осложняет процесс институционализации рассматриваемой сферы на интеграционном уровне.

⁵ Минск и Москва подписали план сотрудничества в сфере образования // Российская газета. 11.01.2023. URL: <https://rg.ru/2023/01/11/minsk-i-moskva-podpisali-plan-sotrudnichestva-v-sfere-obrazovaniia.html> (дата обращения: 04.06.2023).

На союзном уровне организационный элемент, как и нормативный, в анализируемом измерении статусно и функционально не оформлен. Документы учредительного характера не позволяют четко вычленить полномочия органов СГБР в области патриотического воспитания, поскольку как таковая она не имплементирована в интеграционное поле. Исходя из смысла и содержания формулировок ст. 18 Договора 1999 г., предположим, что данные вопросы на перспективу могли бы быть отнесены к предметам совместного ведения Союзного государства и государств-участников. В таком случае, отталкиваясь от ст. 46 Договора, главная роль может быть возложена на Совет Министров. Ряд вопросов, связанных с легализацией политики патриотического воспитания на уровне СГБР, потенциально способен решить Парламент Союзного государства — при условии политического согласия о его образовании, что коррелирует с урегулированием одной из главных сущностных проблем союзного строительства — определением принципиальных черт интеграционной модели.

В настоящее время, судя по дискурсивным практикам представителей ныне существующих органов СГБР, наиболее активны в исследуемой области члены Высшего Государственного Совета, депутаты Парламентского Собрания, Государственный секретарь. В структуре Парламентского Собрания выделим прежде всего Комиссию по молодежной политике, спорту и туризму, а также комиссии по законодательству и Регламенту; культуре, науке и образованию. Акцентируем роль Молодежной палаты, ее Комиссии по патриотическому воспитанию и культурному наследию. Это, пожалуй, единственное структурное подразделение союзной системы власти и управления, предметно ориентированное на анализируемую область. К сожалению, сайт не позволяет детально ознакомиться с деятельностью конкретной Комиссии. В то же время определенные вклады раздела «Молодежная палата» («Новости Молодежной палаты» и «Заседания Молодежной палаты») достаточно подробно освещают работу Палаты в целом. Подчеркнем, что она остается совещательным и консультативным органом, и потому ее реальные возможности серьезно повлиять на продвижение значимых решений ограничены.

Тем не менее именно в молодежном измерении перспектива усиления институционализации видится наиболее предпочтительной. Сошлемся на инициативу о создании Центра патриотического воспитания Союзного государства, что должно претворяться в жизнь на средства союзного бюджета, в партнерстве национальных ведомств (обороны, культуры), музейного сообщества, Постоянного комитета⁶. Несмотря на достаточно узкую трактовку назначения Центра, начало его функционирования может свидетельствовать о новом важном шаге на пути к союзной политике патриотического воспитания.

⁶ Союзное государство планирует создать единый патриотический центр // РИА Новости. 17.12.2023. URL: <https://ria.ru/20211217/mezentsev-1764258680.html?ysclid=iftus35bw5671180809> (дата обращения: 30.03.2023).

Заключение

На союзном уровне на текущий момент сложились общие нормативные условия для перехода к предметному обсуждению политики патриотического воспитания и ее имплементации в интеграционное поле. Для этого требуется решить несколько взаимосвязанных задач в политико-правовом измерении, в том числе касающихся внедрения союзных НПА. Представляется актуальной Концепция Союзного государства в данной области. Предварительно возможно принятие союзных концепций, ориентированных по конкретным сферам (молодежной, образовательной политики и пр.).

Негативно сказывается на состоянии дел не только в исследуемой плоскости, но и в целом в рамках союзного строительства невнятность институционализации Союзного государства (отсутствие Парламента, Суда и др.). Думается, что совокупность внутренних и внешних вызовов будет побуждать страны-участницы к углублению взаимодействия на данном направлении. В нормативной плоскости необходимы дальнейшая гармонизация национального законодательства и на ближайшую, максимум среднесрочную перспективу, переход к его унификации в социогуманитарной сфере. Важное позитивное значение может иметь распространение на нее инструментария союзных программ. Предварительно требуется устранить внутренние рассогласования и выработать единое понимание соответствующих концептов (прежде всего «традиционные ценности», «патриотизм» и «патриотическое воспитание»).

Политика патриотического воспитания имеет интегративную сущность, воплощая в себе ценностные начала, коренящиеся во многих сферах, которым уже придан соответствующий официальный статус в РФ и РБ. Важно ее сохранить и одновременно обеспечить больший вес как автономному измерению государственной политики. На союзном уровне аналогичные усилия также насущны, но их успешное воплощение в жизнь еще более затруднено ввиду суверенности стран-участниц. Вероятная линия имплементации политики патриотического воспитания в интеграционное поле — это активизация молодежной интеграции, предполагающая, помимо прочего, утверждение ее стратегии, находящейся в подвешенном состоянии на протяжении нескольких лет, повышение статуса Молодежной палаты. Одно из препятствий — фиксируемая социологическими замерами апатриотичность молодежи.

Принципиально образование союзного Парламента, при котором могут быть созданы подразделения, поддерживающие постоянные контакты с общественными объединениями патриотической направленности. Целесообразно и соответствующее структурирование Постоянного Комитета, учреждение при нем консультативных органов, призванных принимать участие в формировании и продвижении союзной патриотической повестки. Каких-либо прорывных достижений в обозримом будущем здесь вряд ли можно ожидать, но отдельные подвижки вполне допустимы и оправданны. Предпочтительной выглядит политика «малых шагов» в русле обретения наднациональности.

Дальнейшее исследование перспектив политики патриотического воспитания в формате СГБР предполагается в плоскости дискурсивных практик представителей политического сообщества союзного уровня и патриотических проектов, реализуемых в рамках Союзного государства.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Арах М.* Европейский Союз: видение политического объединения. М.: Экономика; Arach Consulting, Rosinvest, 1998.
- Волков Ю.Г., Вагина В.О.* Доминантные формы патриотических практик молодежи на Юге России (по материалам социологических опросов) // *Социология*. 2022. № 3. С. 109–115.
- Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 293–307. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>
- Звездкин Н.М.* Тенденции и перспективы развития системы патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь: социологический анализ // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. 2021. Т. 11. № 2. С. 92–100.
- Лешенюк О.Н.* Влияние односторонних принудительных мер на реализацию Повестки — 2030 в Республике Беларусь // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 111–122. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-111-122>
- Лишуан Г.* Переосмыслить и возродить: современная судьба традиционных российских ценностей // *Вопросы философии*. 2023. № 3. С. 58–69. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69>
- Мухаева М.С.* Внешнеполитические векторы Республики Беларусь на фоне противостояния со странами Запада: роль Союзного государства и Шанхайской организации сотрудничества // *Управление и политика*. 2023. Т. 2. № 1. С. 33–50. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-1-33-50>
- Романова Т.А., Мазаник С.В.* Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Т. 15. № 5. С. 79–112. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112>
- Стонне А.Г.* Молодежная политика в Союзном государстве: молодежь — его настоящее и будущее // *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 3. С. 229–232.
- Узгорок М.Ю.* Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях // *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. 2021. № 2. С. 90–93. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93>
- Baekken H.* Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol. 37. Iss. 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1905417>
- Deutsch K.W.* *Political Community and the North American Area*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
- Etzioni A.* *Political Unification Revisited: On Building Supernational Communities*. Lanham: Lexington Books, 2001.

- Girinsky A.A. On “Conservative Balance” and “Traditional Values” // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. Iss. 3. P. 24–37. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-24-37>
- Haas E. *Technocracy, Pluralism and New Europe* // *A New Europe?* / ed. by S. Graubard. Boston, MA: Beacon Press, 1964. P. 62–86.
- Hysing E., Olsson J. *New Political Institutionalism* // *Green Inside Activism for Sustainable Development: Political Agency and Institutional Change* / ed. E. Hysing, J. Olsson. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 23–45. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56723-5_2
- March J., Olsen J.P. *The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life* // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. Iss. 3. P. 734–749. <https://doi.org/10.2307/1961840>
- Parsons T. *Prolegomena to a Theory of Social Institutions* // *American Sociological Review*. 1990. Vol. 55. Iss. 3. P. 319–333. <https://doi.org/10.2307/2095758>
- Soldatos P. *Le système institutionnel et politique des communautés européennes dans un monde en mutation: Théorie et pratique*. Bruxelles: Bruylant, 1989.

References

- Arah, M. (1998). *The European Union: a vision of political unification*. Moscow: Ekonomika; Arah Consulting, Rosinvest. (In Russian).
- Baekken, H. (2021). Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 37(1), 1–15. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1905417>
- Deutsch, K.W. (2015). *Political community and the North American area*. Princeton: University Press Princeton.
- Etzioni, A. (2001). *Political unification revisited: On building supernational communities*, Lanham: Lexington Books.
- Evstafiev, D.G. & Tsyganova, L.A. (2023). After post-modernity: Discussion points against the background of global transformations. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 293–307. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>
- Girinsky, A.A. (2023). On “conservative balance” and “traditional values”. *Russia in Global Affairs*, 21(3), 24–37. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-24-37>
- Haas, E. (1964). *Technocracy, pluralism and new Europe*. In *A New Europe?* (pp. 66–88). Boston, MA: Beacon Press.
- Hysing, E., & Olsson, J. (2018). *New political constitutionalism*. In *Green inside activism for sustainable development: Political agency and institutional change* (pp. 23–45). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56723-5_2
- Leshenyuk, O.N. (2023). Impact of unilateral coercive measures on implementation of the 2030 agenda in the Republic of Belarus. *Journal of International Analytics*, 14(1), 111–122. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-111-122>
- Lishuang, G. (2023). Rethinking and reviving: The modern fate of traditional Russian values. *Voprosy filosofii*, (3), 58–69. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69>
- March, J., & Olsen, J.P. (1984). *The new institutionalism: Organizational factors in political life*. *The American Political Science Review*, 78(3), 734–749. <https://doi.org/10.2307/1961840>
- Mukhaeva, M.S. (2023). Foreign policy venues of the Republic of Belarus amid confrontation with western states: Role of the Union State and the Shanghai Cooperation Organization. *Governance and Politics*, 2(1), 33–50. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-1-33-50>
- Parsons, T. (1990). *Prolegomena to a theory of social institutions*. *American Sociological Review*, 55(3), 319–333. <https://doi.org/10.2307/2095758>
- Romanova, T.A., & Mazanik, S.V. (2022). Coordinative discourse of strategic sovereignty tilting the European Union’s institutional balance. *MGIMO Review of International Relations*, 15(5), 79–112. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112>
- Soldatos, P. (1989). *Le système institutionnel et politique des communautés européennes dans un monde en mutation: Théorie et pratique*. Bruxelles: Bruylant.

- Stoppe, A.G. (2022). Youth policy in the Union State: Youth — its present and future. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, (3), 229–232 (In Russian).
- Uzgorok, M.Ju. (2021). The main factors in the formation of citizenship and patriotism in modern conditions. *Proceedings of BSTU. Issue 6: History, Philosophy*, 2(251), 90–93. (In Russian). <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93>
- Volkov, Yu.G., & Vagina, V.O. (2022). Dominant forms of patriotic practices of youth in the South of Russia (based on sociological surveys). *Sociology*, (3), 109–115. (In Russian).
- Zvezdkin, N.M. (2021). Trends and prospects of patriotic upbringing system development in the Republic of Belarus: a sociological analysis. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga ŭniversitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 5. Jekanomika. Sacyjalogija. Bijalogija*, 11(2), 92–100. (In Russian).

Сведения об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (e-mail: olga.bahlova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3849-8321)

Бахлов Игорь Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (e-mail: bahlov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6886-5762)

Уляшкина Екатерина Григорьевна — кандидат политических наук, аналитик кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-4670-003X)

About the authors:

Olga V. Bakhlova — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (e-mail: olga.bahlova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3849-8321)

Igor V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (e-mail: bahlov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6886-5762)

Ekaterina G. Uliashkina — PhD in Political Sciences, Analyst of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-4670-003X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-953-961
EDN: UEORGI

Научная статья / Research article

Политико-экономический подход к трактовке феномена государственно-частного партнерства

Я.И. Ваславский

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*
✉ vaslavsky@yandex.ru

Аннотация. Множество нерешенных вопросов и отсутствие моделей лучших национальных практик реализации государственно-частного партнерства (ГЧП) предопределяют ограниченность использования потенциала разнообразных форм партнерства государства и частного бизнеса, равно как и отсутствие общепринятого понимания их роли в формировании будущей системной целостности в экономике и социуме на национальном уровне. Предложена политико-экономическая трактовка феномена партнерства государства и частных компаний в организации бизнеса, а также факторов, обуславливающих многообразие организационных структур партнерства государственного и частного секторов экономики.

Ключевые слова: экономическая политика, государственно-частное партнерство, ГЧП, политическая экономия, государство и экономика, роль государства в экономике

Для цитирования: *Ваславский Я.И.* Политико-экономический подход к трактовке феномена государственно-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 953–961. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-953-961>

© Ваславский Я.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Explaining Public-Private Partnership Through the Prism of Political Economy

Yan I. Vaslavskiy

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation

✉ vaslavsky@yandex.ru

Abstract. Unresolved issues and lack of models of national public private partnership (PPP) practices implementation predetermine limited use of the potential of various partnership forms between the state and private business, as well as lack of a generally accepted understanding of their role in shaping the future systemic integrity in the economy and society at the national level. We offer an interpretation from the perspective of the political economy of the phenomenon of partnership between the state and private companies in the organization of business, as well as factors that determine the diversity of organizational structures of partnership between the public and private sectors of the economy.

Keywords: economic policy, public-private partnership, PPP, political economy, state and economy, role of state in the economy

For citation: Vaslavskiy, Ya.I. (2023). Explaining public-private partnership through the prism of political economy. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 953–961. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-953-961>

Введение

История развития ГЧП в странах мира не столь долгая, поэтому остается достаточно много нерешенных вопросов как теоретического, так и практического плана:

Какие факторы определяют многообразие форм ГЧП?

Какие принципы следует учитывать в качестве главных при организации партнерства?

Чем определяется эффективность механизмов финансирования ГЧП-проектов в различных сферах публичного сектора?

Каким образом оптимизировать интересы государственного и частного партнеров в многообразных моделях ГЧП, включая их гибридные формы и т.п.?

Имеющиеся вопросы и отсутствие моделей лучших национальных практик реализации ГЧП объясняют ограниченность использования потенциала разнообразных форм партнерства государства и частного бизнеса в национальных экономиках и отсутствие общепринятого понимания их роли в формировании будущей системной целостности в сфере экономики и социума на национальном уровне [Vaslavskiy, Vaslavskaya 2019: 199–228].

Цель

В данном исследовании предпринята попытка политико-экономической трактовки феномена партнерства государства и частных компаний в организации бизнеса, факторов, обуславливающих многообразие организационных

структур партнерства (сотрудничества, кооперации) государственного и частного секторов экономики, а также оптимизация возможностей согласования их многообразных различий с выделением общих принципов такого сочетания.

Материалы и методы

В процессе работы над статьей автор обращался к публикациям известных российских и зарубежных исследователей в сфере экономической и политической теории. Также использованы собственные наработки автора в изучаемой области.

Теоретическую и методологическую базу исследования составляют синтез экономической истории и современного институционального анализа, а также новая политическая экономия. В статье применены методы сравнения, диалектический, историко-логический, анализа и синтеза.

Обсуждение и результаты

С точки зрения политической экономии важно выделить те аспекты деятельности государства и частного бизнеса, которые их делают диалектически противоположными.

Во-первых, речь идет о нацеленности государства в прошлое в связи с его структурированием уже сформированных экономических систем и ориентацией частных компаний только на будущее или бесконечное самодвижение.

Во-вторых, задачей государства является укрепление целостности самоорганизующейся системы с использованием механизмов генерирования структурных уровней на основе прямых и обратных связей. Это делает систему более устойчивой и одновременно более сложной и, посему, более хрупкой. В противоположность государству, которое не создает структурные связи, а только укрепляет те, которые упрочивают системную целостность, и разрушает такие, которые разрушают ее, частные компании формируют новые взаимосвязи с себе подобными в процессе своей деятельности, и часть этих связей со временем превращается в структурные.

В-третьих, и это следует из предыдущего положения, государство не способно разрушить всю системную целостность, чтобы вместо нее возвести качественно новую организацию. В результате государство будет всегда препятствовать тем, кто будет это делать. В данной связи темпы эволюции можно поставить в прямую зависимость от силы противодействия государства новым реалиям. Что же касается бизнеса, то он вынужден сохранять свою деятельность в любых условиях, и если для этого необходимо «разрушить прежнюю реальность созидательно»¹, то он вынужден это делать. Другими словами,

¹ Созидательное разрушение — «процесс индустриальной мутации, который непрерывно реконструирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую». Данное понятие было введено немецким экономистом Вернером Зомбартом в книге «Война и капитализм» (1913) и популяризировано австро-американским экономистом и социологом Йозефом Шумпетером в его работе «Капитализм, социализм и демократия» (1943).

частный бизнес обращен в будущее, а наиболее крупные и устойчивые компании имеют для этого и соответствующие способности: к самоорганизации (посредством механизма нисходящей причинной обусловленности) и саморазвитию (посредством механизма восходящей причинной обусловленности)² [Ваславский 2022].

В-четвертых, частный бизнес и государство своими действиями опосредуют универсальный механизм самодвижения всех системных целостностей, созданных человеком, оставаясь диалектически связанными составляющими целостной системы. Если трактовать эту взаимосвязь в категориях позитивного и негативного отбора, по А.А. Богданову, то государство реализует отрицательный отбор из дифференцированных видов деятельности частного бизнеса, отсекая часть из них и оставляя только те, которые в данный конкретный момент укрепляют целостность статичной системы [Богданов 2019: 266]. Фирмы же в своем многообразии, осуществляя деятельность, увеличивают разнообразие видов экономической деятельности, реализуя положительный отбор. Именно поэтому именно они определяют возможности и безграничность экономического и социального прогресса.

Другими словами, частный бизнес и государство диалектически предполагают существование друг друга. Остается дело за малым: найти приемлемые формы реализации этой диалектической связи в современных условиях для целей приближения будущей реальности. И организация государственно-частного партнерства (ГЧП) является необходимой практической платформой, позволяющей отбраковать неэффективные формы такой диалектической связи и оптимизировать те из них, которые несут в себе большой потенциал расширения взаимодействия государства и частного бизнеса.

Институциональный подход в значительной мере углубил политэкономические представления о сущности ГЧП. Именно в их рамках появились первые трактовки партнерства экономических субъектов на рынке в связи с их диалектической взаимосвязью по поводу реализации рыночных трансакций. По сути, партнеры вступают в акты купли-продажи, будучи диалектически взаимосвязанными в качестве продавцов и покупателей, но при этом предполагая необходимость друг друга и отрицая ее в одно и то же время. Такая взаимообусловленность партнерства обеспечивает каждому участнику диалектической пары возможность максимизировать свои полезности, а обществу — стабилизировать воспроизводство ВВП и обеспечивать устойчивость национальной экономики в целом.

Подобного рода диалектика рыночного партнерства имеет фундаментальное значение для понимания необходимости и достаточности как условий его успешного развития. Речь идет об объективной необходимости согласования действий участников трансакций в сфере рыночного обмена, их кооперирования

² Механизм нисходящей причинной обусловленности сопровождает самоорганизацию частных компаний, а механизм восходящей причинной обусловленности опосредует их саморазвитие.

в решении обоюдоважных проблем. Только диалектически взаимосвязанные экономические субъекты вынуждены идти на согласование индивидуального поведения в части организации рыночных трансакций на условиях партнерства, поскольку это принесет каждому из них экономический выигрыш за счет минимизации трансакционных издержек (или издержек обмена) [Ваславский, Ваславская 2019: 24–39].

Специфика трансакционных издержек связана с тем, что в процессе рыночного обмена их количество постоянно растет, а качество быстро меняется. Другими словами, их существующий перечень расширяется, добавляются новые их группы и подгруппы. Современные трансакционные издержки традиционно делят на пять основных групп: издержки поиска информации, издержки ведения переговоров, издержки измерения, затраты на спецификацию и защиту прав собственности, издержки оппортунистического поведения [Alchian, Demsetz 1972: 777–795]. По мере расширения перечня трансакционных издержек объективно растет многовариантность форм организации трансакций на базе ГЧП, которые позволяют минимизировать издержки реализации рыночных сделок.

Помимо трансакционных издержек значимым фактором развития партнерства государства и частного бизнеса выступают правоотношения собственности. По Д. Норту [North 1997: 13–14], именно изменения в экономических издержках и выгодах партнеров по трансакциям предопределяют набор обмениваемых правомочий собственности и систему обеспечивающих их формальных институтов. Причем трансакционные издержки в качестве важнейшего фактора, который объективно обуславливает стремление государства и частного бизнеса к партнерству, не могут быть минимизированы без опосредования трансакций с благами обменом соответствующих правомочий собственности. Эту идею еще в XIX в. высказал Е. Бем-Баверк [Behrens 1985: 64]. Дело в том, что для партнеров важен не столько ресурс сам по себе, сколько «пучок» или доля прав собственности на использование обмениваемого ресурса [Demsetz 1967: 358–359]. Следовательно, партнерами по трансакциям могут быть только те, кто распоряжается набором прав (правомочий) собственности на обмениваемый ресурс. В случае ГЧП государство определяет условия делегирования отдельных правомочий собственности частному партнеру в процессе организации трансакций с общественными благами для целей минимизации трансакционных издержек.

Диалектика взаимообусловленности с трансакционными издержками проявляется только в случае четко специфицированных прав собственности. Это означает, что формальные институты эффективно исключают доступ к объекту собственности любого другого индивида (который не является санкционированным владельцем данных прав) и обеспечивают защиту правомочий собственности его владельца [North 1981: 21]. Другими словами, порядок получения индивидом полезности от экономического блага институционализируется путем спецификации системы правомочий собственности [North 1996: 68]. Только в этом случае у экономических агентов возникает заинтересованность

эффективно использовать ресурсы, а также наращивать объемы выпуска и повышать производительность труда.

Р. Капелюшников убедительно обосновал центральное место принципа «исключительности» в институционализации собственности, поскольку он служит основой бесконечного разнообразия конкретных правомочий собственности, входящих в ее систему [Капелюшников 1990]. Теоретически принцип исключительности прав собственности постоянно меняется в границах от 1 до 0. При этом единица означает открытый доступ только для одного лица (при индивидуальной собственности), а ноль — в случае открытого доступа к ресурсам для всех членов общества (при общественной собственности) [Кленнер 1988: 245]. Разнообразные системы собственности, варьирующие принцип исключения из доступа к располагаемым обществом ресурсам, в свернутом виде содержат все множественные способы потенциально возможных взаимоотношений экономических агентов в связи с конкретным их использованием.

Представители неоинституциональной теории добавили принцип делимости в качестве одной из фундаментальных характеристик отношений собственности. Это обусловлено тем, что каждое частичное правомочие собственности как целостной системы (общего их «пучка») обладает ценностью, поскольку позволяет извлекать полезность из блага. В результате партнеры по транзакциям могут продавать и покупать правомочия собственности как обычные товары [Ваславский, Ваславская 2019: 152–153]. При этом их количественный набор варьируется в зависимости от «узкого» или «широкого» толкования категории собственности. Т. Эггертссон [Eggertsson 1999: 34–35] включил в категорию собственности в «узком» толковании «пучок» следующих правомочий: (а) права владельца на пользование благом при извлечении его полезных свойств; (б) права собственника извлекать из блага доход; (в) права владельца блага отчуждать его путем продажи, дарения, передачи в наследство, использования как пая и т.п.; (г) запрета владельцу блага использовать его во вред другим.

Классическое определение права собственности (в «широком» толковании) было разработано английским юристом А. Оноре [Honore 1961: 112–128] и включало «...11 элементов: 1) право владения, т.е. исключительного физического контроля над вещью; 2) право пользования, т.е. личного использования вещи; 3) право управления, т.е. решения, как и кем вещь может быть использована; 4) право на доход, т.е. на блага, проистекающие от предшествующего личного пользования вещью или от разрешения другим лицам пользоваться ею (иными словами, право присвоения); 5) право на «капитальную стоимость» вещи, предполагающее право на отчуждение, потребление, промотание, изменение или уничтожение вещи; 6) право на безопасность, т.е. иммунитет от экспроприации; 7) право на переход вещи по наследству или по завещанию; 8) бессрочность; 9) запрещение вредного использования, т.е. обязанность воздерживаться от использования вещи вредным для других способом; 10) ответственность в виде взыскания, т.е. возможность отобрания вещи в уплату долга; 11) остаточный характер, т.е. ожидание «естественного» возврата

переданных кому-либо полномочий по истечении срока передачи или в случае утраты ею силы по любой иной причине».

Однако партнерство частных компаний друг с другом на рынке и партнерство государства с частным бизнесом в реализации трансакций имеют существенные различия. Частные компании как партнеры на рынке объективно располагают равными правами и обязанностями при всех прочих равных условиях. Что же касается государства, то оно изначально создано обществом для реализации функций, которые вменены ему в обязанность самим же обществом и которые ставят его в определенной степени над этим обществом. Реализуя свои функции, государство призвано «персонифицировать» данное общество, выступая ведущим его субъектом и регламентируя систему формирующихся в его рамках экономических отношений. Речь идет об определении им основных норм поведения, механизмов поощрения и наказания для экономических субъектов с помощью формальных институтов. В этом качестве государство генерирует платежеспособный спрос, определяет совокупность правил конкурентного взаимодействия, включая условия своего партнерства с частным бизнесом.

По мере сокращения ареала персонифицированного обмена и сферы доминирования неформальных ограничений важнейшими задачами государства становились институциональное обеспечение неперсонифицированного обмена, беспрепятственной реализации трансакций для участников рыночного обмена, а также замещение неформальных институтов расширением ареала созданных государством формальных институтов [Права собственности 2009: 21–89].

Особое место в институциональной системе было отведено формальным институтам, специфицирующим права собственности партнеров. Это было обусловлено тем, что в неперсонифицированном обмене покупались и продавались не столько блага, сколько полномочия собственности на них.

Заключение

Вышесказанное позволяет понять, почему партнерство частного бизнеса между собой и его взаимодействие с государством по поводу рыночных трансакций отличается существенной спецификой. Во многом это обусловлено противоречивостью самого государства, которое выступает одновременно и как субъект управления (мегарегулятор), и как объект управления (в качестве партнера частного бизнеса в реализации рыночных сделок). Кроме того, особенность ГЧП обуславливается тем, что сфера распространения ГЧП определяется масштабами производства общественных благ, которые вменены обществу в обязанность государства и которые финансируются тем же обществом за счет части национального дохода. Общественным благам присущи такие характеристики, как всеобщая потребительная стоимость (неисключаемость из потребления любого члена общества) и отсутствие ограничений у индивидуумов в доступе к их потреблению (предельная полезность этих благ равна нулю). Собственно, эти моменты в значительной мере обуславливают доминирующую роль в ГЧП самого государства. Если учесть его противоречивость, поскольку

оно выступает и в качестве субъекта, и в качестве объекта управления, то с учетом сказанного выше становится понятным, почему государство всегда выступает доминирующей стороной в отношениях с частными инвесторами, диктуя им свои условия партнерства.

Учитывая вышеизложенное, государственно-частное партнерство можно представить как кооперацию действий государства и частнопредпринимательских организаций в транзакциях с общественными благами за счет бюджетных средств, но с привлечением финансовых ресурсов частного сектора. В этом случае ГЧП позволяет государству более эффективно использовать выделенные обществом финансовые ресурсы (бюджетные расходы) в показателях количества и качества удовлетворения общественных потребностей. Выигрывает от этого и общество, поскольку растет его благосостояние и ускоряется развитие национальной экономики. Для частного же бизнеса транзакции с государством и на его условиях позволяют стабилизировать прибыль (чистый доход), сократить риски финансовых потерь, а следовательно, уменьшить транзакционные издержки.

Поступила в редакцию / Received: 23.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М: ЛЕНАНД, 2019.
- Ваславский Я.И.* Частный бизнес как форма организации экономической деятельности в будущей социальной реальности // *Modern Economy Success*. 2022. № 6. С. 291–296.
- Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю.* Государственно-частное партнерство. Институциональный подход. М.: Аспект Пресс, 2019.
- Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М.: ИМЭМО, 1990.
- Кленнер Г.* От права природы к природе права. М.: Прогресс, 1988.
- Права собственности, приватизация и национализация в России / под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2009.
- Alchian A., Demsetz H.* Production, Information Costs, and Economic Organization // *The American Economic Review*. 1972. Vol. 62, no. 5. P. 777–795.
- Behrens P.* The Firm as a Complex Institution // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1985. Vol. 141, no. 1. P. 62–75.
- Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights // *American Economic Review*. 1967. Vol. 57, no. 2. P. 347–359.
- Eggertsson T.* Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Honore A.M.* Ownership // *Oxford Essays in Jurisprudence* / ed. by A.W. Guest. Oxford : Oxford University Press, 1961. P. 112–128.
- North D.* Structure and Change in Economic History. New York: W.W. Norton & Co., 1981.
- North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

- North D. The Process of Economic Change / WIDER Working Papers (1986–2000) 1997/128. Helsinki : UNU-WIDER, 1997.
- Vaslavskiy Y., Vaslavskaya I. Infrastructure Public-Private Partnership Projects: Budget Consolidation Policy in Russia and Government Expenditures' Efficiency Increase // Modeling Economic Growth in Contemporary Russia / ed. by B.S. Sergi. London: Emerald Publishing, 2019. P. 199–228.

References

- Alchian, A., & Demsetz, H. (1972). Production, information costs, and economic organization. *The American Economic Review*, 62(5), 777–795.
- Behrens, P. (1985). The firm as a complex institution. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 141(1), 62–75.
- Bogdanov, A.A. (2019). Tectology: Universal organizational science. Moscow: LENAND. (In Russian)
- Demsetz, H. (1967). Toward a theory of property rights. *American Economic Review*, 57(2), 347–359.
- Eggertsson, T. (1999). *Economic behavior and institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Honore, A.M. (1961). Ownership. In A.W. Guest (Ed.), *Oxford Essays in Jurisprudence*. (pp. 112–128). Oxford : Oxford University Press.
- Kapelyushnikov, R.I. (1990). *Economic theory of property rights (methodology, basic concepts, range of problems)*. Moscow: IMEMO. (In Russian).
- Klenner, G. (1988). From the law of nature to the nature of law. Moscow: Progress. (In Russian).
- North, D. (1996). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D. (1981). *Structure and change in economic history*. New York: W.W. Norton & Co.
- North, D. (1997). The process of economic change. In *WIDER Working Papers (1986–2000) 1997/128*. Helsinki: UNU-WIDER.
- Tambovtsev, V.L. (Ed). (2009). Property rights, privatization and nationalization in Russia. Moscow: Liberal Mission Foundation; New Literary Review, (In Russian).
- Vaslavskiy, Y., & Vaslavskaya, I. (2019). Infrastructure public-private partnership projects: Budget consolidation policy in Russia and government expenditures' efficiency increase. In B.S. Sergi (Ed.), *Modeling economic growth in contemporary Russia* (pp. 199–228). London: Emerald Publishing,
- Vaslavskiy, Ya.I. (2022). Private business as a form of organization of economic activity in future social reality. *Modern Economy Success*, (6), 291–296. (In Russian)
- Vaslavskiy, Ya.I., & Vaslavskaya, I.Yu. (2019). *Public-private partnership. Institutional approach*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ваславский Ян Ильич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: vaslavsky@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0707-1699)

About the author:

Yan I. Vaslavskiy — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: vaslavsky@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0707-1699)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-962-973
EDN: UCZYIH

Научная статья / Research article

Языковые ресурсы гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: цифровые составляющие

О.Б. Януш

*Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Российская Федерация
✉ yanush_ob@yahoo.com*

Аннотация. Стремительно меняющаяся геополитическая обстановка продиктовала необходимость концептуального оформления гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом как набирающего приоритеты направления внешнеполитической деятельности. Формирование объективного восприятия России в мире предполагает системное взаимодействие с зарубежными аудиториями посредством цифровой инфраструктуры. Многочисленные цифровые платформы, будучи созданными иностранными техногигантами, со своими собственными правилами и стандартами, конкурируют с государствами, оказывают влияние на общественное мнение и публичный дискурс. «Русскоязычие» одного из крупнейших сегментов цифрового пространства носит амбивалентный характер: иными словами, не всегда означает комплиментарное по отношению к России и русской культуре отношение. С опорой на доступные и собранные данные интернет-статистики дана оценка роли русскоязычных цифровых ресурсов как возможности для достижения целей внешней гуманитарной политики России. На примере РуВики — русскоязычного раздела онлайн-энциклопедии Википедии показано, как социальные медиа могут быть использованы в идейно-ценностном противостоянии. В сравнительном ключе описаны российские начинания в создании и продвижении национальных цифровых платформ на примере энциклопедических порталов — «Знания» на базе Большой российской энциклопедии и Руниверсалис. Обозначены основные направления гуманитарной политики в цифровом пространстве с учетом геополитического контекста. Сделан вывод о том, что развитие отечественной цифровой инфраструктуры позволит создать общее смысловое поле для тяготения к России, русскому языку и культуре

© Януш О.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

независимо от геополитической конъюнктуры Выдвинуто предположение о том, что формирование более выраженного русскоязычного сегмента глобальной сети отражает отстаиваемую Россией идею многополярного мира.

Ключевые слова: гуманитарная политика за рубежом, русский язык, Рунет, русскоязычный сегмент глобальной сети, цифровизация, социальные медиа, Википедия, Руниверсалис

Для цитирования: Януш О.Б. Языковые ресурсы гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: цифровые составляющие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 962–973. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-962-973>

The Language Resources of the Russia’s Foreign Humanitarian Policy: The Digital Components

Olga B. Yanush

Kazan State Power Engineering University,

Kazan, Russian Federation

✉ yanush_ob@yahoo.com

Abstract. The rapidly changing geopolitical situation has dictated the need for a conceptual design of the humanitarian policy of the Russian Federation abroad as a direction of foreign policy that is gaining priorities. The formation of an objective perception of Russia in the world involves systematic interaction with foreign audiences through digital infrastructure. Numerous digital platforms, being created by foreign tech giants, with their own rules and standards, compete with states, influence public opinion and public discourse. The “Russian language” of one of the largest segments of the digital space is ambivalent: in other words, it does not always mean a complimentary attitude towards Russia and Russian culture. Based on the available and collected data of Internet statistics, an assessment is made of the role of Russian-language digital resources as an opportunity to achieve the goals of Russia’s foreign humanitarian policy. On the example of the RuWiki, the Russian-language section of the Wikipedia online encyclopedia, it is shown how social media can be used in an ideological and value confrontation. In a comparative vein, Russian initiatives in the creation and promotion of national digital platforms are described on the example of encyclopedic portals — “Knowledge” based on the Great Russian Encyclopedia and Runiversalis. The main directions of humanitarian policy in the digital space are outlined, considering the geopolitical context. It is concluded that the development of domestic digital infrastructure will create a common semantic field for gravitation towards Russia, the Russian language and culture, regardless of the geopolitical situation. It is suggested that the formation of a more pronounced Russian-speaking segment of the global network reflects the idea of a multipolar world defended by Russia.

Keywords: humanitarian policy abroad, Russian language, Rунет — the Russian-speaking segment of the global network, digitalization, social media, Wikipedia, Runiversalis

For citation: Yanush, O.B. (2023). The language resources of the Russia’s foreign humanitarian policy: The digital components. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 962–973. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-962-973>

Введение

В сентябре 2022 г. была утверждена Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом¹. Принятие документа, являющегося своеобразным «ценностным манифестом во внешней политике»² во многом было обусловлено внешними обстоятельствами. Геополитические изменения и цифровизация оказываются тесно переплетенными. В условиях, когда речь идет не только о военных действиях, но и «полях ментальной войны», становится важным гуманитарное сотрудничество с применением информационных технологий. «Ключевые битвы сегодня идут в сознании людей: в новостных лентах, в метавселенных социальных сетей, в сообществах, объединенных частным интересом к какой-то тематике»³. Цель российской гуманитарной политики за рубежом как неотъемлемой части внешней политики — «формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире»⁴. Данное направление предполагает регулярное доведение до широкой зарубежной аудитории официальной и достоверной информации о происходящих событиях, продвигая тем самым российскую повестку и представляя альтернативу доминирующим нарративам «коллективного Запада». Ключевым элементом внешней гуманитарной политики является поддержка и продвижение русского языка. Отдельный пункт Концепции закрепляет положение о русском языке в Интернете. Отмечается, что «разработка русскоязычных интернет-платформ и онлайн-сервисов для общения и обучения» приобретает всё большее значение.

Русскоязычный сегмент — один из крупнейших в глобальной сети. Но «русскоязычие» ресурсов ближнего зарубежья и тем более дальнего автоматически не означает комплиментарного отношения к России и русской культуре. Многочисленные популярные цифровые платформы принадлежат техногигантам, которые ориентируются на интересы других глобальных игроков. Способность BigTech управлять информационными и новостными потоками оказывает влияние на публичный дискурс и общественное мнение [Толстухина, Матвеевков 2022: 8]. По сути, цифровые платформы назначили себя «главными арбитрами» и единолично решают, кто может выступать на «цифровой публичной площади» [Толстухина, Матвеевков 2022: 8–9].

¹ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (с изменениями на 17 октября 2022 г.). Утверждена Указом Президента РФ от 05 сентября 2022 г. № 611 URL: <https://docs.cntd.ru/document/351673959> (дата обращения: 15.04.2023).

² Бурлинова Н. Внешнеполитический документ про ценности. 2022. 09 сентября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/politicheskiy-manifest-otom-kto-my-est/> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Поликанов Д. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы. 2023. 17 апреля. URL: // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyu-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (дата обращения: 22.04.2023).

⁴ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (с изменениями на 17 октября 2022 г.). Утверждена Указом Президента РФ от 05 сентября 2022 г. № 611 URL: <https://docs.cntd.ru/document/351673959> (дата обращения: 15.04.2023). П.14.

В этой связи, опираясь на доступные данные интернет-статистики, можно оценить объемы русскоязычных ресурсов и на примере русскоязычного раздела Википедии показать, как цифровые инструменты могут быть использованы в идейно-ценностном противостоянии.

Рунет: потенциальный набор инструментов гуманитарной политики

Согласно Индексу глобальной конкурентоспособности, рассчитанному экспертами Института Пушкина для двенадцати мировых языков, русский язык занимает среди них пятое место (значение Индекса глобальной конкурентоспособности — 2,86) после английского (16,67), испанского (5,26), французского (3,70) и китайского языков (3,70) [Арефьев и др. 2022: 18]. На русском языке говорят 258 млн человек в мире. По этому показателю наблюдается отрицательная динамика⁵. В сравнении с 1990 г., когда количество владеющих русским языком составляло 312 млн человек [Арефьев 2023: 8], или 5,9 % мирового населения, это значение уменьшилось до 2,8 %. Число русскоговорящих в странах СНГ сократилось на 51 млн человек (42 %), в странах Восточной Европы уменьшилось на 84 %⁶. За последние тридцать лет существенно ослабли позиции русского языка в системах образования. Общее число школьников, обучающихся на русском языке в странах постсоветского пространства, сократилось более чем вдвое — с 9,2 млн до 4,1 млн человек. Доля изучающих русский язык в школах сократилась во всех странах, кроме Белоруссии [Арефьев и др. 2022: 28]. Однако в интернет-пространстве русский язык занимает более высокие позиции.

В отличие от таких традиционных сфер, как образование, СМИ, наука, Интернет демонстрирует несколько иную расстановку мировых языков [Мухарьямов, Януш 2022: 263–264]. По данным компании W3Techs, занимающейся анализом веб-сайтов, русский язык быстрыми темпами наращивает свое присутствие в Интернете и на протяжении более десяти лет занимает вторую позицию среди языков Интернета, уступая только английскому: 5 % всех сайтов глобальной сети русскоязычные⁷. Контент на русском языке располагается не только в доменах .ru, .su и .рф. В сегментах Интернета постсоветских стран высока доля русскоязычных сайтов. К примеру, русский язык используется на 93,2 % всех веб-сайтов белорусского сегмента (.by в качестве домена верхнего уровня); для киргизского сегмента доля

⁵ Сметанина С. Насколько конкурентен русский язык в мире? 2020. 10 декабря. URL: <https://russkiymir.ru/publications/281326/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ Сапрыгина Ю. От иностранного до государственного: каков статус русского языка в постсоветских странах. 2023. 13 марта. URL: <https://russkiymir.ru/publications/311232/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁷ Historical yearly trends in the usage statistics of content languages for websites. 2023. 25 апреля. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language/ms/y (accessed: 25.04.2023).

русскоязычных сайтов составляет 82,7 % (12,8 % сайтов — на английском языке, 4,2 % — на киргизском); для казахстанского сегмента — 82,9 % и т.д. Иными словами, основным поставщиком русскоязычного контента, кроме России, являются постсоветские страны (табл. 1). Интернет при этом сыграл роль компенсаторного фактора: если распад СССР главным образом провоцировал дезинтеграцию на разных уровнях, то электронная почта и чаты, затем форумы и блоги, позднее — социальные сети обеспечивали удобство коммуникации между разобщенными в силу исторических причин людьми [Орехов 2014: 16].

Таблица 1

Процентное соотношение веб-сайтов, использующих различные языки контента, в сегментах Интернета постсоветских стран (по состоянию на 25 апреля 2023 г.)

Сегмент Интернета (домен верхнего уровня)	Языки контента, % веб-сайтов		
	Русский	Английский	Национальный
Азербайджан (.az)	7,2	33,9	55,5 (азербайджанский)
Армения (.am)	9,6	46,1	43,2 (армянский)
Белоруссия (.by)	93,2	5,5	1,2 (белорусский)
Грузия (.ge)	2,9	37,2	58,8 (грузинский)
Казахстан (.kz)	82,7	9,0	8,3 (казахский)
Киргизия (.kg)	82,8	12,7	4,2 (киргизский)
Латвия (.lv)	4,5	16,5	78,3 (латышский)
Литва (.lt)	0,4	14,9	84,3 (литовский)
Молдавия (.md)	27,6	17,6	54,8 (румынский)
Узбекистан (.uz)	55,2	22,2	22,5 (узбекский)
Украина (ua)	38,3	4,7	56,9 (украинский)
Таджикистан (.tj)	63,1	19,7	17,7 (таджикский)
Туркмения (.tm)	22,4	51,9	17,3 (туркменский)
Эстония (.ee)	2,9	16,8	79,8 (эстонский)

Источник: таблица составлена на основе собранных данных с сайта W3Techs. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/top_level_domain (дата обращения: 25.04.2023).

**Percentage of websites using different content languages
in the Internet segments of the post-Soviet countries
(as of April 25, 2023)**

Internet segment (top-level domain)	Content languages, % of websites		
	Russian	English	National
Azerbaijan (.az)	7.2	33.9	55.5 (Azerbaijani)
Armenia (.am)	9.6	46.1	43.2 (Armenian)
Belorussia (.by)	93.2	5.5	1.2 (Belorussian)
Georgia (.ge)	2.9	37.2	58.8 (Georgian)
Kazakhstan (.kz)	82.7	9.0	8.3 (Kazakh)
Kyrgyzstan (.kg)	82.8	12.7	4.2 (Kyrgyz)
Latvia (.lv)	4.5	16.5	78.3 (Latvian)
Lithuania (.lt)	0.4	14.9	84.3 (Lithuanian)
Moldova (.md)	27.6	17.6	54.8 (Romanian)
Uzbekistan (.uz)	55.2	22.2	22.5 (Uzbek)
Ukraine (ua)	38.3	4.7	56.9 (Ukrainian)
Tajikistan (.tj)	63.1	19.7	17.7 (Tajik)
Turkmenistan (.tm)	22.4	51.9	17.3 (Turkmen)
Estonia (.ee)	2.9	16.8	79.8 (Estonian)

Source: The table is compiled on the basis of collected data from the W3Techs website: Retrieved April 4, 2023, from https://w3techs.com/technologies/overview/top_level_domain

Самой популярной поисковой системой в странах Центральной Азии является Google, вторая по популярности — Yandex⁸. Примечательно, что языком самых популярных поисковых запросов является русский язык. К примеру, из 20 топовых запросов в 2022 г. в Казахстане 16 были сделаны на русском языке⁹. Похожая ситуация и по видеохостингу YouTube: здесь также преобладающим языком запросов является русский язык¹⁰. Статистика сетевого присутствия русского языка в сегментах Интернета постсоветских стран позитивна. В то же время влияние процессов цифровой трансформации на различные аспекты международных коммуникаций носит амбивалентный характер [Белозеров 2020: 186]. Социальные медиа становятся не только исключительно инфраструктурой для общения. Различные цифровые платформы и страны их происхождения используют имеющийся онлайн-инструментарий для продвижения своей повестки и формирования общественного

⁸ DIGITAL 2023: Kazakhstan. Data Reportal. 2023. 13 February. P. 32. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan> (accessed: посещения: 26.04.2023).

⁹ Ibid. P. 33.

¹⁰ Ibid. P. 39.

мнения, переходя в статус политических акторов, оказывающих влияние на политику государств. В их числе русскоязычный раздел онлайн-энциклопедии Википедия.

Русскоязычный сегмент Википедии как политически ориентированный онлайн-инструмент в контексте гуманитарной политики

Википедия мыслилась как территория всеобщего знания, хранилище и бесплатный источник научного знания, биографических данных, географических сведений для всех желающих. Иными словами, «предназначение Википедии с точки зрения первоначального замысла — агрегирование и свободное распространение накопленного человечеством знания» [Орехов, Решетников 2016: 274]. Общие принципы работы энциклопедии допускают, что автором статей может стать каждый интернет-пользователь. РуВики входит в число самых популярных не только среди российских интернет-пользователей, но и пользователей стран СНГ и ближнего зарубежья. Весьма репрезентативны данные интернет-статистики за 2018 г. (табл. 2).

Таблица 2

Данные интернет-статистики о популярности Википедии в странах СНГ и ближнего зарубежья на 2018 г., %

Страна запроса	Русскоязычный раздел	Англоязычный раздел	Раздел Википедии на национальном языке	Другие Википедии
Азербайджан	27,4	24,5	37,9	10,2
Армения	37,1	20,6	40,3	2,0
Белоруссия	88,0	9,1	1,2	1,7
Грузия	21,5	37,7	36,7	4,1
Казахстан	62,5	5,9	31,2	0,4
Киргизия	72,1	7,8	19,4	0,7
Латвия	32,5	37,7	27,2	2,6
Литва	10,7	40,8	45,0	3,5
Молдавия	47,1	20,2	28,8	3,9
Узбекистан	72,1	13,1	14,0	0,8
Украина	56,0	17,7	23,9	2,4
Таджикистан	77,8	11,6	10,6	-
Туркменистан	44,1	52,1	2,3	1,5
Эстония	14,9	41,2	40,3	3,6

Источник: Wikimedia Traffic Analysis Report — Wikipedia Page Views Per Country — Breakdown. Monthly requests or daily averages, for period: 1 Sep 2018–30 Sep 2018. URL: <https://stats.wikimedia.org/wikimedia/squids/SquidReportPageViewsPerCountryBreakdown.htm> (accessed: 20.04.2023).

**Internet statistics data on the popularity of Wikipedia
in the CIS countries and neighboring countries in 2018, %**

Country of request	Russian section	English section	Wikipedia section in national language	Other Wikipedias
Azerbaijan	27,4	24,5	37,9	10,2
Armenia	37,1	20,6	40,3	2,0
Belorussia	88,0	9,1	1,2	1,7
Georgia	21,5	37,7	36,7	4,1
Kazakhstan	62,5	5,9	31,2	0,4
Kyrgyzstan	72,1	7,8	19,4	0,7
Latvia	32,5	37,7	27,2	2,6
Lithuania	10,7	40,8	45,0	3,5
Moldova	47,1	20,2	28,8	3,9
Uzbekistan	72,1	13,1	14,0	0,8
Ukraine	56,0	17,7	23,9	2,4
Tajikistan	77,8	11,6	10,6	-
Turkmenistan	44,1	52,1	2,3	1,5
Estonia	14,9	41,2	40,3	3,6

Source: Wikimedia Traffic Analysis Report — Wikipedia Page Views Per Country — Breakdown. Monthly requests or daily averages, for period: 1 Sep 2018–30 Sep 2018. Retrieved April 20, 2023, from <https://stats.wikimedia.org/wikimedia/squids/SquidReportPageViewsPerCountryBreakdown.htm>

Однако со временем статьи в русской Википедии превратились в анти-российскую агитацию; после начала Специальной военной операции России на Украине русофобия стала содержательным элементом википедийных материалов. К примеру, «экспертный» пост о том, что в Курской битве 1943 г. не было победителей; последовавший вывод о том, что победу во Второй мировой войне одержали «союзные силы Европы после открытия второго фронта США». Весной 2022 г. в число «научных» фактов попали фейки о России — «Резня в Буче», Вооруженные силы РФ разрушили родильный дом в Мариуполе, устроили теракт в драмтеатре Мариуполя и обстреливали Запорожскую АЭС¹¹.

Нормой стало на любых страницах РуВики обвинять в «рашизме» Россию, российские СМИ, российских экспертов или викиредакторов с пророссийскими взглядами. При этом любое выражение поддержки действиям России (в том числе на личной странице участника, например, в виде флага России) де-факто

¹¹ Емельяненко В. Почему в России нет своей народной «Википедии» и когда она будет. 2023. 29 марта. URL: <https://rg.ru/2023/03/29/fejki-do-vostrebovaniia.html> (дата обращения: 26.04.2023).

запрещено, поскольку «Википедию нельзя использовать в качестве трибуны» (но если декларируются прозападные/проукраинские взгляды — тогда можно)¹².

По сути, РуВики, будучи популярной среди молодого поколения, стала одной из платформ для переписывания исторических данных, правды об общей победе в Великой Отечественной войне, объединяющей народы бывшего СССР, и искажения официальной информации, формирующей представление о внешнеполитических мотивах поведения России на международной арене. Речь идет об «умышленном переформатировании восприятия прошлого» и событий настоящего¹³. Технологическая составляющая состоит в «глубокой встроенности» Википедии в Рунет: на нее ведут миллионы ссылок, а поисковые системы, принадлежащие иностранным корпорациям, принципиально выдают ссылки на данный ресурс

В сложившихся условиях геополитического противостояния и беспрецедентной отмены всего русского, охвативших и информационное пространство, крайне важным и насущным становится создание собственной цифровой инфраструктуры, включая научно-популярный и образовательный сегменты Интернета. В этом смысле может быть реализован «амбициозный» путь, связанный с развитием собственной российской «техноэкосистемы», учитывая обладание технологическими заделами и человеческими компетенциями [Безруков и др. 2021: 108].

Цифровые платформы России как рычаги гуманитарной политики: онлайн-энциклопедии

В 2019 г. на заседании Совета по русскому языку Президент России предложил создать альтернативный Википедии источник достоверной информации — общенациональный электронный энциклопедический портал¹⁴. Весной 2023 г. с подачи главы Совета по правам человека В. Фадеева¹⁵ необходимость отечественного аналога Википедии вновь стала широко обсуждаться на страницах российских СМИ («Российской газеты», «Ведомостей», «РИА Новостей», Интерфакса и др.). Позиции российских властей разделились: от инициатив по полной блокировке до замещения российскими ресурсами. В их числе называется тестовая версия научно-образовательного интерактивного энциклопедического портала «Знания» на базе Большой российской энциклопедии. Новый

¹² Лавров М. БРИКС и Википедия. Часть 3 // Руниверсалис. 2022. 23 ноября. URL: // <https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/brics-wikipedia-runiversalis/> (дата обращения: 11.04.2023).

¹³ Зубов М. Вопросы истории России: серьезные игры // Эксперт. 05 мая 2023 г. URL: <https://expert.ru/2023/05/5/bitva-za-istoriyu-ot-uchebnika-do-kompyuternoy-igry/> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁴ Фахрутдинов Р. «Википедию» лучше заменить»: Путин переходит на энциклопедию. 2019. 05 ноября. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2019/11/05_a_12797036.shtml?updated (дата обращения: 26.04.2023).

¹⁵ Глава СПЧ призвал закрыть «Википедию» и создать ее альтернативу. 2023. 04 апреля. URL: <https://ria.ru/20230404/vikipediya-1862863879.html> (дата обращения: 25.04.2023).

портал имеет принципиальные отличия и по объёму контента (опубликовано свыше 18 тыс. статей¹⁶), и по кругу штатных авторов и редакционной коллегии. Портал включает в себя 29 областей знаний (история, география, химия, биология, физика, искусство, религия и др.). Кроме энциклопедических статей пользователям доступен другой мультимедийный контент — изображения, аудиозаписи, фильмы, карты и т.д. Для подготовки статей портала функционирует многоуровневая система редакционной подготовки (до публикации на сайте статья проходит 60 этапов проверки¹⁷) и задействованы около 4 тыс. авторов, подтвердивших свою научную компетенцию, включая докторов и кандидатов наук, научных редакторов. Среди партнёров БРЭ музеи, театры, библиотеки, архивы и другие организации и учреждения.

В числе запущенных сайтов — альтернатив «народности» Википедии также называется российский энциклопедический проект Руниверсалис, зарегистрированный в июне 2022 г. В основе системы управления контентом лежит программное обеспечение MediaWiki. Серверы Руниверсалис расположены в России, «редактирование страниц энциклопедии осуществляется в соответствии с требованиями законодательства РФ и с уважением к традиционным ценностям»¹⁸. Общее количество статей приближается к 2 миллионам.

Появление российских энциклопедических порталов обуславливает необходимость не только их наполнения качественным содержанием, но и продвижение, их вливание в инфраструктуру Рунета не только на территории России, но и за её пределами. Данные проекты требуют поддержки со стороны поисковых систем, прежде всего отечественных, комплекса мер по поисковой оптимизации (налаживание SEO) и т.д.

Заключение

Русский язык играет роль глобального информационного ресурса как в Интернете, так и офлайн. Русский как второй после английского язык контента глобальной сети создает предпосылки для достижения целей внешней гуманитарной политики. Цифровые ресурсы создают возможности для «горизонтального» и адресного взаимодействия с зарубежными аудиториями. Но в условиях глобальных вызовов в медиапространстве — культуры отмены и алгоритмов иностранных социальных медиа, формирующих альтернативные картины мира, насущной становится необходимость в отечественных цифровых платформах и социальных медиа. Данные меры потребуют времени, ресурсов, затрат, продвижения за рубежом, прежде всего в «дружественных» странах. Это то, что позволит создать общее смысловое поле для тяготения к России, русскому языку

¹⁶ Портал «Знания» на базе Большой российской энциклопедии посетили более 12 млн раз. 2022. 21 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16651509> (дата обращения: 26.04.2023).

¹⁷ В «Знаниях» — сила. В России заработал новый научно-образовательный портал. 2022. 09 июня // URL: <https://tass.ru/obschestvo/14856977> (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁸ Руниверсалис: Описание. URL: <https://руни.рф/index.php/Руниверсалис:Описание> (дата обращения: 13.05.2023).

и культуре независимо от геополитической конъюнктуры. Важным направлением гуманитарной политики за рубежом должно стать наращивание комплиментарных России русскоязычных ресурсов: оцифровка произведений культуры и их продвижение в глобальной сети, продвижение российского онлайн-образования, научно-образовательных, познавательных, энциклопедических порталов среди зарубежных пользователей Интернета, развитие аудио- и видеосервисов, транслирующих российский медийный контент за рубежом. В перспективе это будет способствовать формированию более выраженного русскоязычного сегмента глобального информационного пространства и отражать последовательно отстаиваемую Россией идею многополярности мира.

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Арефьев А.Л.* Социология языка. Русский язык. Современное состояние и тенденции распространения в мире. М.: Юрайт, 2023.
- Арефьев А.Л., Голубь А.Р., Камышева С.Ю., Маев И.А., Ольховская А.И., Осадчий М.А., Русецкая М.Н., Хехтель А.С.* Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / под ред. М.А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022.
- Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцев А.* Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 106–119.
- Белозёров В.К.* Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 186. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-9>
- Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева и др.; под ред. М.А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022.
- Мухарьямов Н.М., Януш О.Б.* Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики: монография / под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество, 2022.
- Орехов Б., Решетников К.* Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: монография. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 263–281.
- Орехов Б.В.* Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований // Русский язык и новые технологии: коллективная монография / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 15–23.
- Толстухина А.Ю., Матвеев К.Н.* Big Tech vs регуляторы: долгосрочный глобальный тренд: рабочая тетрадь № 71 / под ред. Е.О. Карпинской, А.Ю. Толстухиной, С.М. Гавриловой. М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2022.

References

- Arefyev, A.L. (2023). *Sociology of language. Russian language. The current state and trends of distribution in the world*. Moscow: Urait Publishing House. (In Russian).
- Arefyev, A.L., Golub, A.R., Kamysheva, S.Yu., Maev, I.A., Olkhovskaya, A.I., Osadchii, M.A., Rusetskaya, M.N., & Khekhtel, A.S. (2022). *Index of the position of the Russian language in the world: Global Competitiveness Index (GK-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (US-Index)*. Moscow: Pushkin State Institute of Russian Language. (In Russian).
- Belozеров, V.K. (2020). International political communication in the context of digitalization of world development. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 13(2), 177–194. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-9>
- Bezrukov, A., Mamonov, M., Suchkov, M., & Sushentsov, A. (2021). Sovereignty and “digital”. *Russia in Global Affairs*, 2(108), 106–119. (In Russian).
- Mukharyamov, N.M., & Yanush, O.B. (2022). *Language structure of Russian society: Factors of political dynamics*. Kazan: Otechestvo. (In Russian).
- Orekhov, B., & Reshetnikov, K. (2016). Official languages of Russia on Wikipedia. On the issue of network activity of minority language communities. In *Language setting: managing communications in the post-Soviet space* (pp. 263–281). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Orekhov, B.V. (2014). Russian language and new technologies: Current state and prospects for research. In M.V. Akhmetova & V.I. Belikov (Eds.), *Russian language and new technologies* (pp. 15–23). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Tolstukhina, A.Yu., & Matveenkov, K.N. (2022). *Big Tech vs Regulators: A Long-Term Global Trend: Workbook #71*. Moscow: RIAC. (In Russian).

Сведения об авторе:

Януш Ольга Борисовна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (e-mail: yanush_ob@yahoo.com) (ORCID: 0000-0002-5606-5984)

About the author:

Olga B. Yanush — PhD, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Energetic University (e-mail: yanush_ob@yahoo.com) (ORCID: 0000-0002-5606-5984)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985
EDN: TULJUM

Научная статья / Research article

К проблеме социально-политических размежеваний в современной России

Д.Н. Шлыкова

*Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация*

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Аннотация. Теория социально-политических кливажей может быть успешно применена к реалиям современного российского общества. Рассмотрение содержательной эволюции этой концепции применительно к России — цель настоящей работы. Высокий уровень социального неравенства и атомизации делает важными, с одной стороны, определение конфликтогенных факторов и точек социальной напряженности, с другой стороны, поиск оснований консолидации и солидаризации общества. На основе анализа статистических данных осмысливается и наблюдаемый запрос на социальную справедливость через призму структуры социально-политических размежеваний, а также сформулирован ряд актуальных для современного российского общества размежеваний, имеющих высокий потенциал оформления в кливажи.

Ключевые слова: социально-политические размежевания, кливажи, поляризация, картирование размежеваний, социальное неравенство, социальная справедливость, солидарность

Для цитирования: Шлыкова Д.Н. К проблеме социально-политических размежеваний в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 974–985. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

© Шлыкова Д.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Problem of Socio-Political Cleavages in Modern Russia

Daria N. Shlykova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Abstract. The theory of socio-political cleavages can be successfully applied to the realities of modern Russian society. The purpose of this work is to consider the meaningful evolution of this concept in relation to Russia. The high level of social inequality and atomization of society makes it important, on the one hand, to identify conflict-causing factors and points of social tension, on the other hand, to search for grounds for consolidation and solidarization of society. Basing on the analysis of the statistical data the request for social justice is also comprehended through the prism of the structure of socio-political divisions, and a number of relevant divisions in modern Russian society with a high potential for registration in cleavages are formulated.

Keywords: socio-political cleavages, polarization, mapping of cleavages, social inequality, social justice, solidarity

For citation: Shlykova, D.N. (2023). On the problem of socio-political cleavages in modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 974–985. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2023-0032 “Parameters of Russian civilization: sovereignty, solidarity, identity”.

Введение

Углубление и расширение социальных и культурных размежеваний в контексте постоянно нарастающей роли социокультурных факторов, изменения роли информации ведут к проявлению новых форм неравенства и повышению конфликтности, а следовательно, и к возрастанию уровню напряженности в обществе. Областью, в которой неравенства и размежевания в России наиболее сильны, является социально-экономическая сфера, однако осознание неравенства носит гораздо более многогранный характер. Социальное неравенство проявляется в различных socioeconomic формах, конструируя, прежде всего в политическом пространстве, конфликтогенную среду и ценностные расколы. Властные отношения — это прежде всего отношения конкуренции, соответственно, артикуляция и политизация линий конфликта становятся властным ресурсом. Изучение не только структуры неравенства через призму разделений, но и политизации тех или иных размежеваний (кливажей) [Lipset, Rokkan 1967] представляется востребованным в контексте поисков ресурсов консолидации российского общества, тенденции к поляризации в котором развиваются параллельно с фиксируемым социологами трендом атомизации.

Другим важным аспектом рассмотрения структуры размежеваний является поиск основания для консолидации и солидаризации общества. Общий запрос на социальную справедливость преломляется в частных формах, обусловленных социоэкономическими и социокультурными факторами. Эти факторы не только лежат в основе социального неравенства, но и формируют линии размежеваний, потенциал политизации которых, возможно, может иметь не только конфликтный, но и консолидирующий характер.

Первоначально концепция кливажей была призвана описать и объяснить процессы, происходящие внутри западных обществ. Картирование линий социально-политического конфликта, сложившихся при переходе к обществу модерна, и артикуляция политическими партиями этих линий позволяла говорить о фиксации партийно-идеологического ландшафта и открывала большие возможности для анализа электоральных процессов. С развитием общественных систем исследователи, тем не менее, продолжали обращаться к данной теории, актуализируя ее для современных реалий. Для отечественной науки сегодня эта теория также представляет интерес, но вместе с тем и методологический вызов. С одной стороны, она предоставляет возможности изучения российского общества вне утратившей монополию институциональной парадигмы, с другой — ставит вопрос о границах применимости данного подхода для незападных обществ.

Содержательная эволюция теории социально-политических размежеваний

Можно проследить концептуальную эволюцию подходов к осмыслению политических разделений, обусловленных неоднородностью социальной структуры общества и формирующих политические интересы различных групп. В первую очередь это классическая теория С. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967]. Авторы определили четыре ключевые линии социально-политических размежеваний, которые, с одной стороны, были сформированы в процессе критических переходов¹ к новому формату общественного устройства — Модерну, с другой стороны — обусловили партийно-политический ландшафт в западных странах. Так, Реформация определила формирования кливажа государство/церковь, а индустриальная революция — труд/капитал (рабочие/собственники).

Несмотря на широкое применение теории для анализа электоральных процессов, все еще были очевидны ее ограничения. Содержательное развитие теоретических подходов шло по двум направлениям — расширение географии применения и исследование трансформации самих размежеваний. В первом случае внимание исследователей было направлено на постсоциалистические страны. С учетом некоторых модификаций и специфики исторического

¹ Ильин М.В. Роккановский момент. URL: <https://present5.com/rokkanovskij-moment-ilin-mikhail-vasilevich-mikhaililyihn-48-gmail-com/> (дата обращения: 5.11.2023)

развития, в том числе системы плановой экономики, теория в итоге признавалась адекватной для оценки состояния «размежеванности» данных обществ [Römmele 1999]. Во втором случае научный интерес прежде всего вызывала специфика перехода к общественным практикам постмодерна, способным влиять на трансформацию кливажей и то, каким образом и в какой мере формируются новые кливажи [Seiler 2009]. Кроме того, долгосрочный характер размежеваний, определенных С. Липсетом и С. Рокканом, позволил успешно применять теорию при анализе кризиса евроинтеграции [Marks, Attewell, Rovny, Hooghe 2021]

Понятия «кливаж», «размежевания», «разделения», «противоречия» и «расколы» часто употребляются как синонимы. Несмотря на это, следует подчеркнуть, что понятие кливажа в определении С. Липсета и С. Роккана фиксирует отличия от других видов разделений своим глубинным и структурным характером. Наиболее универсальным и пригодным для аналитического инструментария представляется определение, данное А. Рёмелле: «...размежевания — это долговременные структурные конфликты, являющиеся причиной противоположных позиций, представляемых соревнующимися политическими организациями» [Römmele 1999], однако для различения кливажей (в отечественной науке часто синонимично именно понятие социально-политических размежеваний) и других форм социального неравенства и социально-политической конфронтации применяется несколько иной подход.

«Кливаж» («социально-политическое размежевание») обусловлен тремя взаимосвязанными проекциями разделения: 1) принадлежность к социальной группе, 2) коллективная идентичность, 3) политическое поведение [Семененко, Лапкин, Пантин 2021]. В то время как, например, «различия» и «разделения», по мнению К. Диган-Крауз [Deegan-Krause 2006] и С. Бартолини [Bartolini 2005], могут в себя включать лишь часть из этих элементов.

В отечественном политическом знании этот теоретический подход и соответствующая оптика исследования неизменно обращали на себя внимание исследователей. Поднимались вопросы об универсальности и возможностях использования теории для оценки российской действительности [Мелешкина, 2004], при анализе партийной системы [Исаев 2016], а также как инструмента оценки новых форм неравенств и их проекций в политическое пространство [Бардин 2021].

Цикл работ коллектива авторов ИМЭМО РАН — И.С. Семененко, В.В. Лапкина и В.И. Пантина представляется для нашего исследования наиболее методологически востребованным. Авторами предложена когнитивная карта социально-политических размежеваний [Семененко, Лапкин, Пантин 2021]. Предлагается рассмотрение структуры размежеваний с учетом темпоральности изменения форм общественного устройства — от домодерновых (традиционных) — свой/чужой, цивилизация/варварство к современным (проанализированным прежде всего С. Липсетом и С. Рокканом) — город/деревня, государство/церковь, центр/периферия, собственники/рабочие — и далее к новым, обусловленным экономикой постиндустриального общества и постмодернистской культурой.

Традиционные разделения наследуются из домодерной эпохи, что обуславливает их глубину, фундаментальность и архаичность. В условиях многослойности исторического времени (П. Гречко [1995]), определённого наложения времен (при одновременном существовании форм традиционного, современного (индустриального) и постсовременного (постиндустриального) общества), традиционные разделения прослеживаются во всех типах обществ. Сегодня фиксируется реактуализация в объективной реальности и возвращение в общественно-политический и обыденный дискурс архаичных форм противопоставления социальных групп. Более того, в период кризисов (в том числе в рамках обращения к интерпретативной схеме циклов Кондратьева [Пантин, Айвазов 2020]) наиболее глубокие кливажи имеют тенденцию к обострению.

Сегодня в контексте усугубления напряженности в международных отношениях и геополитической турбулентности в различных дискурсах — от медийного [Подобуева, Шлыкова 2023] до публичного — все чаще встречаются противопоставления «нас» (цивилизации, своих) «им» (варварам, чужим). Особенно ярко мы видим это на примере проблемы миграции, в том числе и в российском обществе. Внутри российского общества тенденция к общественной поляризации подкрепляется эмоциональной нагрузкой глубинных разделений по вопросу эмиграции («релокации») и позиции по современным геополитическим событиям².

Кливажи, которые в рамках данного исследования выделяются как размежевания, сформированные при переходе к эпохе Модерна, являются продуктом критических переходов (драматических изменений социальных практик) в политической истории западных обществ, например индустриальной революции и Реформации. В данном случае важно подчеркнуть особую роль партий, которые авторы определяли как ключевых агентов конфликта, артикулирующих данные социальные разделения. В современную эпоху разногласия популистских лозунгов, несостоятельных парламентов или, наоборот, тенденций к централизации и двупартийности, партии все в меньшей степени выполняют эту функцию, и уже другие политические акторы используют мобилизационный потенциал разделений как ресурс политической конкуренции и достижения политических целей.

Социально-политические размежевания в российском обществе: возможность определения

В этом контексте ключевым вопросом является адекватность применения такого трафарета разделений к российскому обществу. Если традиционные, архаичные линии конфликта свойственны обществам в равной степени, а процесс глобализации и унификации общественных практик позволяет нам говорить о формировании общих линий конфликта, то кливажи, выделенные

² ВЦИОМ Новости: Гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров в интервью «РГ» — о «четырех Россиях» и трендах 2023-го. URL: <https://wciom.ru/sobytie/gendirektor-vciom-valerii-fedorov-v-intervju-rg-o-chetyrekh-rossijakh-i-trendakh-2023-go> (дата обращения: 15.11.2023).

непосредственно С. Липсетом и С. Рокканом требуют более детального рассмотрения. Процесс экономической и политической модернизации в России проходил по определенным сценариям. Общество столкнулось с двумя критическими перестройками системы в прошлом столетии — переход от империи к социалистическому проекту и последующий его распад. Эти события заставляют поставить ряд исследовательских вопросов: каковы реальные — присущие российскому обществу разделения, сформированные при переходе к модерну, и достаточно ли они глубоки, чтобы сформировать ландшафт политико-идеологических предпочтений и стать политическим ресурсом в борьбе за власть.

Несомненно, возникновение размежеваний и потенциал образования кливажей является одним из вызовов и рисков для общественной солидарности и устойчивости цивилизационной специфики России, в том числе в политической проекции. Мы можем говорить о том, какие факторы сформировали размежевания при построении современной России. Это прежде всего процесс *приватизации* и формирование новой *федеративной системы с дальнейшей тенденцией к рецентрализации*, что позволяет нам вычленить наиболее существенные размежевания, которые возникли как последствия этих событий.

В первом случае сформированный раскол можно охарактеризовать как *разделение между новыми элитами (сверхбогатыми) и большинством населения*. Здесь мы видим, что размежевание находится в рамках той же проблематики, что и труд/капитал, однако следует учитывать разницу отношений *капитал — власть* в западных обществах и российском. Если в первых капитал скорее является фактором власти, то в российском обществе, наоборот, в рамках сложившейся системы перераспределения собственности власть (административный ресурс) становится фактором приобретения капитала.

Второй аспект может рассматриваться как вариация размежевания по линии центр/периферия. Учитывая экономическую географию России и совмещение политического и экономического центра в Москве, такое размежевание усиливается в связке с разделением между сверхбогатым и остальным населением. Средний показатель индекса Джини³, согласно данным Росстата, по России за последние годы составляет около 0,4. Наибольший коэффициент мы наблюдаем в Ямало-Ненецком автономном округе, где сконцентрирована нефтяная отрасль, Тюменской области и Москве⁴. Данные результаты связаны не столько со специализацией регионов, сколько со сосредоточением в них экономических и политических интересов сверхбогатой части населения.

Разделение на сверхбогатую и остальную часть населения выделяется в качестве ключевого как экспертами, так и в ходе социологических

³ Коэффициент Джини — это статистический показатель неравномерности распределения доходов в обществе, используемый в странах с развитой рыночной экономикой. Показывает отклонение фактического распределения доходов в обществе от абсолютно равного их распределения между жителями государства.

⁴ Росстат: «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (дата обращения: 05.11.2023).

исследований [Горшков 2023]. В рамках текущего проекта «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» (руководитель — М.М. Мчедлова) результаты фокус-групп среди студентов (сентябрь-октябрь 2023) и серии экспертных интервью (ноябрь 2023) также показали, что наиболее ощутимым является именно социально-экономическое размежевание. Этот вывод получен в результате применения методики очередности и частоты упоминаний. При этом участники фокус-группы отмечали, что социокультурные факторы разделения также становятся все более заметны и ощутимы в обществе. Они оказались на втором месте. В рамках экспертных интервью высветилась артикуляция и обоснование разницы в доходах как ключевой линии разделения, а также «*гипертрофированного развития Москвы*» как «*непозитивного фактора*».

Раскол «город/деревня» также применим к российской действительности с рядом уточнений. Первое — иной по отношению к западному принцип формирования городов в две большие волны урбанизации — советской и современной. Наложение на этот кливаж разделений, сформированных постиндустриальной экономикой, усложняет значение его определения. Мы предлагаем определить данное размежевание как *размежевание между мегаполисами и провинцией*, однако при этом отметить необходимость дальнейшего изучения и уточнения критериев понятия «мегаполис» в этом контексте.

Фокус-групповые исследования также показали единодушное восприятие провинциальных городов как неотличимых друг от друга образований, однако четко отличающихся от столичных регионов. При этом размежевание город/деревня в данном случае несостоятельно. Провинциальный город и деревня воспринимаются как единое пространство без различимой границы. Такое понимание проявляется в визуальных образах, восприятии социального и экономического статуса горожан, а также паттернов их политического поведения. Один из участников фокус-группы описал визуальное представление «типичного город» как *начинающегося с центральной площади, за которой сначала следуют сталинские постройки, сменяющиеся «хрущевками» и «панельками», на границе город плавно перетекает в деревню и сливается с ней*. Приведенное описание получило единодушную и эмоциональную поддержку независимо от региона происхождения опрошенных.

Таким образом, нами предлагается следующая классификация размежеваний среднего уровня, актуальных при анализе российского общества:

- сверхбогатые и остальное население;
- центр и регионы;
- мегаполис и провинция.

От социально-политических разделений к кливажам

Несмотря на то, что мы четко фиксируем данные разделения в обществе, оценить их как кливажи мы можем при наличии обязательных признаков, обозначенных ранее. Принадлежность к социальной группе, коллективная

идентичность и общие паттерны политического поведения как отдельные, но взаимосвязанные проекции социального неравенства определяют разделение как достаточно глубокое и значительное, чтобы классифицировать его в качестве кливажа, а также определить конкретное основание, критическое изменение в обществе, сформировавшее данный раскол.

Следует учитывать и другие социокультурные факторы, влияющие на все эти размежевания, — прежде всего *образование и различный доступ к нему*. Согласно результатам отмеченных фокус-групповых исследований образование является вторым по частоте упоминаний фактором социального неравенства после социально-экономических факторов (доходы, собственность).

Исходя из критериев кливажа, мы можем говорить скорее о потенциале углубления и фиксации данных разделений как достаточно глубоких для определения социально-политической динамики в долгосрочной перспективе. С нашей точки зрения, наибольший потенциал к превращению в кливаж имеет первое разделение — между сверхбогатыми и остальным населением. Мы уже наблюдаем не только различные паттерны политического поведения в данных группах. Данные общности также имеют мало точек соприкосновения и взаимодействия, однако процесс самоидентификации в условиях внутренней рассогласованности интересов продолжается.

Относительно глубины разделения центр/регионы мы также наблюдаем различные формы политического поведения, что фиксируется в том числе при оценке электорального поведения. Противопоставление Москва — остальная Россия давно закрепилось в общественном сознании и позволяет говорить о том, что житель Москвы и не-Москвы — это понятные и узнаваемые образы, имеющие общие для большинства черты и смыслы.

В вопросе разделения мегаполис/провинция акцент стоит именно на тех общественных трансформациях, которые происходят в городах. Здесь перед исследователями встает больше вопросов, чем в предыдущих случаях. Меняет ли Большой город в корне политическое поведение и ценностные ориентации, можем ли мы говорить о формировании столичной городской идентичности, отличающейся от общероссийской, либо альтернативной ей? Акцентуация на изменениях, обусловленных процессом глобализации и изменением ценностных структур и картины мира, с одной стороны, позволяет выделить отдельно от размежевания *центр—регионы*, с другой стороны, задает иную логику развития данному разделению, связанному скорее не с конкретными политическим проектами централизации власти, а характером развития городов в постиндустриальной России, формирующего специфическое ценностно-политическое пространство.

Таким образом, данные разделения мы предлагаем понимать как имеющие высокий потенциал к углублению и образованию кливажа, однако в текущей ситуации мы можем говорить и о возможности преодоления этих разделений, снижения или нивелирования потенциала их дальнейшего укоренения.

Вариативность дискурса справедливости через призму структуры социально-политических размежеваний и потенциал солидаризации

Размежевания имеют большой мобилизационный потенциал и, соответственно, могут служить как альтернативные частные формы солидарностей, выступать триггерами протестных действий или снижения доверия к политическим институтам. В то же время они могут быть использованы различными политическими акторами как ресурс в борьбе за власть. Рассмотрение кливажей, их структуры и взаимосвязей также важно и при обратной постановке вопроса — о поиске основания для консолидации и солидаризации общества. В данном ракурсе на повестке оказывается снятие остроты кливажей универсализирующей формой солидарности, сопряженной прежде всего с государством или глубинными ценностными структурами⁵.

Наибольший потенциал для объединения российского общества имеет идея социальной справедливости. От «рисунка» социально-политических размежеваний зависят и представления тех или иных групп о справедливом устройстве общества, в том числе посредством преодоления различных размежеваний. Социально-экономическое основания разделения — отношение к собственности, уровень и характер дохода — определяют и трактовку справедливого образа распределения ресурсов в обществе, в то время как социокультурные факторы формируют символическое наполнение данного варианта общественного устройства и задают его эмоциональную окрашенность. При этом важно учитывать и общий эмоциональный фон кризисного периода. Мы видим, что большую роль в понимании справедливого общества сегодня играют наиболее глубинные, архаичные размежевания. Отсюда и, казалось бы, единый запрос на социальную справедливость.

Противостояние нашей страны антироссийской позиции Запада и глобальное размежевание формирует дискурс об исторической справедливости статуса России и наиболее адекватной для реализации этого статуса формулы организации международных отношений. Это позволяет нам поставить вопрос о состоятельности данной повестки как ключевого фактора солидаризации российского общества.

Заключение

На данный момент очевидна и актуальность, и гносеологическая адекватность применения теории социально-политических размежеваний для оценки и исследования ключевых проблем российского общества. Принципиальным достоинством подхода является возможность адаптации к новым реалиям и модификации внутри той логики, что была заложена авторами теории Липсетом и Рокканом еще в 1960-е гг. Неоценимый вклад в развитие теории внесли в том числе и отечественные исследователи, описав большую картину структуры

⁵ Наиболее устойчивыми представляются ценности цивилизационного порядка. См. подробнее: [Мчедлова., Букин 2023]

размежеваний в обществе, также продемонстрировав возможности и ограничения применения теоретических наработок данного подхода к интерпретации российского общества и политики.

Динамика выделенных социальных размежеваний в России демонстрирует, что существующие специфические разделения имеют потенциал превращения в кливаж только в долгосрочной перспективе. Исходя из специфики исторического развития России и отличных от западных образцов сценариев модернизации, предлагается поиск иных оснований — критических переходов — для формирования кливажей, основные из которых видятся в реформах и политических проектах 1990-х гг. Недавнее зарождение и еще продолжающееся оформление разделений позволяет говорить нам лишь о потенциале углубления и закрепления в политико-социальной системе России. Сегодня также возможны иные критические события, способные трансформировать карту разделений и нивелировать наблюдаемые тенденции.

Особого внимания заслуживает мобилизационный потенциал отмеченных линий конфликта и многообразие политических акторов, способных использовать данный инструмент для достижения своих целей в условиях дрейфа политических партий на субъектную периферию политики. При этом не исключен и другой сценарий: возможность солидаризации как внутри больших групп, очерченных размежеваниями (что наиболее видно на примерах проявления разделения свой/чужой), так и между ними в условиях возможности обратимости углубления изменений.

Дискурс запроса на справедливость в данном случае может стать важным инструментом коммуникации и солидаризации внутри групп и во взаимодействии этих групп друг с другом. Для исследователя вариативность представления о социальной справедливости также является маркером реальных линий размежеваний внутри общества и уровня их глубины.

Так, в российском обществе сегодня идут процессы формирования структуры социально-политических размежеваний, и высок потенциал их дальнейшего закрепления в кливажи. Нахождение внутри процесса позволяет иначе посмотреть на проблему солидаризации общества, поставить вопрос о развороте процесса размежевания и сформировать устойчивые основания для консолидации российского общества на основании запроса на справедливое устройство не только в области миропорядка, но и внутри страны.

Поступила в редакцию / Received: 17.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 05.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 05.12.2023

Библиографический список

Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 73–88. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.06>

- Горшков М.К. Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // Россия реформирующаяся. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 150–172. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.6>
- Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995.
- Исаев Б.А., Власкина С.В. Теория социальных расколов Липсета-Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 4. С. 43–64.
- Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности // Политическая наука. 2004. № 4. С. 11–29.
- Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>
- Пантин В.И., Айвазов А.Э. Циклы Кондратьева и фундаментальные причины современной глобальной дестабилизации // III Арригиевские чтения по теме: «Путь России в будущий мировой порядок»: материалы международной научно-практической конференции. Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2020. С. 52–59.
- Подобуева В.А., Шлыкова Д.Н. Социально-политические разрывы и потенциал гражданской солидарности сквозь призму массовой культуры (пример анализа музыкальных видеоклипов) // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «Филигрань», 2023. С. 447–454.
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30, № 5. С. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>
- Шлыкова Д.Н. Проблема цифрового неравенства в России через призму теории социально-политических размежеваний // XVIII Всероссийский фестиваль науки в Москве. Москва: РУДН, 2023.
- Bartolini S. La formation des clivages // *Revue Internationale de Politique Comparée*. 2005. Vol. 12, no. 1. P. 9–34.
- Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage // *Oxford Handbook of Political Science* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford-New York: Oxford University Press, 2006. P. 538–556. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.
- Seiler D.-L. Clivages et familles politiques en Europe. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 2009.
- Marks G., Attewell D., Rovny J., Hooghe L. Cleavage theory // *The Palgrave handbook of EU crises* / ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsom. Palgrave Macmillan, 2021. P. 173–193.
- Römmele A. Cleavage structure and party systems in East and Central Europe // *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania*. Westport, CT, 1999. P. 3–17.

References

- Bardin, A.L. (2021). Digital divide in the modern megapolis: Political aspects. *Polis. Political Studies*, 6, 73–88. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.6> (In Russian).
- Bartolini, S. (2005). La formation des clivages. *Revue Internationale de Politique Comparée*, 12(1), 9–34.

- Deegan-Krause, K. (2006). New Dimensions of Political Cleavage. In R.J. Dalton & H.-D. Klingemann (Eds.), *Oxford Handbook of Political Science* (pp. 538–556). Oxford-New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>
- Gorshkov, M.K. (2023). Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics. In M.K. Gorshkov (Ed.), *Reforming Russia: Yearbook* (Issue 21, pp. 150–172). Moscow: Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.6> (In Russian).
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction. In S.M. Lipset & S. Rokkan (Eds.), *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.
- Seiler, D.-L. (2009). *Clivages et familles politiques en Europe*. Bruxelles: l'Université de Bruxelles.
- Marks, G., Attewell, D., Rovny, J., & Hooghe, L. (2021). Cleavage theory. In M. Riddervold, J. Trondal & A. Newsom (Eds.), *The Palgrave handbook of EU crises* (pp. 173–193). Palgrave Macmillan.
- Mchedlova, M.M., & Bukin, O.A. (2023). Russian civilization: Civilizational approach in political theory. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454> (In Russian).
- Pantin, V.I. (2020). Kondratiev cycles and the fundamental causes of the contemporary global destabilization. In V.I. Pantin & A.E. Ayvazov (Eds.), *III Arrigiev Readings Russia's path to the future world order: Proceedings of the international scientific and practical conference* (pp. 52–59). Orel: Kartush. (In Russian).
- Podobueva, V.A., & Shlykova, D.N. (2023). Socio-political gaps and the potential for civic solidarity through the prism of mass culture (Example of an analyses of music videos. In *Opportunities and threats of the digital society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 447–454). Yaroslavl: Filigree. (In Russian).
- Römmle, A. (1999). Cleavage structure and party systems in East and Central Europe. In *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania* (pp. 3–17). Westport, CT.
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: Criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*, (5), 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05> (In Russian).
- Shlykova, D.N. (2023). The problem of digital inequality in Russia through the prism of the theory of socio-political divisions. In V.B. Petrov, V.A. Tupikova & V.A. Tsyvk (Eds.), *XVIII All-Russian Science Festival*. Moscow: RUDN. (In Russian).
- Meleshkina, E.Yu. (2004). The concept of socio-political divisions: The problem of universality. *Political Science (RU)*, (4), 11–29.

Сведения об авторе:

Шлыкова Дарья Николаевна — студент магистратуры кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)

About the author:

Daria N. Shlykova — MA student of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
